

СОДЕРЖАНИЕ

- **Юбилей Надежды Мирошниченко**
 - Н. Мирошниченко. «Я писем тебе не пишу...» 4
 - В. Лютый. «Эта жажда разговора со своим...»
О поэзии Надежды Мирошниченко 13
- **Литература сегодня**
 - И. Иванов. Дерево у потока. *Повесть* 28
- **Союзу художников Республики Коми 80 лет**
 - О. Орлова. Начало.
Из истории Коми отделения Союза художников России 50
- **Николай Попов, поэт и воин (1975–2023)**
 - Н. Стикина. «... Чтобы искрилось сердце, разум воспламеняя...» 82
 - Н. Попов. Белый кролик Льюис и гномушка Хельга. *Рассказ* 88
 - Н. Попов. Гномы солдаты – фонарщик Феликс и трубочист Джек.
Рассказ 95
 - Н. Попов. Из Усинска в Усинск. *Стихотворение* 106
- **Вениамин Смирнов. Художник и время**
 - О. Орлова. Выставочный проект
«Я буду знать, на свете жил не зря...» 108
- **Литература сегодня**
 - Е. Валериан. «Гортын арийом» тетрадьысь. *Кывбуръяс*. 130
 - Л. Кальматкина. Кыськӧ тай воис! *Висьтъяс, пьесаяс*. 136
- **Национальной галерее РК 80 лет**
 - Н. Беляева. «Парк культуры и отдыха, вход со стороны катка...» 150
 - К. Овсянкина. Ветер и музыка 178
- **Ы**
 - Александра Карабут: «Быд мортлӧн кабалаыс аслыспӧлӧс...» 190

t.me/komiart

Делимся с вами
новостями в Telegram

Присоединяйтесь
к увлекательному чтению!

АРТ

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал

Республикаса литература,
публицистика, история,
культурология да
художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация социально значимых тем
осуществляется при государственной поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Республики Коми.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Татьяна Логинова.

Главный редактор – Павел Лимеров.

Художественный редактор – Юрий Лисовский.

Технический редактор – Роман Пашнин.

Корректор – Алёна Старцева.

Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.

Журнал «Арт»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике Коми.
Регистрационный номер и дата принятия
решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 3 (103) 2023 г.

Дата выхода в свет: 29.09.2023 г.

Руководитель редакции:

Логинова Т. И.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки
и заставок использованы работы
(©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136.
тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография»

с электронных носителей заказчика
в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов.

Подписано к печати по графику – 16.09.23.

Фактически – 16.09.23.

Формат: 70x100 1/16. Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,48. Заказ № 23-6805.

Адрес типографии: 167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные в
номере, принадлежат журналу «Арт».
Перепечатка без разрешения редакции
запрещена. При использовании
материалов ссылка обязательна.

Материалы, не опубликованные в журнале,
редакция не рецензирует и не возвращает
авторам. Публикуя материал, редакция не
обязательно поддерживает точку зрения
автора.

www.artlad.ru

Поздравляем
Надежду
Александровну
Мирошниченко
С Юбилеем!!!

Надежда
МИРОШНИЧЕНКО

Надежда Александровна Мирошниченко – народный поэт Республики Коми, заслуженный работник Республики Коми, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат множества литературных премий. Автор книг стихотворений «Назовите меня по имени», «Хочется счастья», «Русское сердце», «О любви» и других. Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени» (2004), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством I степени» (2021), почётным знаком «За заслуги в литературе» (2023).

«Я писем тебе не пишу...»

БАЛЛАДА ОБ ОБЛАКЕ

Я облаку сказала: не реви.
Да, слёзы начинаются с земли.
И это я наплакалась сегодня.
Что делать – это слёзоньки мои.
Я собирала их почти что век.
Где шли дожди и где подтаял снег.
Где собрались серебряные росы
В такой хрустальный Времени ковчег.
Я о других пока что ни гу-гу:
О материнских, вдовьих и девичьих.
Боюсь, страданию нету в них различья.
Но я о них сегодня не могу.
Я о других, неожиданных, как оплошность.
Как в рамках жизни рамки ремесла,
Где оказалось: грань я перешла,
Как и границу будущего с прошлым.
Вы говорите: Музыка небес.
Вы говорите: Стоны перезвонов.
Но что мне та Сикстинская Мадонна,
И что мне этот польский Полонез,
Когда душа увяла, как трава,
Лишь потому, что облако просило:
«Поплачь. Во мне уже не стало силы».
И слёзы пролились на рукава.

* * *

Двадцать третий в двадцать первом веке –
Год особый, что ни говори.
Всё перевернули в человеке
Золота слепые короли.

* * *

А этих рассказов о лесе,
О тихом народе в лесу,
О низком таком поднебесье
И о неводах на весу.
А этих рассказов о травах
В стогах и ещё на лугу,
О просеках и переправах
Наслушаться я не могу.

Когда б не ходили по следу
За рыжей лисой мужики
И не приносили к обеду
Тугих окуньков огоньки,
Когда бы не под небесами
Была наша жизнь коротка,
Когда б не рождались мы сами
С глазами звезды и цветка,
И не умирали деревья.
И не кочевряжились пни.
И нас не пугали издревле,
Что леший живёт меж людьми,

Когда б не бывала природа
Безжалостна и хороша.
Была бы тогда у народа
Народная эта душа.

* * *

Нас разучили плакать и жалеть,
А это значит, что любовь ослабла.
Она была в веках нам крепкой ведь.
А это больше, чем почёт и слава.
Нас научили вовремя молчать.
А это значит – разучили драться.
И ни за что всерьёз не отвечать.
И только за самих себя бояться.
Не будем же во всём себя винить.
Они, конечно, больше виноваты.
Но что и кто сумел в нас преломить,
Что мы теперь другие, чем когда-то.
Но вот война – и этот же народ
Взял вещмешки – и на передовую.
И, умирая, вновь идёт вперёд
И, побеждая, плачет и ликует.

24.02.23

НО РАЗВЕ ЕСТЬ ВЫХОД

Они всё стенают, что было не надо...
Мол, жили б спокойно и тихо.
Что враг лишь играет в войну и парады.
Но разве был выход?!

И как обнажилась по первой тревоге
Двоякая суть переправы!
Могли ль мы представить на Русской дороге
Предателей – справа?!
И тех, кто ещё затаились в России,
В надежде на наше бессилье.
Кто вдруг замолчали, а как голосили.
Но что им – Россия?!

И танки Европы стоят на границах.
И много там всякого лиха.
Не мы начинали.

И, как говорится,
Опять им придётся за всё расплатиться.
Но разве есть выход?!

ЧЕРТА

Понимаете, всё происходит внезапно.
Ты не знаешь, когда это должно случится.
Я тебе говорю: «Может, встретимся завтра?»
Но уже подошла синий вечер Жар-птица.
И уже горизонт распахнул свои двери:
«Проходи на завалинку. Не беспокойся».
Я тебе говорила, что люди и звери
Иногда однозначны. И ты их не бойся.
Я тебе говорила, что реки и речи
Иногда однозначны, лишь вслушайся в звуки.
Ну зачем ты опять мне беспечно перечишь?!
Я уже научилась полёту разлуки.
В этих волнах серебряных птиц окрыляли.
В этом небе родник в ясных зорях купался.
Я тебе говорила, чтоб мы побывали
В проходной горизонта. А ты побоялся.
Я тебе говорю: «Может, встретимся завтра?»
Ну сегодня никак мне не освободиться...»
Понимаете, всё происходит внезапно.
Но уже подошла синий вечер Жар-птица.

МОТИВ ДЛЯ МОЛИТВЫ

Вячеславу Лютому

Когда пойдёшь по Родине пешком,
Не обойдёшь её и не старайся.
Всё хорошо на ней и любо, словно рай Всё.
И пахнет земляникой с молоком.
Но так в душе. В твоей любви к земле,
Которая повязана с тобою
И песней. И дорогой, и судьбою.
И каплями на солнечном весле.
А наяву так много нещедрот,
И нестроений. И недоработок...
И только тот, её бессмертный отрок,
Всё тот же он, хоть кажется: не тот.
Он смотрит в небо и летит в зенит
В своей мечте. И не сгорит на солнце.
Течёт смола янтарная по соснам.
И над руками облако звенит.
Как мне свести всё это вместе с ней.
Моей земли – с судьбой моей России?!
Как все её колдобины осилить,
Переплетая с криком журавлей?!
Откуда эта Вера и Мольба,
Что всё случится так, как Бог положит.
Что сам народ себе же и поможет
И, отработав, пот смахнёт со лба?!

Я ПИСЕМ ТЕБЕ НЕ ПИШУ

Я писем тебе не пишу, только это не главное.
Ты всё понимаешь и так. Понимаю и я.
Но если бывает на свете тоска православная,
То это она нас настигла, обрушив края.
Совсем не смертельная, только и не подневольная,
А чище слезы и дороже любви и мечты.
Такая по-русски бездонная и хлебосольная,
Что хочешь не хочешь, а с правдой не справишься ты.
А хочешь не хочешь, замрешь у порога и всё-таки
Войти – не войдешь: всё родное уже позади.
Всё лучшее было и золотом памяти соткано
В красивую жизнь. Даже замерло сердце в груди.
И если бывает на свете тоска православная,
То это она нас настигнет, обрушив края.
Я писем тебе не пишу. Только это не главное.
Ты всё понимаешь и так. Понимаю и я.

ВЕЧНОЕ

(русская песня)

Памяти Анатолия Федулова

Вы вот говорите: «Он тебя лелеет!»
Вы вот говорите: «Он тебя жалеет!»
Вы вот говорите: «Он по тебе страдает!»
Вы вот говорите: «Он же тебя не знает!»

Он меня лелеет?! Он меня просто любит.
Он меня жалеет?! Он меня просто любит.
Он по мне страдает?! Он меня просто любит.
Он меня не знает?! Он меня просто любит.

Вот ведь в какой светёлке выжила наша песня.
Вот почему так долго-долго мы с ним вместе.
Вот почему к счастью нас привела дорога.
Вот почему Боженька простил нам так много.

Да, он меня не знает: он меня просто любит.
Он по мне страдает: он меня просто любит.
Он меня лелеет: он меня просто любит.
Он меня жалеет: он меня просто любит.

ПО МОТИВАМ РУССКОЙ СКАЗКИ

Понимаете, сердце оно не устроено всюду,
Потому что подвержено счастью, почти как греху.
И ему неуютно везде до минуты, покуда
Оно ищет родное, такое же, «как на духу».
Оно ищет-поищет, да всё же торопится сходу
Признать за своё, что вовек не бывало своим.
Потому что оно испокон прилепилось к народу,
Что не может без сказки. Который лишь Богом храним.
Успокойся, сердечко: ты выбрало всё по сердечку.
Всё, что люди взыскуют, да, вот отыскав, не хранят.
Как ни трудно пришлось, но твоё золотое колечко,
Как сбегать ни пыталось, да всё возвращалось назад.
Потому что здесь было и поле, расцветкой в ромашки,
Золотое крылечко и солнышко над головой.
И какие-то вымыслы, вровень с душой нараспашку.
И, конечно, Иван-дурачок, но до близости свой.
Да, Иван-дурачок, только он-то и знает наверно,
Где тот ключик заветный, что честному счастью цена.
Потому лишь ему и встречается эта царевна,
Что сама и не знает, какого ей надо рожна.

* * *

Василию Воронову

Если им не нравится мой Бог,
Если им не нравится мой Царь,
Если встали все дешёвки в срок
Под чужое знамя, Государь!
Если им не нравится народ,
Если им не нравится страна,
Пусть бегут и Ирод, и Урод
Из земли, где грош им всем – цена.
Где для нас – и пашня, и свирель.
Наших даты битв и имена.
Где Война – лишь против нас досель –
Нашею Победою полна.
Вам от нас давно пора отстать.
Нам ни шут, ни ворог – нипочём.
Бойтесь, чтобы вновь не заблестать
Слову моей Родины Мечом.

ПОКА НЕ СПОКОЙНЫ РУССКИЕ

Сквозь вешние звёзды тусклые
Стрелой пронеслось в эфире:
Пока не спокойны русские,
Не будет покоя в мире.
А Богом России дадено
Достатку во всём – работай!
Да ползает рядом Гадина:
Всё хочет отнять чего-то.
И ластится, и коверкает
Скрижали Руси святыя.
И кажется всё от века ей,
Что пашни у нас – золотые.
Что реки у нас – алмазные.
Что из хрусталя кладбища.
И ждёт она Стеньку Разина.
И вновь Пугачёва ищет.
А русские люди – воины,
Научены временами.
С того мы и беспокойные,
Что видим, кто за холмами.
А наши бойницы – узкие.
И есть кое-что для боя.
Оставьте в покое русского
И будете жить в покое.

* * *

Город, в котором дыханье моих детей живо.
Речка, в которой детство моё бродит.
Жители, сплошь и рядом всё старожилы,
В городе с речкой, родные уже мне вроде.
Время за каждый камушек зацепилось.
На каланче пожарника моментальность.
Только бы не исчезла, не прекратилась
В провинциальном слогe провинциальность.
Влево пойдёшь – там Школа. Портфель. Банты.
Вправо пойдёшь – там в будущее калитки.
Прямо пойдёшь, ждут новые варианты.
Криво пойдёшь, лгут старые пережитки.
А по дороге – тополь. И шёпот. Шёпот.
А по судьбе – проталины да зарницы.
Стоило беззащитность менять на опыт,
Чтоб над колодцем памяти поклониться.

ТЫ ЗАМЕН НЕ ИЩИ

Ты замен не ищи: ни к кому не ходи, кроме Бога.
Нет замены Ему. И хоть как головой ни крути,
Но на верном пути остаётся лишь эта дорога.
А другие, в обход, не дают нам до Бога дойти.
Ни о чём не печалься, мы все в целом свете такие:
Ошибаемся, платим и снова стремимся вперёд.
А вперёд – это к Господу. Но заблудилась Россия
И наслушалась бесов, и канула в водоворот.
Я сама не другая. И мне эта Родина наша –
Поводырь и попутчик. И кто тут кого заплутал?
И при мне стали звать мою чистую Родину – Раша.
И при мне все орлы улетели в равнины со скал.
И любовь пролилась, как сквозь сито, не в землю, а в камни.
Хорошо, что ещё хоть немного осталось на дне.
И меня иссушило такое привычное «кабы»,
Что ни в чём не спасало, но тлело, как уголь, во мгле.
Я замен не ищу. Ни к кому не хожу, кроме Бога.
Но плохой прихожанкой тебе в сотый раз повторю,
Что на русском пути остаётся лишь эта дорога.
Ни к кому, кроме Бога, и ты не ходи, говорю.

КОМИ ЗЕМЛЕ

Андрею Попову

Упаси меня, Бог, от завистливых дум
И от мести меня упаси!
Упаси меня, Бог, от нацеленных дул.
От всего, что сейчас на Руси!
Только в Коми земле и стоит благодать.
Только в ней – тишина и покой.
А, считай, до войны-то рукою подать.
И до новых могил над рекой.

Я люблю эту землю. Её забытьё
И её первозданную ширь.
Я люблю эту землю: и сёла её.
И воскресший в тайге монастырь.
Не забыть мне цены за сегодняшний день.
За дорогу – аж до Воркуты!
Я люблю наших сосен глубокую тень
И снегов голубые холсты.

Упаси меня, Бог, от предательских глаз
И от гнева меня упаси!
Вот и пробил он – этот негаданный час –
Испытать, кто нам друг на Руси.
Ой, ты, Север, мой Север, идут холода.
Да земля под ногами гудит!
Пусть не гаснет Полярная наша звезда!
Пусть любовь нас спасёт, как спасала всегда!
Пусть на нас вся Россия глядит!

МНЕ НЕ ХВАТАЛО В ПУШКИНЕ МЕНЯ

Мне не хватало в Пушкине меня.
И мама меня умная корила.
Она мне с огорченьем говорила:
Подумай, кто, мол, ОН! И кто, мол, я.
А я была румяна и бела,
Как лёгкая пуховая подушка.
И верила: меня бы понял Пушкин,
А мама моя вот не поняла!
Но тайну мне открыла западня,
Которая на волю не пускала,
Что не хватало мне во мне меня.
А Пушкину всего в себе хватало.

14.01–15.02.23

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ФЕДУЛОВА

Они златые горы обещали.
А он мне ничего не обещал.
Они себя на свете защищали.
А он меня на свете защищал.
Они и он. Зачем я их равняю?
Зачем стираю острые углы?
Всё позади. Но если я живая,
То это он отнял меня у мглы.
И это он, доверчивый и слабый,
Мне бросил в ноги собственную жизнь.
И не просил ни верности, ни славы,
А только тихо упрекнул: «Держись»!
Всё позади, но если люди спросят:
О них-т, мол, сердечко не болит?!
Да что они?! Они его возносят.
А он о ни вообще не говорит.

1989

Вячеслав
ЛЮТЫЙ

Вячеслав Лютый – советский, российский литературный и театральный критик. Родился в семье советского офицера. После окончания Воронежского политехнического института работал радиоинженером, служил в армии. В 1993 году окончил Литературный институт им. М. Горького – семинар критики, учился в аспирантуре. В 1980-90-е годы был звукооператором театра драмы, электриком, сторожем, заведующим литературной частью в Московском молодёжном театре Вячеслава Спесивцева, заведующим московской редакцией журнала «Континент», инкассатором, менеджером коммерческого банка. В настоящее время – заместитель директора-главного редактора литературно-художественного журнала «Подъём» (Воронеж). Член Союза писателей России, председатель Совета по критике Союза писателей России.

«Эта жажда разговора со своим...»

О поэзии Надежды Мирошниченко

**Собеседник в художественном пространстве
Надежды Мирошниченко**

*Но ложимся в неё и становимся ею,
Оттого и зовём так свободно – своею.*

Анна Ахматова

*И теперь я могу говорить, как дитя, бестолково...
Но со светом, струящимся искренностью изнутри.*

Надежда Мирошниченко

1

Современная русская поэзия условно может быть разделена на две художественные территории. Одна из них – лирика переживаний и чувствований, созерцаний и творческих свидетельств. Другую охарактеризуем как поэзию мысли. В той или иной мере многие свойства общепринятой лирики присутствуют и в стихотворениях второго литературного эшелона. Однако при ближайшем рассмотрении его творческим двигателем оказывается именно движение мысли автора, её переливы и оттенки, соприкосновение её с реальностью и историей, осознание взаимоотношений мужчины и женщины.

Художественная мысль предстаёт перед читателем не только в виде рассудительных строк – она бывает эмоциональной, даже страстной, у неё хватает силы проникать в темы, традиционно присущие лирическим стихотворениям, и выходить на такие обобщения, которые часто ускользают от поэзии первого рода. В качестве ближайшего и очевидного примера назовём творческое наследие Юрия Кузнецова. И одновременно подчеркнём, что художественный мир, в котором такая поэтическая мысль «широкого захвата» является главным действующим лицом, встречается довольно редко. К тому же, взаимодействуя с лирической историей героя или героини, она подчас находится в её

тени и выражена не столь явно. И закономерно, что подобная поэзия мысли остро нуждается в опознании, в идентификации. Причём такая литературоведческая задача не самодостаточна: её решение позволяет точнее понять нюансы стихотворения и уловить значимые перемены в авторском отношении к событиям, людям и поступкам.

Впрочем, может возникнуть вполне резонный вопрос: к чему, погружаясь в ткань произведения, показывать, как в нём всё устроено? Ведь это – предмет изучения филологической науки, а не литературной критики, облечённой доверием читателя. Между тем, мы не должны упускать из виду то обстоятельство, что художественный текст всегда содержит в себе дополнительные смыслы, с которыми автор напрямую «не работал», но они проявились интуитивно и в виде фона непременно присутствуют в его письме. Это и личностные характеристики писателя, непосредственно влияющие на степень доверия читателя к его словам. И чувственное состояние пишущего, которое углубляет его психологический абрис. А также – динамика интонации, которая говорит нам об уверенности автора в только что сказанном, о понимании им того, в каком пространстве звучит его речь и многим ли она слышна и понятна. Названные (совсем не очевидные) штрихи влияют на восприятие читателем строк стихотворения: от них зависит, возникнут ли душевные движения, драгоценные и для поэта-певца, и для внешнего человека, его современника.

Стихи Надежды Мирошниченко обладают отчётливо выраженными особенностями авторской интонации, в них воплощена способность поэтессы соединять явления и предметы взаимно далёкие – неожиданными поворотами сюжета... Притом её лирические истории и монологи кажутся читателю какими-то особенными. В них как будто много привычного, однако поставить автора в некий ряд имён и литературных тем можно лишь с некоторым внутренним усилием. Хотя обаяние этих поэтических строк от того не только не страдает, но приобретает черты творческого явления во многом загадочного.

В первую очередь, загадка кроется в разговорности художественного слога Надежды Мирошниченко. Как правило, подобный стиль речи позволяет поэту сократить дистанцию между повествователем и слушателем-читателем, «одомашнить» проблематику и сюжет стихотворения, приблизить лирический рассказ к современности, которая узнаётся в её деталях. У Мирошниченко всё обстоит совершенно по-другому.

Её строка организована таким образом, что диалогизм в ней отчётливо присутствует, однако прямого обозначения собеседника – нет. Будто слушатель и потенциальный участник разговора стоит невидимо за плечом автора – и автор об этом знает. И понимает, что речь его обращена к стоящему сзади, к тому, кто не в силах самостоятельно опознать реальность, сформулировать её суть и решить, как ему быть дальше. Здесь повествователь оказывается неким поэтическим разведчиком, который погружается в чащу бытия и разгадывает её почти непостижимое устройство. Выступая в качестве проводника, который этой конкретной тропой и сам ещё не ходил, он тем не менее знает, что может двигаться по ней с уверенностью. И ведёт за собой «условного собеседника», отвечая за то, чтобы с душой и телом того не случилась беда.

Примечательно, что слушатель («неактивный», условный собеседник) практически не подаёт голоса, но его мысли и чувства угадывает автор и озвучивает их, выступая также как толкователь реакций и психологического состояния этого второго неявного героя – гражданина ли, возлюбленного, современника, русского человека... Обычного или интуитивного, но всегда – душевно менее продвинутого, нежели alter ego автора. Между тем, способность осмысливать происходящее и догадываться о возможном или неминуемом развитии событий всегда остаётся прерогативой лирического рассказчика. То есть диалогизм здесь имеет чёткие художественные границы. И такое обстоятельство не может не

влиять на тематический диапазон лирики Надежды Мирошниченко. Вот почему одной из задач исследователя, который погружается в её стихотворения, можно считать «выяснение роли собеседника» в её творческом пространстве.

2

Не будет преувеличением счесть тему любви наиболее весомой в творчестве Надежды Мирошниченко. При этом великое чувство в её стихах переносится на предметы и явления более общие, нежели взаимоотношения мужчины и женщины. Любовью пронизаны её стихи о русской земле и русском народе, о нашей истории и характере здешнего человека, о природе и местах, с которыми связана жизнь автора. Крайне сложно в корпусе её стихотворений найти вещи отвлечённые, погружённые в собственные переживания, созерцательные в классическом понимании такого определения. Примечательно, что одиночество как стержень лирического сюжета у Мирошниченко встречается только в очень слабой концентрации. Поэтесса всегда находится в диалоге с живыми и ушедшими, с памятью и текущим днём. И ещё – в диалоге с вышним Промыслом.

*Ты замен не ищи: ни к кому не ходи, кроме Бога.
Нет замены Ему. И хоть как головой ни крути,
Но на верном пути остаётся лишь эта дорога.
А другие, в обход, не дают нам до Бога дойти.
Ни о чём не печалься, мы все в целом свете такие:
Ошибаемся, платим и снова стремимся вперёд.
А вперёд – это к Господу. Но заблудилась Россия,
И наслушалась бесов, и канула в водоворот.
Я сама не другая. И мне эта Родина наша –
Поводырь и попутчик. И кто тут кого заплутал?
И при мне стали звать мою чистую Родину – «Раша».
И при мне все орлы улетели в равнины со скал.
И любовь пролилась как сквозь сито – не в землю, а в камни.
Хорошо, что ещё хоть немного осталось на дне.
И меня иссушило такое привычное «кабы»,
Что ни в чём не спасало, но тлело, как уголь, во мгле.*

Начиная поэтическую речь с предметов самых разных, личных и общих, житейских и духовных, практических и идеальных, «не от мира сего», поэтесса сопрягает их с любовью. Причём происходит такое сближение с поразительной неуклонностью – будто некая вещь – материальная, объёмная, осязаемая – испытывает неустрашимое притяжение земли. Подобное правило, которое можно назвать едва ли не главным в поэтике Надежды Мирошниченко, почти не знает исключений и присутствует в стихах её постоянно. С другой стороны, остаётся лишь удивляться, сколь многолика любовь в её лирике, сколь она универсальна и может быть найдена в любой коллизии, которая воссоздаётся пером автора.

*То ль завоешь, как волк,
То ль, как иволга, птицей застонешь,
То ль взорвёшься черёмухой,*

*То ли стрелой упадёшь,
Лишь как вспомнится мне
Мой любимый, мой русский Воронеж,
С этой Россошью маленькой,
Тоже медовою сплошь.
Лишь как вспомнятся мне все ошибки и все неудачи,
По бескрайнему счастью разученные наизусть –
Я возьмусь за перо и, как девочка, глупо расплачусь.
И бумагу порву, и почувствую слёзы на вкус.*

*Но лишь вспомнятся мне все курганы мои и долины,
Все озёра и реки с прошитой строкой камышей –
Я возьмусь за перо и над Русскою встану равниной,
Как над русской былиной: взглянуть, что же сделали с ней.*

Или так:

*Что-то, душа, мне не нравится,
что мы с тобою одни –
Мало ли что там окажется за перевалом,
Сядь на крылечко сердца. Передохни.
Ты же всегда умела обходиться малым.*

Собеседником у Мирошниченко становится всё что угодно – поэтесса очень естественно олицетворяет этот образ, который бывает как предметен, так и иррационален. С ним связаны надежды спрятанного за текстом автора, его гнев, грусть, предупреждение о поступке или о неотвратимом течении событий. При этом общение с таким собеседником происходит напрямую, без каких-либо посредников, натуральных или условных. Но когда в стихотворение вторгается по воле его создателя русский миф – деталями или наглядными аллюзиями, кратким пересказом старого сюжета или соединением древности с кропотливой реальностью, автор отвлекается от своей роли проводника читателя в художественно отображённой действительности и воспринимает его уже как союзника, по отношению к которому возникает «чувство локтя».

*Понимаете, сердце – оно не устроено всюду,
Потому что подвержено счастью, почти как греху.
И ему неуютно везде до минуты, покуда
Оно ищет родное – такое же, «как на духу».
Оно ищет-поищет, да всё же торопится с ходу
Признавать за своё, что вовек не бывало своим.
Потому что оно испокон прилепилось к народу,
Что не может без сказки, который лишь Богом храним.*

Именно потому многие стихотворения Мирошниченко, посвящённые родной земле и её истории, воспринимаются читателем так горячо и воодушевлённо, с ощущением правды, пронизывающей слова, исторические отсылки и художественные образы поэтессы. Вот где со всей определённой возникает абрис собеседника, у которого с ав-

тором оказывается много общих черт и душевных забот. Стоит отметить, что стихотворений о России и её многострадальной исторической судьбе у Мирошниченко очень много. Огромный свод её лирики о Родине, многообразный по сюжетным подходам и художественным решениям, можно счесть уникальным вкладом поэтессы в сокровищницу русской патриотической литературы. Здесь мы найдём неповторимую игру интонаций, соединение страниц прошлого с настоящим, переплетение фольклоризма с приметамы узнаваемой действительности.

Стоит специально оговорить три главные темы в её творчестве: Родина – любовь – беда. При этом в тематическое русло отчего края непротиворечиво укладываются две другие позиции: любовь и беда.

Мирошниченко много раз проникновенно упоминала и воплощала в ёмких образах черты России:

*Русские мы. И не только по отчеству.
Этого мало – берёзы и синь.
Просто не знает другого высочества
Тот, кто родился на древней Руси.
Если не веришь, от юга до севера,
Выдь на дорогу, не помня обид.
В горсть набери ты пшеницы и клевера
И погляди, как тебя опьянит.*

Или так:

*Сорвётся дождь, на землю упадёт,
Пробьётся вглубь, надышится землёю
И клевером сквозь поле прорастёт.
И будет пахнуть хлебом и травую.*

Она связывает «русское» с обыденными вещами и, обращаясь к себе (или читателю), далее уже возвышает голос, говоря о Руси. Укрупнение привычных малых деталей родной земли помогает автору высказываться и художественно размышлять о Руси в целом. Подобный способ вхождения в тему нельзя назвать оригинальным, в нашей поэзии он разработан достаточно хорошо. Однако Мирошниченко обладает редким свойством объединять большое и малое на равных правах: в её строке скромные детали обладают большим смысловым весом, а последующее развитие сюжета с использованием масштабных исторических и геополитических вех не теряет драгоценной вещественности, не уходит в чистую, хоть и красноречивую риторику, как это случается порой у иных поэтов.

История России в последние два столетия горька и трагична, хотя и в прежние времена наряду с мгновениями радости русский человек испытывал лишения и печали, проливал кровь и боролся с нуждой, становился жертвой сговора тёмных сил. Вот почему слово «беда» – горькая часть житейского круговорота в России. Надежда Мирошниченко, последовательно входя в объёмный образ Родины, постоянно упоминает о её жертвенности и о внутренней силе, о преодолении власти «мира, который во зле лежит», по евангельскому определению. Эти нравственные координаты для русского человека остаются определяющими. Потому и сегодня на нас возлагается вина за нежелание следовать эгоистичным путём западной цивилизации, отвергая нравственные заветы русских гениев и духовидцев.

*Эта вина, внедрённая
В нас, как приказ извне.
Кайся, непокорённая
Родина, что ты НЕ:
Не продалась, не сгнула,
Не отреклась со зла.
Кайся, что не отринула
Бога и ремесла.
Кайся, что чистоплотная:
За образец простой
Нынче купцы залётные
Жалуют золотой.
Кайся, что настоящая.
Кайся, что не прошли
Их короли пропащие
В наши с тобой цари.*

Поэтесса удивительно самобытно выстраивает публицистический сюжет. Её строки не стареют с годами – это верный знак того, что слова здесь одухотворены самой поэзией, их истоки мы найдём в пушкинской традиции, где лирика и огненная речь совсем не мешают друг другу.

Страдальческий образ Руси, подвижнический и стоический, в большом многолетнем корпусе стихотворений Мирошниченко постоянен.

*Лишь закрою глаза – тоскую.
Лишь открою – тоска сильней.
Где мне Родину взять такую,
Чтоб душой не болеть по ней?!
Чтоб не мучили так, как эту.
С глаз долой бы, из сердца – вон.
Но куда ни пойду по свету,
Только Русь с четырёх сторон.
<...>
Разгулялась слепая сила,
Словно бешеная волна.
Лишь закрою глаза – Россия.
Лишь открою – опять она.*

Зримая и незримая Россия, действительная и идеальная, – для автора это самая большая мысль и самое большое переживание. Только внутри названных координат существует всё остальное – общее и личное, вещественное и отвлечённое.

У Мирошниченко, пожалуй, как у никого другого в современной русской поэзии, явлены апокалипсические картины сегодняшней Руси. Тут – свойство её зрения и интонация авторской речи. Причём мирные приметы жизни у поэтессы соседствуют с образом катастрофы – именно в таком порядке её взгляд отслеживает движение событий: их возможное развитие, а совсем не воспоминание о прежнем уже после наступившего финала истории. Подобное «двойное» видение склоняет автора и читателя к необходимости це-

нить простое и привычное и предостерегает от образа смерти как фатального окончания света, мира, человека («...Когда сам космос около порога / И бездна – на родимой стороне»).

*Ни русского слова,
Ни русского духа,
Ни русского имени в русском раздолье.
«Спаси тебя, Господи! – скажет старуха. –
Спаси тебя, Господи, русское поле!»
Неужто и впрямь из тебя не напиток
Покоя и радости, русская чаша?!
Да сколько ещё на земле повторится:
«Спаси тебя, Господи, Родина наша?!»*

3

Примечательно, что предметы, окружающие героиню Мирошниченко, практически всегда даются в несколько отвлечённом виде. Кажется, автор не стремится к точности, рисуя фигуру или часть окружающей среды: для поэтессы более важным обстоятельством оказывается связь деталей картины, которая стоит перед глазами. В чистом виде созерцания в её стихах как будто нет совсем, а потому сюжеты и условные изображения, в первую очередь, интеллектуальны. Основой сюжета становится мысль, так или иначе представленная в стихотворении – со своими антиподами и нарочитыми упрощениями со стороны антагонистов. Поэтическое письмо Надежды Мирошниченко не реалистично, а повествовательно в духе старины, когда мелочи не отвлекали читателя от главного в развитии сюжета. Но если рассмотреть свойства авторского интеллектуального стиля, то обнаружится, что он насквозь метафизичен, отвлечён от физики чётких линий и осязаемого веса, от характерных примет живописной техники – наглядно пастозной или пастельной.

Поэтические композиции Надежды Мирошниченко скреплены с реальностью определёнными узлами и вместе с тем параллельны твёрдой «здешней» действительности. Если и далее сравнивать «нарастание» содержания в её стихотворениях с живописью, то уместно говорить о живописи большими мазками. Вот только цветовая гамма тут сведена, по существу, к широким вариациям чёрного и белого, отчего возникает «спектральное» сопоставление её литературных образов с лаконизмом, свойственным графике.

Эти «удары» мастихина или крупной кисти по полотну и новые большие пространства, заполняемые частями общей картины, в определённой степени связаны с экспрессивностью повествователя и его эмоциональностью. А способность динамично строить содержание поэтического высказывания неотделима от главной обширной мысли автора, от его мировоззренческого устройства. Таким образом, движущей силой художественного письма Надежды Мирошниченко является эмоциональная мысль и интуитивное приложение традиционной конфигурации мира, незримо запечатлённой в душе, – к сегодняшнему дню. В какой-то мере автор в стихотворениях своих похож на старинного русского человека, перевоплощённого в нашего современника, у которого, тем не менее, остались живые нервные узлы, напрямую связанные с отечественной древностью. То есть душевное тело – нынешнее, а многие его узловы точки – как бы привнесены из прошлого.

И тогда оказывается, что alter ego поэтессы есть соединение «старого» русского чело-

века с новым, и тоже русским: второе «я» повествователя предстаёт двуединой субстанцией, принципиально не делимой на дробные составные части. Взаимодействие этих условных «фигур», их взаимное согласие или невидимая духовная схватка неожиданно проявляются в «фоновых» словах и предстают как ещё один разговор, пополняя поэтическую ткань и придавая ей черты многоголосия.

4

Стихотворения Надежды Мирошниченко о любви есть непрекращающийся разговор с возлюбленным – мужем Анатолием Федуловым. Уже не один год прошёл с момента, когда он покинул земные пределы, однако столь велика была общая вселенная, столь содержательна и многообразна была совместная жизнь, что таким поэтическим беседам, кажется, не будет конца. Эту часть поэзии Мирошниченко по праву можно счесть жемчужиной её творчества.

*А он один не предал и не продал,
Хоть и не знал, зачем она ему.
А он ей руку, не смущаясь, подал.
Во свет пошёл за нею и во тьму.*

*А он один всегда был с нею рядом
И не искал неповторимых слов,
А говорил: «Одна ты мне отрада».
И повторял: «Одна ты мне любовь».*

*А что молчишь ты? Этого хватило,
Хотя казалось – только и всего?!
А вот, поди ж ты, и она любила.
А вот, гляди ж ты, именно его.*

*Банально всё, что с ними приключилось.
Но я порою думаю тайком:
Кому из нас такое же не снилось?
И кто из нас не плакал о таком?*

Поэтесса замечательно выписывает слитность героини с её любимым и их взаимную отдельность, непохожесть друг на друга. Подобная диалогичность в русской любовной лирике, кажется, не имеет аналогов. Притом так ложится на душу стиль и интонация автора, что мнится, будто лишь за них, оставляя в стороне смысл, уже и ты любишь пишущего.

Стихи названного рода у Мирошниченко становятся как бы лирической стенограммой, вдохновенной фиксацией всего, что происходило за всю историю отношений автора и её сердечного друга. Оживают давние мизансцены, раскрываются прежние недомолвки, превращаются в глубокие размышления слова, что когда-то были мимолётными... Происходит неустанный напоминание о прошлом, которое не уходит из настоящего, но обретает некую трудно объяснимую форму своего существования, когда двое любящих живут в одной душе, потому что вторая отлетела в недостижимые для человека миры. И здесь образ собеседника меняется, в него превращается сама поэтесса, как бы гово-

рящая с собою давней, восстающей из пропасти времени. Нет чужих, тут только свои, но женщина теперь – в двух лицах.

*Когда ты был ещё чужим,
И я ещё росла,
Ты рассказал мне, как ты жил,
Чем жизнь твоя была...
В степи, от засухи седой,
Где речка чуть течёт,
О чём мечтал ты, мальчик мой,
Не встреченный ещё?*

Когда Надежда Мирошниченко пишет о любви, в её окоём попадают также и предметы близкие, житейские, фактурные: «Тяжёлые яблоки падают с веток. / И кролики прячутся в клетки». Смешение высокого, природного и житейского – здесь очень точное, с чувством меры большого и малого. Оно придаёт картине необъятность, в которой далёкое и близкое вполне могут изменяться, оказываясь несколько другими, нежели в эпизоде, «схваченном» внутренним зрением автора. И такая живая, словно дышащая композиция пространства даёт ему земную универсальность, вместе с тем сохраняя конкретику и единственность места и обстоятельств.

*Так мужу было надобно и Богу.
Видать они придумали вдвоём,
Чтоб я любила ветер и дорогу,
Предпочитая колыбель и дом.*

В приведённой цитате есть важные смысловые указатели: лирическая героиня послушна Богу и мужу, в чём наглядно проявляется сила любви и традиции. Она ценит вольность, но склоняется – к домашнему укладу.

Часто интонация авторской речи – песенно-речитативная, а проговариваются, обозначаются в тексте вещи сказовые и культурно-условные. Однако всякий раз поэзия Надежды Мирошниченко выходит на смыслы высокие и почти единственные. Так происходит соединение народной русской речи с народной русской верой, в которой чтут Спасителя, но и природа не забыта, и бытовая жизнь идёт по старым правилам. Поэтическое слово автора отталкивается от русского мифа, причём от его многих атрибутов – но не собственно от системы духовных координат. В свою очередь, фольклоризм в сюжетах Мирошниченко проявляется не в стилизации речи, а в сюжетном использовании фольклорных ходов, в сближении реального – с мифологическим, сказочным, при лёгкой отсылке к фольклорной речевой интонации. И в итоге приходит к русской вере, в которую органично вплетается русский обычай.

У поэтессы очень органично сливаются в единую повествовательную линию рассказ и изображение. В результате она избегает как рассудочности, резонёрства, так и предметной декоративности. Сюжет становится на удивление убедительным и живым, зримым и умным.

Поэтическая речь Мирошниченко состоит из «слов-наитий» и «слов-из-жизни», которые все стали её словами, что заметно в самых разных стихотворениях. Догадка и традиция – вот формула художественного слога автора.

Самое главное, с чем лирический рассказчик имеет дело – это душа, мука, любовь. Всё иное – внешние обстоятельства, на которые автор или её героиня не могут повлиять.

*А всего и было, что душа.
Господи, какая это малость!
Ни плоха была, ни хороша,
А почти Вселенною казалась.
А всего и было, что любовь.
Господи! Лишь одного прошу я:
Подари мне эту муку вновь
И не отбери, пока дышу я.*

Как много здесь внутренней драмы и радости жизни. Умение плакать без слёз позволяет поэтессе скрывать горечь сердца и не выносить личное на поле общего – природы, света, необъятной земли... Это позволяет автору определить место человечески малого в бытийно большом. Сопоставление «малое – большое» у Мирошниченко возникает регулярно: слова стихов и песен на фоне русского мифа, русской сказки, русского простора; судьба человека, народа – на фоне великого Промысла...

*Начинала с ручья. А потом подошла к океану.
И душа задрожала, столкнувшись с его глубиной.*

Поэтесса постоянно сталкивается с большими смыслами, которые проявляются в её стихах даже игрового характера, а также в изображении быта и разноголосицы людской среды. Мастерски управляя разного рода мнениями и суждениями в лирическом сюжете, автор воплощает самое существо собственной поэзии. Подобное «управление голосами» очень характерно для стихотворений Надежды Мирошниченко о любви.

5

Приметы времени в стихах Надежды Мирошниченко показаны во многом калейдоскопично – они словно выхвачены властной рукой художника из непрерывного потока мгновений, десятилетий, эпох. Речь идёт о хронологических знаках, но поэтесса куда большее внимание уделяет смыслу времени. Он перетекает из текущего дня в прошлое, и порой – в будущее. Автор стремится понять даже не само время, но его изменения. Не опознаваемую реальность, а динамику смены картин и событий – что в её сердцевине, в её основе? Вот почему у Мирошниченко мы находим своеобразные «срезы» разных временных пластов и различных эмоциональных и смысловых состояний. Это позволяет ей свободно перемещаться между целыми эпохами и отдельными этапами, между сюжетами историческими – и коллизиями лирическими, биографическими. Подобные экскурсы почти всегда окрашены стилистикой речи автора или его интонацией.

Любопытно, что цвета в стихотворениях поэтессы в прямом наименовании почти отсутствуют и часто обозначаются опосредованно: «серебряные крылышки», «золото ковров»... Внешнее изображение предмета для неё второстепенно, важнее – его название, в котором спрятан смысл присутствия этой вещи в реальном мире. Точно так же и очертания того или иного «объекта» у поэтессы фактически не проявлены. Вся её художественная речь сосредоточена в поле смысла, в поле эмоций, в поле нравственной оценки.

Наконец, в поле жизни – прожитой и настоящей. Поэтому риторическое начало – одно из главных в арсенале творческих средств автора.

Душевное устройство русского человека у Надежды Мирошниченко соприкасается с устройством окружающей его среды – быта, природы, говора. И если природа оказывается подвержена поруганию в результате отступничества и предательства людей, то русский человек обретает свою тяжкую судьбу не столько из-за кого-то или чего-то, но в виде бремени, часто необъяснимого и принимаемого только из-за того, что он – русский. Кажется, что людей пригибает к земле некий фатальный метафизический груз, не давая им почувствовать полноту бытия. Так показана русская фигура у поэтессы.

*Любимый край любимых лиц,
Надёжных снов, любимых,
Весёлых оголтелых птиц
И рыб больших, глубинных...
Как русская светла печаль,
Возвышенная нами,
Как будто небо на плечах,
Когда на сердце – камень.
Как русская сильна любовь,
Не знающая страха,
В венке из луговых цветов
Идущая на плаху.*

Надежда Мирошниченко склонна обращаться к Родине или к Руси напрямую, не рисуя их или определяя исподволь, а обращаясь как к собеседнику. Для её поэзии собеседник – это возлюбленный, Русь, история русская, русский человек, конкретное место (город, роща, поле, небо), встреченный на пути прохожий... Даже в уединении она не абсолютно одинока («Я с одиночеством наговорилась...») – такой ассоциативный, провиденциальный собеседник у неё есть всегда. Однако, в отличие от первичной, неопределённой по существу формулы О. Мандельштама, «провиденциальный собеседник» у Мирошниченко – в наименовании предметен и явлен.

*Русская Русь! Как меня сквозь столетия тянет
Пыльный большак и ямщик, затевающий петь.
Не заплетай меня, Русь, золотыми ветвями.
Дай мне запомнить тебя хоть такую успеть.*

Олицетворяя окружающую среду, поэтесса возвышает её, совмещая с неким волшебством или с фольклорным образом, с родным человеком или, шире – с современником. Проникая в стихи Мирошниченко лирическим взором, читатель попадает в условный мир, где много вещей вполне зримых и знакомых, но они ведут себя не обыденно, привычно, а по смыслу и облику их действий – как-то сокровенно, значимо.

Среди всех иных тем стихи о русском человеке занимают в поэзии Надежды Мирошниченко особое место. Свойства и качества русского человека интонационно и в виде едва уловимых штрихов проникают в реализацию каждого её сюжета. Притом отражение этого образа во всех подобных случаях – положительно. Подчас его черты автор показывает сурово, но говорит о том всегда с сожалением, и ни разу – с однознач-

ным осуждением пороков и недостатков. Негатив даётся как слабость, как свойство характера, во многом – как следствие его мягкости, сердечности. Читая строки Надежды Мирошниченко, ты оказываешься окутан глубинной нежностью её к русскому человеку. В роковые мгновения он отодвигает в сторону свои изъяны, как бы забывает о них и становится однозначным воителем за высокие идеалы, полноте которых, быть может, в минуты своего забытья или дрёмы и не совсем соответствует. Поэтесса чувствует неоднозначность такого образа, однако в душе у неё берут верх благодарность и восхищение русским человеком, русским миром. Именно потому перед нами – подлинно национальный автор, умный, проницательный, обладающий острым зрением и внимательный к деталям.

*Он, конечно, невыгоден этот характер невиданный
Прежде всех самому, да такой уж случился народ.
Ну, а я расцветаю, как будто девица на выданье,
То ли песню услышу, то ль в русский войду хоровод.
Пропадёт моя Русь, так никто на земле и не выстоит.
Нету русским начала и, видно, не будет конца.
И какой басурманишка в белую лебедь ни выстрелит,
Всё вернётся стрела и убьёт самого же стрельца.
Что вы, чёрные вороны, по полю чёрному рыщете?
Что вы, чёрные вороны, наши считаете дни?
Нет, другого такого народа на свете не сыщете.
Мы не лучше, не хуже. Мы просто такие одни.*

6

Поэтическая строка Мирошниченко не отличается сложностью содержания. Сложна композиция сюжета, устройство стихотворного «тела». С одной стороны, это говорит о промежуточных смыслах, которые укладываются в целостное здание, а с другой – о динамике психологического состояния автора, его движения от предыдущего утверждения или наблюдения – к последующему. Такое душевное перемещение в соответствии с линией развития стихотворения позволяет пишущему открыться читателю, вызвать его доверие и чувство сопричастности сказанному. Поэтесса проговаривает все важные для неё вещи – и в результате обретает единомышленников.

У Надежды Мирошниченко есть замечательное свойство: совмещать действительное с чудесным. И краткая лирическая канва житейских, исторических или биографических отсылок неожиданно обретает волшебную полноту, которой нет у простого ряда событийных вех. Способность делать реальное – надреальным даёт возможность автору показывать бытийную изнанку привычного материального мира.

*К нему ходили звёзды на свидание.
И прилетали птицы подкормиться.
Он сокращал любые расстояния,
В уме сближая времена и лица.
А по ночам, дыханья не нарушив,
К нему слетались ангелы и пели.
Глядели в его искреннюю душу
И чистой сохранить её хотели.*

Олицетворение в контексте стихотворений Надежды Мирошниченко играет чрезвычайную роль: картина, которую пересказывает автор, оживает, за ней – другая, третья... Наконец, пространство сюжета наполняется действующими лицами, оно искрится и живёт уже собственной жизнью. Здесь есть отзвук старого поверья о том, что всё вокруг нас – живое. Это чувство и его переживание берёт начало в дохристианском родовом времени, когда человек был близок природе и взаимно участвовал в её метаморфозах. Или – в глубинной памяти о райском, до грехопадения, единении человека и прочего тварного мира.

Подобное наблюдение лишней раз подтверждает почти на поверхности лежащую мысль, что автор – человек русский и родовой, но и человек, одновременно, христианской нравственности. То есть художник, вобравший в себя прошлое во всех его лучших воплощениях.

*Воды перебрались в небеса.
Дождикам теперь не перестать.
То-то рада юная листва.
Будет чем плескаться и блистать.*

Мирошниченко умеет умозрительное перевести в осязаемое и плотное. Интуитивно овеществляя отвлечённые слова, она делает сюжет житейски узнаваемым. У неё почти нет знаков, подразумеваний, иносказаний. Многие предметы, большие и малые, она называет, как бы обозначая их, но наглядно не изображая. А порой связывает их с другими – очевидными и привычными.

Поэтесса стремится увидеть в человеке сокровенную красоту – и лишь отметить некоторые внешние его черты. Именно потому в её лирических сюжетах так много внимания уделено личностным взаимоотношениям: между человеком и временем, обществом; между человеком – и его соратниками, призванием; между русским человеком – и его антагонистами, чужим племенем... Человек может быть внешне привлекателен и в своих повадках довольно интересен, но внутренне некрасив.

И всё же – помимо индивидуальных деталей в стихах Мирошниченко мы находим главные свойства нашего современника, не растерявшего изначальную простоту души и свою принадлежность ко всему русскому. Горячая искренность, детскость, наивность, стремление к единству – вот самые общие приметы его характера, которые автор именуется вполне отчётливо как СВОЁ. И в какой-то степени институализирует эту характеристику, считая её наиважнейшей для России.

*Эта жажда разговора со своим.
Это детское братанье – навсегда.
И наивное: «Потом договорим».
А потом и не бывает никогда.
Это вечное желание моё –
Всех собрать и воедино, и навек.
Это то, что называется с в о ё.
По чему тоскует русский человек.*

Оттенки душевного устройства русского человека определяют многое на Руси. Для поэта их точное изображение – задача не только художественная, но и интеллектуальная, требующая особой пронизательности. Притом Надежда Мирошниченко распространяет

определение «свои» также и на литературу, включая в его смысловое поле творческое подвижничество, отсутствие корысти и тщеславия. Не предлагая делить литературное сообщество на близких и далёких (и тем самым расщеплять культурное пространство отечественной словесности), она называет для себя имена, к которым относится с нежностью и интересом, ожидая от них новых свершений и открытий.

Путь в литературу сложен и тернист, на этой дороге можно легко растерять все самые похвальные качества, однажды проснувшись в юном художнике. Тем более, что творческая среда, как известно, напитана ревностью и эгоцентризмом. Поэтому особой бережности требует дар, сохранивший себя несмотря ни на что.

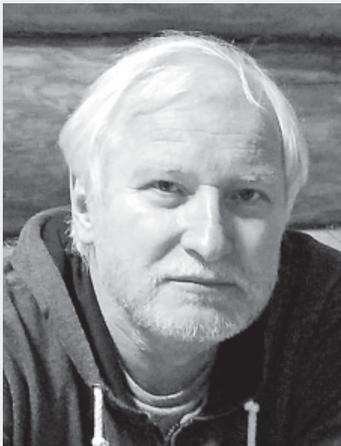
*Я к вам пришла не девочкой, а песней.
Я песнями хотела вас согреть.
Я их брала у городских предместий,
Ещё не зная, где возьму их впредь.
Я вам казалась фишкой и подставой.
Не знали вы, где я беру слова
О доблести. О подвигах. О славе.
А я у отчей правды их брала.
Я к вам пришла на русскую дорогу,
Не отыскав прекраснее пути.
И вы со мной смирились понемногу.
Я про себя сказала: слава Богу!
Мне больше было некуда идти.
И всё срослось. И что теперь мне, кроме
Как песни петь да к Истине идти...
То и беда, что русским в русском доме
Себя сегодня можно не найти.
Но знаю я – не переменишь сердца.
И мать нельзя на мачеху менять.
Я к вам пришла, поскольку знала с детства,
Что ты мне, Русь, – не мачеха, а мать.*

Надежда Мирошниченко странная поэтесса. В её стихах чувство и мысль тесно переплетены, и это даёт возможность её лирике быть точной в словах и зоркой в наблюдениях. В центре её поэзии – «умное сердце», которое позволяет автору быть не только свидетелем противоречивой эпохи, но и долгожданным собеседником каждого русского человека.

Литература сегодня

Игорь
ИВАНОВ

Игорь Владимирович Иванов родился 1 июля 1964 года в г. Мурманске в семье журналиста и адвоката. Окончив факультет журналистики Ленинградского университета, работал в газете «Молодёжь Севера». С 1991 года является главным редактором православной газеты Севера России «Вера»-«Эском», а с 1995-го возглавляет и издательство «Эском». Автор-составитель книг «Наследие Стефана Пермского», «Златой ларец» и др. С журнальными очерками печататься начал с 1988 года. Живёт в г. Сыктывкаре.

Дерево у потока

Повесть

К конечной станции состав подкатывал очень медленно и даже как бы вальяжно – так приближается дворový хулиган: пощёлкивая пальцами, раскачиваясь и лениво поводя плечами. Но нет, это впечатление обманчиво: состав был старым, измученным и скрипел-хромал, раскачивался же только потому, что под ним находилась перекошенная железнодорожная насыпь, которую каждый год ведёт на болотистой почве. А всё же и не торопился, словно ждал, чем разрешится ситуация во втором плацкартном вагоне. Там вот-вот должна была родить мамочка. Родить или умереть, не знаю. Её посадили в вагон на одном из лесных полустанков. Я ехал в соседнем с ней отсеке и вот уже четыре часа был вовлечён во весь этот ужас: меня просили то поддержать её, то подать одеяло, то поискать обезболивающее у пассажиров. Это были первые роды совсем молоденькой девочки: всё шло очень тяжело – и она страшно боялась.

Первые схватки, когда роженица только стонала и всхлипывала, начались задолго до прибытия в Поморск. В одно из мгновений, когда она вскрикнула и охнула особенно безнадежно, я подумал, что началось. Но нет, только заплакала: «У меня мама тоже умерла, когда меня рожала». «Тоже...» – мысленно повторил за ней я. Потом она уже не могла плакать от боли, только маялась, не находя себе места: то садилась с прямой спиной, то скрючивалась, то вытягивалась на рундуке. Рядом сидела юная медсестра с бледным, испуганным лицом, держала её за руку и уговаривала ещё немножко потерпеть: на конечной станции уже ждёт скорая, потом ты родишь ребёночка, и всё-всё будет хорошо. Но час назад, в очередной раз выходя в тамбур выдохнуть, я застал медсестру набирающей воду из бака – скороговоркой она успела поведать мне, что на самом деле что-то там не получается, что-то поперёк и дай бог довести саму женщину, чтоб выжила, а уж родит живого или нет – дело десятое, потому что, если захочет, потом другого ребёночка родит. После этих слов, слыша доносящиеся из отсека роженицы стоны, я не знал, что и думать: звуки ли это смерти или нарождающейся новой жизни.

Я был напряжён как струна, а по соседству со мной спокойно поглядывала в окно тётка с корзинами и кошёлками и говорила, говорила... Она везла в город, на рынок, перво-

цветы, зелёный лук и хвощ... нет, не хвощ. Как же его называют, похожий такой? Ну конечно, укроп! Из-за стресса у меня просто повылетало всё из головы.

Соседка особенно много рассказывала про свои тепличные цветы, иногда обращалась ко мне, я кивал, почти не слушая. Из прикрытой марлей корзины, стоящей на полу, она доставала перевязанные пучки цветов, нюхала сама: «Вот попробуйте, как ландыш пахнет, прямо холодит», – и подавала мне, а я запах ландыша не выношу и потому подносил к носу осторожно, задержав дыхание, и тут же отстранялся, но запах продолжал витать в воздухе. Тут она уже совала мне букетик с гиацинтом, и его травянистый запах перебивал предыдущий, к моему облегчению. «А вот посмотрите какой красавец!» – она подала мне горшочек с крокусом, но обоняние моё, по-видимому, уже отключилось, потому что он ничем не пах.

Быть может, самое сильное, что врезалось мне в память из моей прошлой жизни в Поморске, – это запахи. Запах сосновой смолы, которую мы жевали в детстве, запах сырой земли и грибного леса, пронзительный рыбный запах реки... Возможно, та пора, когда остро воспринимаешь запахи, – это и есть то время, когда ты по-настоящему живёшь. Проведя многие годы в столице, я, конечно, постоянно плавился в запахах: свежеевыстиранной сорочки, духов подруг, режущих выхлопов мотоциклов или сводящей с ума струйки миазмов канализации... Но если сейчас попытаться вспомнить последние три десятилетия, то возникнет ощущение, будто я жил в мире без запахов.

Ностальгирующая память подсказывает: прежде это были запахи природные, живые, а сейчас, в большом городе, – неестественные, химические. Но это неправда. В ранние годы у нас с друзьями любимым занятием было варить гудрон в банках на костре, да и сам-то костёр мы частенько жгли из шин, а резина дымила ядовито-черно и ужасно вонюче. И тем не менее при воспоминании о тех вечерних кострах глаза у меня и сейчас готовы слезиться. Видимо, обоняние моё воспринимало запахи города, но память не могла удержать их. Ну разве что запомнились стойкие запахи лекарств, бинтов, хлорки, когда я лежал в больнице на операции, – так это и есть, наверно, те немногие дни в суетливой московской жизни, когда всё было по-настоящему.

Погрузившись в свои мысли, я совсем перестал слушать соседку по вагону, но она этого не замечала и продолжала строчить: сетовала на недавние заморозки. И из её рассказа следовало, что сама смерть на днях прошла с косой по окрестным селеньям: побило, кроме тепличных, все цветы, замёрзли смородина, крыжовник, яблоня и даже пчёлы пострадали.

Обычно у меня без труда получается отключаться, но сейчас я закрывал глаза – и всё равно мутило: эти цветы и запахи настырно прущей весенней зелени накладывались на увиденную струйку крови, вытекающую из-под роженицы на вафельное железнодорожное полотенце, её опухшие пальцы, инстинктивно пытающиеся застегнуть пуговицу халата на огромном своём животе. Но, по крайней мере, болтовня соседки отвлекала меня от печальных мыслей о цели моей внезапной поездки: я ехал к тяжелобольному другу Витьке Матафанову.

* * *

Из Москвы меня вытащил мой старый дружок Эдик. Позвонил: дескать, приезжай, похоже, Витька, Тюха-Матюха, всерьёз слёг, и, возможно, недолго протянет, надо бы повидать другана на всякий случай. Пока я собирался, пока искал подмену на работе, прошла неделя. Как он там, Витька? Этого я не знал. Не знал и Эдик.

Времени на эту поездку, по правде сказать, у меня не было совершенно, даже на четыре дня. Потому что если работаешь по 12-15 часов в сутки, то это уже не четыре дня, а полноценная неделя. Только такая, до изнурения, работа приносила мне в последние годы ощущение комфорта. Она поглощала меня полностью, без остатка – в мире, в котором я жил, меня, можно сказать, не существовало. Зато были какие-то цели, планы, ожидания, шансы – и все они за горизонтом. И именно это придавало некую лёгкость теперешнему бытию. Но в этом комфортном не-существовании, цельном, как сон усталого человека, много лет камнем под моей спиной лежал всего один неразрешённый вопрос. Всего один, но этого казалось достаточно, чтобы мой мир утрачивал окончательную, железобетонную цельность. И этим вопросом был Витька.

Может, потому-то я и решился вырвать клочок из своих будней, чтобы наконец вернуть полный контроль над жизнью. Избавиться от дискомфорта. Но для этого следовало правильно сформулировать тот вопрос, который я ему задам: от его качества зависит качество ответа. В самом деле, ведь не спросишь: «В чём вообще смысл прожитых тобой лет?» Или: «Почему ты всё похерил, хотя мог столько?» Или: «Ну и чего ты добился, я же тебе говорил...»

Из нас троих только у Витьки было нечто такое, что можно назвать талантом, даром свыше, то, что нельзя заработать упорным трудом или выудить из книг. Нам казалось, стоит ему только чуть двинуться в нужном направлении – и у него будет всё. Но вместо этого жизнь прокатилась по нему, а не он по ней. По крайней мере, такое впечатление сложилось у нас с Эдиком. Поэтому лучше всего было бы, если б Витька сам задал себе мой вопрос и сам же на него ответил.

Новости о жизни Витьки приносил мне время от времени Эдик. Он доставал для него лекарства, иногда подкидывал ему денег. Эдик – средней руки чиновник в областной администрации. Жалованье у него было скромным, но он ухитрился оформить несколько квартир на разных людей и на сдаче их в аренду жил вполне благополучно. Он поддерживал связи и со своей школой в районном городке Поморске, откуда мы когда-то вместе переехали, и гордился тем, что помогает родным стенам организовать новогодние праздники. Самого его даже приглашали на сцену как гордость учебного заведения, и он учил школьников, как достичь успеха в жизни. По какой-то странной местной табели о рангах чин столоначальника или, по-современному, заведомо областной администрации в Поморске делал его «известным выпускником»; но что удивительно, так это то, что сам Эдик, при его ехидности и хулиганском прошлом, видимо, был согласен с этим. Словно подчёркивая это, в общении он всегда намекал на свою занятость, пунктуально назначал крайнюю минуту дружеских посиделок, чтобы вернуться на службу. И потому, когда я позвонил ему с Ярославского вокзала перед самым выездом и выяснилось, что сам он со мной в Поморск уже не едет из-за каких-то срочных дел, меня это и удивило, и нет. Возможно, он просто не захотел прикрывать меня – ведь это я, а не он напрочь сжёг с Витькой. Так что обижаться было нелепо, отменять поездку – поздно. Сейчас я чувствовал себя неуверенно, ведь Витьку я не видел уже много лет и в самом деле рассчитывал укрыться за спиной Эдика от его пронзительно-искреннего взгляда. «Где ж ты пропадал так долго?» – спросит он меня. И что я отвечу? Долгая дорога в Поморск дана была мне, по-видимому, чтобы я мог подумать над всем этим, над планом нашего разговора. Но вот эта соседка с ландышами и хвощом, а главным образом история с роженицей окончательно сбили меня.

* * *

С Витькой Матафановым я знаком лет с шести. Мы жили в Поморске и учились в одном классе. Он был с Заречья, я – городской, а потому обладал как бы некоторым над ним законным превосходством. В чём оно заключалось и откуда взялось, ответить не смог бы, но так вот исторически сложилось. У заречных, хотя мы и считали их «союзниками», не было того азарта в драках, что у нас, и сметливости в озорстве. А ещё они, по нашему мнению, слишком зависели от родителей, постоянно выполняя многочисленные хозяйственные поручения: в посёлке не было водопровода, электричество давали по расписанию, и почти все держали скотину, за которой нужно ухаживать. Витя был типичным заречным. Жил в интернате при школе, куда приезжал каждый понедельник, переплывая на речном трамвайчике широкую реку. По субботам после уроков возвращался домой помогать матери. Немногословный и нескладный с виду, он мог отчаянно драться с заводскими, боль терпел молча, когда другой бы уже взвыл. За это мы его и ценили. Но положиться на Витьку не могли. Он молчал только до того момента, пока взрослые не начинали его расспрашивать, – тут он, потупив взгляд, закладывал всех. С таким наши дворовые делишки очень скоро становились известны его строгой матери, потом учителям в школе, а затем и нашим родителям. Мы знали, что врать он не умеет, поэтому на самые дерзкие авантюры в свою компанию его не брали.

Потом все наши, ну или почти все, поразъехали из Поморска. Я – с родителями в областной центр. В старших классах в областной центр переехал и Витя, поступив в художественное училище и поселившись в городской квартире, доставшейся ему по наследству от тётки. Формально он присоединился к нашей с Эдиком компании, но учились мы разное, и противостояние заводским нас больше не спланивало. В компанию мы его приглашали как «нашего», поморского, к тому же он неплохо играл на гитаре, да и его свободная, без родителей, квартира была тогда роскошью. Но характер у него не изменился, а потому он то и дело встревал в неловкие ситуации. Одна такая история из юности мне хорошо запомнилась.

Мы тогда сидели в общей компании в кафе «Чайка». Кажется, собрались по поводу завершения выпускных экзаменов. Нас было трое: Витька, я и Эдик. И ещё три девчонки. И по неписаным правилам каждому предназначалась своя. Не могу сказать, что мы были увлечены ими или что они были красавицами, нет – обычные девчонки с нашего района, простые, весёлые, и этого казалось нам вполне достаточно.

Мы пили пиво, необременительно болтали о чём попало. Эдик, как обычно, травил анекдоты. К несчастью, после одного из анекдотов разговор свернул на тему о моде, а потом, как пожар, перебрался на женскую красоту. Подружка, приписанная к Витьке, говорила больше всех, и она же с вызовом спросила его: «Вот скажи, я – красивая?» Понятное дело, надо было просто соврать, что она – та самая королева красоты, о которой он мечтал. Чем нахальнее и фантастичнее ложь, тем спокойнее себя чувствуешь: в неё никто не верит, и она не трогает душу. Ну или, по крайней мере, стоило просто отшутиться. Но Витя внимательно посмотрел ей в глаза и сказал примерно так: «У тебя очень правильные черты лица». Губы девчонки уже было растянулись в самодовольной улыбке, но в этот момент я посмотрел на него и увидел, как он глубоко выдохнул. «О нет, не надо!» – панически воскликнул я про себя, потому что хорошо знал, чему это предшествует. Всякий раз, начиная резать правду-матку, он делал так: глубокий вдох и на мгновение туманный взгляд не то вдаль куда-то, не то в какие-то свои мрачные глубины, где у него хранилась эта самая правда. «Глаза-ягодки чёрные-чёрные... – раздумчиво произнёс он. – Но что в них? Вижу только притворство и

хищность. Губы тонкие-тонкие... А это мстительность и злоба. Не знаю, как вам, а мне страшноватенько».

Я чуть не подскочил, потому что это был удар по всей компании: после таких слов девчонка просто обязана обидеться, и все втроём они должны уйти. Но я, всегдашний конформист в нашей компании, попробовал спасти вечеринку и перевёл Витькины слова в шутку: «Он хотел намекнуть, что твои глаза должны выглядеть испуганными, когда его губы обожгут тебя хищным поцелуем!» «Ведь правда, ты это хотел сказать?!» – обратился я к нему. Это была ужасная пошлость, но какой-никакой шанс. Но Витя не захотел нас спасать. «Я сказал то, что сказал», – ответил он. «А сам-то!.. Урод!» – крикнула девчонка. На что он спокойно ответил: «Я знаю». «Витя, ну ты давай тут не...» Но он прервал меня: «А ты – патологический демагог и лжец». Встал и ушёл.

Никогда его в этой несдержанности не понимал.

Помню, как-то я зашёл к нему домой. В ту пору он уже учился в художественном училище, участвовал в постановках народного театра. Посреди комнаты на табурете я обнаружил огромный гранитный валун – непонятно было, как он смог туда его взгромоздить.

– Этот камень я привёз из Поморска, нашёл его рядом с посёлком! – заявил Витя с придыханием. – Это чья-то голова, она вышла из земли.

Меня куда более заинтересовало в тот момент, как он доставил такую глыбу в город да ещё сумел поднять её на третий этаж. Но вместо этого я язвительно спросил: «Это в самом деле чья-то голова?» – и вынул из кармана расчёску. По мне, так это был обычный камень.

– Мне нужно обтесать этот валун, и тогда я увижу, чья, – пояснил Витя, бережно поглаживая гранит и не обращая внимания на мою иронию. Рядом на полу уже лежали кое-какие инструменты, приготовленные для будущей работы: молоток, зубило, бур.

– И не жаль тебе времени на это?

– Как ты не понимаешь?! – с жаром воскликнул он. – Ведь земля не просто так вытолкнула эту голову из себя! Природа даёт человеку заготовку, чтоб он её обработал, довёл до ума.

– Зачем? До какого ума?

– Понимаешь, природа хочет, чтоб мы, её дети, выразили её, сделали её лучше своими руками. Она и создала-то человека, чтобы усовершенствовать саму себя! Ты же хочешь, чтоб мир стал совершеннее?

– Хочу, но только не всякому стоит доверять это. Некоторым надо по рукам бить или даже приплачивать, чтоб они не пытались ничего улучшить...

– Раз ты получил от неё, от природы, какое-то задание, вот как этот камень, – Витька снова с любовью посмотрел на валун, – значит, это не просто так. Это как талант, или как открытие научное – если тебе это вручено, значит, ты уже выбран для такого дела.

– Допустим, что так... Но при чём тут природа, руки, задание?

– Это же просто! Представь, вот ты задумал что-то нужное. Но мыслью же ты не можешь это совершить? Нужно это как-то воплотить. И ты поручаешь это своим рукам. Вот мы, люди, и есть эти руки природы. Мы, с одной стороны, часть её, а с другой – её дети. И она поручает свои дела нам, людям.

– У тебя природа – это что? Или кто? Богатырь, по плечи ушедший в землю, так что только голова из земли торчит?.. В общем, по мне, так всё, что ты тут вещаешь, – доморощенная натурфилософия, – вынес вердикт я. – Ты сам до этого додумался или вычитал где?

– Сам! – Витя снова не уловил моего скепсиса. – Природа когда создала тебя, тогда же дала тебе главную мысль твоей жизни. И вот её из мысленной материи надо превратить в материальную! Тогда мёртвая материя оживёт, и мир станет ещё красивей. Например, то-

карь может выточить какую-нибудь необыкновенную деталь или художник может воплотить свою мысль в гениальном полотне...

– ...или, например, учёный воплотит свою самую лучшую в мире учёность в создание нового вируса или оружия... – продолжил я той же интонацией. – У тебя кофе есть?

– Да погоди! – поднял он руку. – Кто, скажи мне, кроме человека, может сделать неживое живым?

– Ты, если сейчас заваришь кофе. Я уже почти неживой от твоих рассуждений.

– А вот если художник сумеет это, тогда произведение его будет жить вечно. И он в нём...

– А зачем жить вечно, ты можешь мне сказать? И что тебе надо от вечности?

– Мне ничего не надо, она и так во мне. Но как бы только в зародыше, потенциально. Когда это вечное начало перейдёт через меня в предметы мира, или в изменения в природе, или в художественное произведение, тогда эта вечная неживая материя через меня получит вечную жизнь. Она станет живой вечной материей... Улавливаешь разницу между вечным существованием и вечной жизнью? – весело посмотрел он на меня.

Его вдохновенное лицо намекало на то, что эти рассуждения он может продолжать ещё долго.

– Ладно, с вечностью мы разобрались. Пойдём, наконец, живой кофе пить на кухню, а этот болван пусть тут стоит...

Отъединённая жизнь портит характер: смазывается чувство реальности, и мир окрашивается в непримиримые чёрно-белые цвета. Витя поссорился с кем-то, впутался в драку, был исключён из училища и ушёл служить в армию. Вернувшись, неожиданно порвал с художественной карьерой и решил стать медиком. Впрочем, вряд ли неожиданно – мать у него ведь тоже работала фельдшером. Быть может, он так и не перестал постоянно слышать в душе её строгий голос, незримо направлявший его по жизни.

Два года спустя мы снова разговаривали в его несуразной холодной холостяцкой квартире, где всё было покрыто каким-то налётом пыли, где даже в мягкое кресло не сядешь, а только ходишь туда-сюда, стараясь ни до чего не дотрагиваться. В углу стояла его гранитная «голова», заваленная газетами.

– А как же «оживить неживое»? Как же вечность, запечатлённая в камне? – подкалывал его я.

– Это были юношеские мечты, – серьёзно отвечал он. – Неживое – оно и есть неживое. Оживлять надо живых.

– По-твоему, мы все мертвы?

– Неужели ты не слышишь этот глухой шёпот смерти, которая приближается ежедневно и ежечасно? Ведь у нас нет безразмерного времени впереди, а надо много успеть изменить. Нужно как-то готовиться защищать время своей жизни, противостоять по мере сил...

– Ты же хотел изменить мир своими картинами, вот этого болвана хотел оживить... – я кивнул на камень в углу комнаты.

– Понимаешь, мало пририсовать камню глаза и рот, нужно вложить столько сил, чтоб он мог заговорить. У меня столько нет. У меня есть небольшой художественный талант, но служить ему всю жизнь – это не по мне. Уж лучше постараться послужить людям. После училища поеду работать на Север.

– Да мы и так не в тропиках живём.

– Заполярье – это будущее человечества! С юга наступают пустыни и зной, это и есть смерть. Мы должны быть готовы к жизни там, когда растает вечная мерзлота.

– Знаешь, где надо оживлять живых, по-моему? В нашем родном Поморске. Кстати, ты в курсе, что там население за четверть века уполовинилось? Там наверняка и медиков не хватает...

– В родных местах хорошо, но они как бы разжижают человека, лишают воли.

– Ну так не разжижайся...

– Э-э, это не так просто. Родная-то земля сильнее. И не заметишь, как растворишься. Поэтому лучше быть там, где мы нужнее!

– Кому нужнее?

– Государству... Стране... Народу.

– Неужели? – попытался я вложить в это слово весь свой сарказм. Вообще ирония, подтрунивания – дурацкая моя особенность разговоров с Витькой, но он благодушно мне прощал, а скорей всего, характер у него был такой, что он этого не замечал.

– Понимаешь, надо просто делать добро! – воскликнул он. – По капелькам. И тогда та безличная сила, которая всех нас произвела на свет и держит мир, засчитает все твои усилия. Притом поштучно, не списком. Каждую каплю.

– Я тоже за всё хорошее против всего плохого. Но вот ты скажи мне: что тебе с того, что эти капельки снова окажутся в этом бездонном океане? Именно тебе это зачем? Для государства ты просто винтик. Страна, как обычно, не заметит пропажи бойца. А народ... Народ ведь это ты сам и есть! Вот и потрудись по-настоящему на себя, устройся на хорошую работу, где не только платят нормально, но и где какая-то перспектива жизни видна: сможешь помочь матери, заведёшь детей...

Витька не ответил, махнув рукой.

– Ты прости, что я тут тебя поучаю. Не мне бы это говорить, агитирую тебя, а сам-то уехал из Поморска благополучно. Правда, не сам, родители увезли. Но кто-то же должен тебя вразумлять!..

Всё-таки он был неисправимым идеалистом – рабом идей, которые в данный момент господствовали в его голове.

И вскоре Витька уехал на заработки в заполярную деревушку, расположенную у самой кромки моря, где устроился фельдшером. Туда мы потом приезжали навестить его с Эдиком и школьной подружкой Веркой – девчонкой из той самой компании, в которой мы пили пиво в кафе «Чайка» и разругались после выпускного. Верка говорила, что именно тогда, когда Витя «послал эту шлюху» (так она выразилась про свою подругу), и заметила его. Он показался ей «подходящим» парнем.

А Витя сразу по приезде на новое место работы начал исполнять свою давнюю мечту – строить парусник. На его рисунке будущий корабль внешне почему-то напомнил мне самого Витьку – такой же ребристый, угловатый, худой, с длинным носом-бушпритом. Он собирался сделать всё сам – спроектировать, заготовить материал. И построить тоже хотел без чужой помощи. А потом пройти вдоль побережья и обогнуть Новую Землю. Название он придумал шхуне сразу – «Надежда», наверно, желая походить на мореплавателя Крузенштерна. Нам он предлагал заранее бронировать места, точнее членство в команде в качестве матросов, но Эдик отнёсся к этому с иронией: «Сначала дострой!» Он не верил, что Витька сумеет завершить эту, как он говорил, «морскую аферу». Не верили в его затею со строительством шхуны и местные жители – они-то хорошо понимали, что по силам это только бригадам на небольших верфях. Так оно и вышло впоследствии: когда Витька уехал из деревни, скелет шхуны остался гнить под открытым небом, под окнами его избы-амбулатории. Впрочем, относясь к Витьке как к чудаку, блаженному даже, жители окрестных деревень полюбили его за бескорыстную, можно сказать, подвижническую

работу в качестве лекаря от всех болезней. На Севере, кажется, денег Витя заработать не смог, зато заработал болезни, а впоследствии и инвалидность. Неожиданно для нас он открыл главу семейной жизни, но она продолжалась недолго. Детей не случилось, с женой развёлся – оставил ей квартиру и переехал на родину, в Заречье, поселившись в родительском доме. Там же и жил в последние годы на свою скромную пенсию по инвалидности да на деньги матери.

Собственно, это всё, что я смог припомнить о нём, перебирая в памяти прошедшие годы. Но вспомнить мне предстояло ещё многое.

* * *

Поезд достиг крайней точки, так и не дождавшись окончания истории с роженицей: та всё ещё маялась, стонала и плакала. Увидев за окном вагона поджидавшую нас скорую, я решил, что отмучился. Но ошибся. Носилки в узком проходе вагона не помещались, и поэтому рыдающую роженицу, полусидящую на простыне, пришлось выносить в тамбур нам вдвоём с проводником. А далее предстояло самое сложное – спустить её с подножки на перрон. Принимать её оказалось некому: пассажиры из вагона уже вышли, а водитель скорой курил и пялился на нас как посторонний – он явно не собирался участвовать во всём этом. Ну а юную медсестру, сопровождавшую беременную в поезде, я отодвинул сам. Предстояло подхватить роженицу на руки и проделать с ней ещё несколько шагов до скорой.

Я постарался занять устойчивое положение возле подножки вагона: расставил ноги, превратившись в хватательную машину. Когда деваха ухнула на меня, страшно тяжёлая, с огромным животом, и больно уцепилась за мою шею, в какой-то момент мне показалось: не удержу, уроню прямо на бетон, под железные колёса вагона, здесь же она и родит. Но я устоял. Качаясь, на полусогнутых сделал несколько шагов до машины и усадил роженицу на подножку, отодрав её пальцы от своей шеи. Она смотрела перед собой широко раскрытыми, бессмысленными глазами – вряд ли она что-то понимала от боли. Но тут кто-то сзади обнял меня и поцеловал в щёку. Это была та самая девочка-медсестра, которая сопровождала роженицу, только теперь не бледная, как в поезде, а, наоборот, раскрасневшаяся и со слезой радости в левом глазу.

– Спасибо, – прошептала она, впрыгивая в скорую. – Вы теперь крёстный!

– Ну что вы, какой... Почему это?... – я пытался что-то ответить, но запутался в словах.

Скорая уехала. Перрон опустел, мотовоз утащил состав на запасной путь, а я всё лежал на скамейке под навесом из деревьев, то ли стараясь отдышаться, то ли готовясь потихоньку начать воспринимать другой, давно забытый мир.

На разогретый солнцем привокзальный асфальт прямо передо мной выскочила ящерка, крохотная, с долгим многоточием на спинке, и в полуизвиве в изумлении замерла, глядя на меня, как испуганный мальчишка: выбежала впопыхах из своей норки на солнышко погреться, а тут такое! – нечто такое, чего не должно здесь быть. Я смотрел на неё, а она своими зёрнышками – на меня, не мигая, словно играя со мной в игру «Кто мигнёт первым». Но я, уставший, заведомо был в проигрышном положении, и единственно, что мог сделать, чтоб ящерка, безвинная предвестница беды, по народным поверьям, исчезла, – это закрыть глаза. А когда я открыл их, её уже не было.

Последний день мая и первый тёплый, почти летний день... Небо отмылось от следов долгой непогоды: чистое, словно после детской исповеди, но ещё по-весеннему слишком бледное, слишком прозрачное, оно поверяло мне о своей слабости, о недостатке жизненных сил после морозной зимы и затяжной холодной весны. Я отломил кисточку рас-

пускающейся черёмухи, нависавшую прямо надо мной, решил: буду нюхать её по дороге – пусть этот день мне запомнится неистовым ароматом черёмухи. Но, выйдя на привокзальную площадь, понял, что веточку в руках держу напрасно: вся улица напоена черёмухой – упругий и кружащий голову запах её плавал всюду, вытесняя тот смрад, что ещё остался после отступления долгой зимы: сегодня был день окончательной, генеральной чистки оживающей городской пневмы.

Такси на площади не оказалось, и вообще пространство перед вокзалом казалось пустынным настолько, насколько оно бывает только на конечных станциях с единственным по расписанию поездом в сутки. К центру города от вокзала вела главная улица, и я отправился по ней пешком.

Улица начиналась где-то между приземистыми сараями и заброшенными гаражами возле путей. Потом тянулась между утлыми частными домиками, укрытыми чёрным рубероидом и оттого похожими на ряд старушек, торгующих в палисадниках мать-и-мачехой. Потом потянулись покосившиеся щитовые бараки. Я всегда старался проскочить их побыстрее, потому что оттуда тянуло отхожими местами, – жившие в них переставали замечать это благоухание, но одноклассников из таких бараков я безошибочно распознавал по специфическому запаху от одежды. Дальше по сторонам улицы выстроились двухэтажные деревяшки – одинаковые, выкрашенные голубенькой краской дома, похожие на сундуки с намертво захлопнутыми крышками. В одном из этих сундуков жил некогда я.

Первый дом от перекрёстка – вот он, мой дом! Сердце защемило. Полусгнившие деревянные мостки с лезущей в щели травой, канава, наполненная весенней водой. Я с любопытством зашёл во двор своего детства. Тут всё было как прежде. Словно забытые тридцать лет назад, сушились на верёвках простыни и чьи-то рабочие штаны, дети возились с самокатом, девочка гладила кошку. Ровным счётом ничего не изменилось, только как бы измельчало – так мельчают черты лица у старушек, покрываясь морщинами: истаивает плоть, но суть, «глубина души», остаётся той же. В окно комнаты, за которым некогда стояла моя кровать, выглянула женщина в халате, без любопытства посмотрела на меня и отвернулась. Мне сделалось грустно – но не от волны ностальгии, а именно оттого, что ничего не изменилось, от сознания собственного ничтожества перед этой картиной: пройдёт ещё сколько-то времени, меня уже не будет на этом свете, а весенний ветер всё так же будет морщить лужу во дворе, и брюки всё так же будут раскачиваться на верёвке, и кошка будет всё так же зевать на крыльце. А впрочем, дому, скорее всего, уже недолго осталось, снесут за ветхостью...

Я постарался побыстрее покинуть двор, направившись размашистым шагом к гостинице. И чем дальше шёл, тем более город оживал. Зелень, прятая в почках весь май, стремительно вылезала наружу, деревья из укрытий между домами высывали ожившие зелёные руки. Всё начало цвести одновременно: черёмуха, яблоня, рябина, акация. А одуванчики так поспешили, что успели пробежать свой короткий жизненный путь за день: разбрызгались среди травы коротко остриженными жёлтыми ёжиками и тут же покрылись пуховой сединой в ожидании порыва ветра, который смахнёт парашютики и оставит голый череп. И всё совершалось прямо тут, на моих глазах: только что взяли за руки мальчики и девочки, вышли гулять – и вот уже целуются на лавочках; пять минут назад мамочки повыползали на солнышко из подъездов – и вот уже собрались стайками, сидят, коляски ногами покачивают; в первый раз детвора уселась на велосипеды – и вот уже кто-то упал, колесо восьмёркой, кровь на колене. Я шёл и чувствовал, как прямо передо мной, словно перед демиургом, раскрываются листья, цветы, лица, объятия, окна. Мир наполнился любовью, и воздух дрожал от света, плавился в зыбком мареве наконец вступа-

шей в свои полные права весны – а назавтра права предъявит уже календарное лето, так странно...

Улица расширилась, по сторонам появились двух- и трёхэтажные каменные сталинские дома с облупленным декором, со штукатуркой всех оттенков, от оранжевого до жёлтого, – полустёртые слои красок напоминали старинные фрески в храме, вот только на них ничего не было изображено. Ближе к центру появились пятиэтажки, и улица разлилась бульваром, по краям в строй встали высокие тополя. А потом весь этот строй влился в пространство площади: когда-то посредине на ней возвышался памятник, но его убрали, и площадь превратилась в пустырь с протоптанными по газонам в разные стороны тропками. Рядом располагалась гостиница. Дальше начиналась старинная часть городка.

Я чувствовал себя почти счастливым от такого коловращения жизни. Весне так явно было дело до меня, она так очевидно хотела взять меня в плен! Прохладный ветерок забирался за шиворот, в рукава, словно желая добраться до моего внутреннего «я», выветрить затхлость, сдуть пыль, заполнить весенней свежестью закоулки души. Этот воздух пронизывал меня, выдувал копоть мегаполиса, пот бессмысленных усилий, запах чужих духов.

Но всё же я был ещё слишком плотным и закрытым в эти минуты, казалось, меня нельзя пронизать, как крону дерева. Всему виной дыхание смерти, которое я ощутил в вагоне. У жизни медвяный запах черёмухи, у смерти – холодный запах хлорамина. Время от времени, помимо моей воли, вспыхивали обрывки мыслекартин: белая плитка операционной, металлический отблеск скальпеля на блюде, окровавленная больничная простыня, бессильно раскинувшая руки под наркозом юная роженица – сейчас ей разрежут живот и попытаются достать оттуда живое существо, потом начнут зашивать ниткой... Я гнал эту картину прочь, но она вновь и вновь возвращалась.

* * *

В гостинице, на стойке, я спросил, как мне добраться до улицы Заречной. – Вам нужно за реку, – ответила девушка-администратор в маленькое полукруглое окошко.

– Я догадываюсь...

Она озабоченно посмотрела на часы и добавила:

– К сожалению, трамвайчик, который ходит на ту сторону реки, уже несколько дней как на ремонте. Теперь туда только если лодку найти...

Я растерянно замер. Раньше трамвайчик ходил по расписанию: выходишь из автобуса на остановке, не задумываясь, спускаешься с угора к реке, пересаживаешься на пристани и продолжаешь ехать. В пору моего детства это было настолько естественно, что я и представить не мог, что может быть иначе.

Спустя несколько мгновений лицо администратора снова появилось в окошке. Она с сочувствием посмотрела на меня:

– Вам лучше у нас переночевать, а завтра утром как-нибудь переправитесь. Недорогой номер у нас найдётся.

«Успокоиться, отдохнуть, сбить этот нервяк... А может, этот сломанный паром – знак для меня? И не стоит останавливаться в гостинице, а бросить всё и возвращаться?»

Но знаки знаками, а поезд из Поморска всего один, и он до завтра уже никуда не тронется с запасного пути. Стало быть, торопиться некуда.

Бросив вещи в номере, я вышел прогуляться по городу. Помахал улыбнувшейся мне девушке-администратору: от неё исходил покой летнего вечера. «Всё-таки она чудо».

Вечерело, но здесь, на Севере, закат может продолжаться бесконечно, а вместе с ним так же медленно остывает жизнь городка, и длится это до самого утра; только-только при-

готовившись уснуть, городок вздрагивает от лая очумелой собаки, за которой гнались во сне, и снова старается отойти в мир грёз, в краткое умирание на ночь, но, так и не сомкнув по-настоящему веки, с ранья уже скрипит калитками, брякает ведрами, почёсывается и зеваает.

Скоро я вышел к реке. Улицы в Поморске так или иначе вели к ней, но только здесь я, наконец, уразумел, что даже самая главная, самая мощная и самостоятельная в городе улица, тянувшаяся от железнодорожного вокзала, – она тоже стремилась к берегу, чтоб здесь скорее закончиться, чтоб концы в воду, и всё. И нумерация домов завершалась у реки, и грязный ручеёк струился по канаве из последних сил, пробираясь через трубы, завалы и мусор, стремясь слиться с рекой. И всё в этом городе было устремлено к реке – она давала городу не только воду, простор и связь с миром, но и смысл. Поморск смотрелся в неё, как в зеркало. Хотя на самом деле это было лишь зеркальце, а настоящее бескрайнее зеркало моря находилось в двух километрах отсюда. Но городу хватало и зеркальца.

В детстве обычно мы компанией околачивались возле пристани, пока нас не прогоняли заводские. Заводских мы побаивались, потому что они не признавали правило драки до первой крови и приходили на сходки с остро заточенными кольями. Около пристани с берега были уложены наклонные металлические желоба, чтобы сбрасывать по ним кирпичи и тюки в баркасы, – мы любили скатываться по ним в воду, когда внизу не стояло судов под погрузку. Заводские тоже любили. А ещё рядом был причален дебаркадер, на нём работал буфет, где продавались мороженое и лимонад. Теперь ничего этого не существовало, а портовое деревянное хозяйство сопрело и обвалилось...

Как странно, ведь у Поморска есть выходцы, достигшие немалых высот: есть известные журналисты в столице, но ни один из них не написал о том, что в век скоростных магистралей у городка нет связи с внешним миром, кроме однокорейки, уложенной политзаключёнными ещё во времена Сталина; есть высокопоставленные чиновники в правительстве, но никому из них в голову не пришло хотя бы походатайствовать об обустройстве набережной; имеется даже пара олигархов-миллиардеров, которые и не подумали оживить местный рыбзавод или умершую лесобиржу, а ведь на них держалось относительное благополучие городка последнюю сотню лет. Покидая свою родину, они рвали всякие связи с ней.

Но, в сущности, и я был одним из таких; не будучи ни богат, ни знаменит, точно так же обрубил канат и отплыл от этого берега. Я вдруг со всей остротой понял, что, вполне возможно, приехал в Поморск навсегда проститься с ним, что вижу берег, по которому ветер таскает пыль, и реку, отрешённо несущую вешние воды, и вдыхаю эти сладкие и в то же время холодящие ароматы в последний раз.

* * *

За кустами послышался звук приближающейся моторной лодки. Я стоял в нескольких шагах от реки, но меня достигал лишь влажный запах – тальник, точно забором, отгораживал её от посторонних глаз. Только плакучей иве в её неутолимом желании пить и пить из реки удалось перекинуть свои ветви через кусты к воде.

Шум мотора стих, послышался стук уключин, и через тайный лаз в зарослях вышла сухотелая носатая старуха, приплывшая, видно, на этой самой лодке. Чёрная юбка до пят, белый в крапинку платок – и вот она прошагала, как грач, мимо меня по тропе, по деревенски, с достоинством, поздоровавшись и слегка поклонившись незнакомому человеку, то есть мне.

– Простите, вы, наверно, на лодке на ту сторону будете возвращаться? – окликнул я её.

– А тебе в Заречье надо? – оглянулась она. Я ожидал, что голос у неё будет скрипучий, как звук тех шарниров, из которых вся она состояла, но он у неё оказался высоким и молодым, почти девичьим.

Я кивнул. И тут при воспоминании о долговязой нескладной фигуре Витьки меня посетила догадка:

– Скажите, а вы случайно не тётя Маня, то есть Мария Ивановна, мама Вити Матафанова?..

– Я-то – да. А ты кто такой есть? Что-то не припомню.

– Понимаете, мы должны были с Эдиком приехать, но он не смог. Вы же помните Эдика?..

– Эдика – да, знаю. Стало быть, это он тебя прислал?

Я не стал оспаривать эту догадку и кивнул:

– Вы меня просто забыли, а я вас помню, вы – Тётманя. Мы с Витькой в одной школе учились... Он меня Волком кликал, – попытался ещё напомнить я, а мысленно добавил: «А я его – Тюхой-Матюхой...»

– А-а, – протянула она, призадумавшись, но я понял, что не вспомнила.

– Ладно, ты жди меня тут, – сказала она и стала подниматься в горку. – Я только к попу схожу, он недалеко живёт, возле церкви. Я скорёхонько.

* * *

После школьных лет в Поморске и нескольких в областном центре наша семья перебралась в столицу, осела там прочно, пустила корни, и теперь я уже не мыслил свою жизнь где-то ещё. С тех пор на родине я не бывал. Город для меня оставался таким же, как в детстве, а отношение к нему – как если бы, вселившись в квартиру и не успев толком обжиться, расставить мебель и развесить картины, вынужден уехать – потом возвращаешься, тебе знакомы все углы, но вещи уже чужие. Нужно привыкать наново.

Я всегда полагал, что деревни существуют для того, чтобы в них просто жить, а вот город, пусть и маленький, должен непременно что-то производить. Вот и в этот раз, когда я впервые за несколько лет не летел из Москвы самолётом, а ехал обычным пассажирским поездом, проезжая мимо очередного городка, затерявшегося на просторах Русской равнины, я безотвязно гадал о том, чем же занимаются здесь люди, ну, кроме производства молока и выпечки хлеба для своих же нужд. И в конце концов пришёл к выводу, что цель существования таких городишек – в производстве народонаселения, детей. И по тому, как в последние годы плохо в этом направлении шли у нас дела, было ясно, что справляются городки со своей главной функцией из рук вон плохо. А раз так, их будущее незавидно. И Поморск тут не исключение.

В незапамятные времена здесь, близ устья реки, возникло поселение рыбаков – крохотный человеческий островок между бескрайним морем и такими же бескрайними лесами и болотами. Русские молились Николе Морскому и крестьянским заступникам Флору и Лавру, кормились ловлей трески и селёдки, битьём морского зверя да торговлей; норги везли сюда на шхунах ружья, кофе и соль и меняли их на лес, кожу и овёс. Из разросшегося поморского села указом Екатерины Великой Поморск преобразовали в уездный город, урядников сменили городовые, появилась таможня. Он вытянулся вдоль реки на пять вёрст, наполнился вицмундирами, на казённые деньги были выстроены склады, но, по существу, мало что поменялось. Всё так же по кочковатым улицам, заросшим травой, проехать было невозможно, и только по одной, главной, где болотистые ляги накрыты жердями, лошадям удавалось протащить телегу. На одной стороне город оканчивался старейшей богадельней, где доживало несколько старух, на другой – работали две лесопилки, отчего и разделился город исторически на две части: старую и заводскую. Перед войной

пригнали заключённых строить железную дорогу, и появился на болоте возле Поморска ещё один район – посёлок, где разместились лагерное начальство с жёнами и охрана. Тогда же на месте лесопилок построили большой лесозавод, во множестве откуда-то из глубины России привезли мрачных, измождённых людей и расселили в холодных, продуваемых бараках.

Ещё в 50-х годах прошлого века городок походил на большое село. Козы и коровы паслись обычно на самом берегу, потому как в глубь материка тянулись бесконечные непроходимые топи. Частенько скотина забредала на центральную городскую улицу, а то и на площадь, где мирно щипала клумбы, пока не случился скандал местного значения с идеологическим душком. Там, где ныне стоит гостиница, прежде находился райком, завхоз которого однажды в преддверии майских праздников выстирала транспаранты и флаги и развесила их во дворе. Две забредшие туда отощавшие за зиму коровы сжевали весь сохнувший агитматериал, отчего колонна от райкома и исполкома на демонстрации шла с наспех снятыми с домов ситцевыми флажками. С того времени за безнадзорно разгуливающую скотину стали штрафовать.

Поморск, как и большинство захолустных русских городков, никогда не жил самостоятельно, но существовал в хозяйственно-родственном симбиозе с окрестными деревнями. Те подпитывали его людьми и крестьянскими товарами, а энергия городской жизни шла в обратном направлении – мода, прогресс, сплетни. У большинства городских семей была своя деревня или село где-нибудь неподалёку, откуда приезжали гостить родственники, где находился дом с угожьями какой-нибудь двоюродной тётки, – и это подворье, как молчаливо предполагалось, являлось запасным убежищем для городских в период голодовок и разных общественных неурядиц. Посему жизнь текла неспешно и в подобающем довольстве. Народ верил, что беда вымучит, беда и выучит, а баба скачет задом и передом, а дело идёт своим чередом.

Город всегда жил какой-то смутной надеждой на перемены к лучшему. Ещё при Александре Миротворце приехали в Поморск из столицы два инженера в сюртуках с якорями и топорами на металлических пуговицах, видимо, по морскому ведомству. Они ходили вдоль реки и что-то измеряли, наставили колышков с разноцветными тряпочками и, проведя в Поморске три недели, уехали, вселив неопределённые надежды в жителей городка. Но прошёл год, на второй год колышки повалились, а на третий – окончательно рассеялись надежды. Уже с тех пор даже те маломальские перемены, которые сулил всемогущий центр, начиная от строительства дома культуры с колоннами в стиле сталинского ампира до укладки железки, воспринимались жителями как начало некоей новой жизни – такие здесь жили благодусные жизнелюбцы.

Но как-то так получилось, что две войны выкосили деревни, мало стало людишек, а новая светлая жизнь всё не начиналась и не начиналась. А тут не вовремя пришёл телевизор, и узнали поморчане про огни больших городов, про великие стройки и, мысленно как бы устыдившись собственной убогой жизни, но в то же время запрещая себе в этом сознаться, предназначили себе выбираться из своей глухомани по мере возможности, чтобы подзаработать да мир посмотреть, ну а когда-нибудь потом, на пенсии, вернуться жить в покое и патриархальности, привечая на каникулах внуков. Но на самом деле втайне мечтали уехать и уж не вернуться. Непривязанность к городку, отсутствие обязательства прозябать здесь до смерти превратились в достоинство, а отъезд детей – в главную цель родителей. Живя в Поморске, старались устроиться на работу в организации с головными конторами в областном центре – с видом на то, чтоб потом по карьерной лестнице перебраться туда. Другие же просто срывались по вербовке куда глаза глядят. Городок стал приходить в упадок.

* * *

... Скоро тётя Маня вернулась, махнула мне, и мы полезли через кусты. За ними, суткнувшись в берег носом, покачивалась длинная, метров пять-шесть, деревянная лодка. На корме возле мотора идиолом восседал босой старик в оранжевом рыбацком дождевике. Он угрюмо-вопросительно глянул на меня, но ничего не сказал. Едва мы уселись, как он оттолкнулся шестом от берега и стал раз за разом раскручивать шнуром маховик мотора. «Ветерок» завёлся, когда лодку уже порядочно отнесло. Ехали мы молча, лодку всё время приподнимало и с жёстким деревянным стуком било о волны, точно о бетон, – меня обдавало брызгами, и я прятал голову в колени.

На другом берегу нас ждали два чёрных, похожих на волков, пса. Старик швырнул цепь с якорем в траву. Псы вскочили и отбежали.

– Ты вот что, Петрович, завтра на рыбалку не езд, – сказала тётя Маня, выйдя из лодки. – И не пей на ночь. К десяти часам будь готов.

Старик развернулся и, ни слова не говоря, пошёл по кромке воды в сторону стоявшей на отшибе хибары. Следы его босых ног на песке тут же наливались водой и заплывали – по ним за стариком молча потрусили собаки.

– Придѐ-о-от, – глядя ему вслед, сказала тётя Маня, словно убеждая саму себя.

Всю дорогу до Витино дома шли молча. В сенцах стоял обычный для старых деревенских изб кисловатый запах, но пахло ещё чем-то церковным. Мария Ивановна прошла в комнату и отдёрнула плотную штору с окна. Одна стена была почти полностью завешана какими-то священными изображениями, ближе к углу, в котором висела полка, иконы теснились одна к другой, маленькие, большие, в рамках и без, а ещё фотографии каких-то бородатых людей в длинных сутанах. В сумраке перед лампадой тускло отблѐскивала фольга на окладе самой большой иконы, видно, старинной. На столе свеча со слезами согнулась, как будто в старческой немощи и печали. Рядом стояла пара горшочков с мелкими, как крупа, цветочками, а в остальных горшках топорщилась какая-то неведомая трава. Среди этого сада поместился чёрно-белый портрет Витьки в рамке – снимок, сделанный, должно быть, ещё в молодости и стоявший где-нибудь в серванте у тёти Мани все годы, пока сына не было дома. Я обвёл глазами всю комнату, прежде чем решиться глянуть на гроб.

Развёрнутый наискосок, он стоял посреди комнаты на табуретках – видимо, чтоб голова обращена была к красному углу. Под покрывалом с нарисованным от руки чуть скобоченным крестом лежал строгий человек в костюме, воротник сорочки упирался ему чуть ли не в подбородок: казалось, ровно к девяти он проснѐтся, чтобы отправиться на службу в канцелярию. Тётя Маня встала рядом и перекрестилась: «Витенька! Господи, помилуй душу раба Твоего, грешного».

* * *

Человек, лежавший передо мной, совершенно не походил на того Тюху-Матюху, которого я знал. Не узнал, совсем не узнал. Уж, во всяком случае, гроб его должен был быть длиннее. А тут он обыкновенный, да и то, кажется, великоват. Я на мгновение даже подумал, что ошибся, приехал не туда, не к другу детства, а к кому-то другому. Отчего перед смертью люди становятся меньше и усыхают, как ягоды на дереве, не собранные вовремя? А если бы люди жили долго, лет на сто дольше? Они бы, наверно, вообще становились гномами, возвращались в состояние младенчества не только умом, но и телом...

– Я вообще-то надеялся застать его живым, примите мои соболезнования, – наконец, собравшись с чувствами, выдавил я. – Ужасно жаль...

Хотя то, что испытывал, вряд ли можно было назвать жалостью. Ещё не прошло недомение. Тётя Маня зашмыгала носом:

– Как, поди, не жалко... Ох-ох-о. Ты проголодался, наверно? Иди покушай с дороги.

Я готовился сколько-то постоять у гроба, как это бывает на кладбище, когда ничего не надо делать, просто стоять и молчать. Но вот чего мне точно не хотелось сейчас, так это кушать. Хотя маковой росинки во рту у меня с утра не было.

– Вы знаете, я...

– Пойдём-пойдём, хоть чаю попьёшь.

Тётя Маня вытолкала меня из комнаты, прикрыла дверь и стала хлопотать на кухне. Скоро передо мной на столе стояло варенье, дымилась кружка чая. И уже в последнюю очередь тётя Маня начала открывать своими узловатыми сухими пальцами жестяную банку. Имбирное печенье. Именно таким Витя угощал меня когда-то давным-давно, в другой жизни.

– Откуда оно? – спросил я.

– В леспромхозовском магазине беру... Пальцы уже не гнутся, – тётя Маня ещё раз ковырнула крышку банки. – Попробуй-ка сам.

Вот оно что! Оказывается, это она все годы регулярно присылала Витьке такие гостинцы с печеньем, а он угощал нас. Мне-то казалось, что он не поддерживал связи с матерью. Во всяком случае, Витька никогда о том, как она живёт, не рассказывал. Я немного помедлил: «Вот сейчас открою банку, а оттуда будут смотреть на меня сладко пахнущие фигурки зверей и птиц с глазами из глазури... Выну их – и они узнают про смерть своего хозяина. Будут горевать. Хотя...» Я перевернул банку: на днище было написано место изготовления – Финляндия. Ну и хорошо, что нерусские. Эти не поймут, о чём мы тут говорим. Я вытряхнул на тарелку остатки печенюшек: зайцев, ангелов, собачек. Тётя Маня села напротив, подпёрла голову рукой и стала наблюдать, как я прихлёбываю чай.

– Может, вам нужно чем-то помочь? – осведомился я.

– Да чем ты поможешь-то?

– Всегда чего-то найдётся... – сказал я неопределённо, на самом деле не представляя, чем бы мог быть полезен. Мне впервые предстояло оказаться внутри похорон, тягостной церемонии, непонятной мне, а главное – не нужной умершему.

– Чего-то, конечно, найдётся. Завтра нам крепенькие мужички понадобятся – кладбище-то за рекой, в городе, надо гроб до реки донести. Я с грехом пополам нашла в посёлке троих, да один уже напился и лежит, от него толку утром не будет...

– Конечно, помогу... А что, на похороны кто-нибудь приехал? Например, жена бывшая.

– У меня телефон не работает, да и, правду сказать, я не знаю, куда кому звонить. У Вити и друзей-то не осталось, лет пять его здесь никто не проводывал. Ты пей, а то остынет... А так-то старух приглашала, обмывали вчера. Похороны – дело бабье, мужики тут не годные.

– Почему? – удивился я.

– Ну а как? – теперь уже удивилась она. – Это ж как роды. Принимать и провожать – дело женское.

Мне почему-то вспомнилось, что смерть на лубках изображают в виде женщины с литовкой в руке. Рожь созревает, приходит крестьянка и скашивает её. И это, наверно, естественно.

– Пожалуй... Повитухами да плакальщицами всегда были женщины.

– Чего теперь плакать? Да и старая уже, слёз не осталось. Это по молодости я урёвывалась. Помню, когда Витюшу в сорок третьем убило, я целый год каждый вечер плакала. Тогда всё и выплакала... Молиться было надо, да не умела. А слёзы что? – слезами горю не поможешь.

– Витюша – это кто? В сорок третьем?..

– Дружок у меня был в молодости, – вздохнула тётя Маня. – Дружок сердечный. Он в артиллерии служил, а я – медичкой. Познакомились, когда он своих раненых привёз. Их часть недалеко от нас стояла. У самого-то Витюшки руку осколком посекло, неделю всего и пролежал у нас в палатке, а вот как-то душой мы друг друга почувствовали.

– Вы, значит, на войне раненых лечили?

– Какой из меня лекарь?! Разве что раны от гноя чистить да неживым веки прикрывать.

Санитаркой я была, милок, в санбатальоне, в перевязочном взводе. Хотя и на передовую гоняли. Натаскалась солдатушек. Бывало, волочишь раненого, а он последний вздох испустит да и обмякнет – будто вполовину тяжелее станет. Так ведь не бросишь, всё равно дотащишь. Глаза закроешь да камушками прижмёшь, чтоб не открывались. Свет-то мёртвому видеть не надо...

– Почему не надо?

– Когда спишь, свет, поди, глаза режет.

«Вот он зачем, этот полумрак в доме», – подумал я рассеянно. Молчать было неловко, и я спросил:

– А Витюша ваш, он как?..

– Мой?.. – она помолчала, как будто обдумывая вопрос. – Да, мой он был, получается, больше ничей. Сам мне говорил, что больше у него никого не было. Так вот получилось, что и я до него никого не знала. Он, бывало, из палатки выйдет погулять, а возвращается – цветочки несёт. Где уж он их находил, не знаю, кругом всё железными гусеницами было изъезжено... Знаешь, как это на войне бывает: пошли в кусточки, полюбились да и разбежались побыстрее обратно, чтоб никто не узнал. Потом он в окопы свои, а я – в полевой госпиталь, к сестричкам. А через три дня после того, как его выписали, мы под обстрел попали, и меня, раненую, увезли. Больше я Витюшу и не видела. Потом про него узнала, что пропал без вести. Он сам говорил, что его убьют, потому что слишком высокий ростом, в окоп не помещается. Но я не верила... А меня на фронт уже не пустили. Война кончилась, а я ещё года три лечилась. Потом что? Баб-то много, а я кому нужна такая, болезная да неучёная. Ну и Витька мой вот родился заугольно. От командированного врача больничного, где я работала. Потому его и выбрала: чтоб уехал – и с глаз долой. С первого раза понесла. Поздний Витька у меня, с малолетства болел много. А может, потому что от нелюбимого родила. Может, и не надо было рожать, но тогда б пустородная прожила, коптила за зря небо... А раз Бог дал, значит, так и надо, всё ж таки душа человеческая появилась на свет, – добавила она после паузы, словно оправдываясь. – Только вот внуков Бог не дал увидеть...

Тётя Маня пригорюнилась и прослезилась, всё так же сидя, подперев голову. Думала ли она в этот миг о Витюше или о своём сыне Витьке? В этой сухой старухе почти не осталось ничего женственного, но этот голос! Всё поглотило время, но этот журчащий юный голосок не смогло. Собственно, и не ей этот голос принадлежал, а той фронтовой девчушке, санитарке, влюбившейся в артиллериста; она как влюбилась тогда, так и ждёт, и до последнего своего часа будет ждать, и сроков этому ожиданию нет. А эта оболочка: негнущаяся спина, скрюченные подагрой пальцы, задубевшая кожа, – что ж, тем надёжнее девчушка укрыта в глубине сердца, как во фронтовом доте, за толстой, грубой защитой ей там спокойнее.

– Война – жестокая вещь, – сказал я. Надо было что-то сказать.

– Видно, грешим много, вот Бог и попускает. Господи, помилуй, дондеже возвратится в землю, от неяже взят еси, – она перекрестилась и, как будто желая оправдать непорядок

Божьего попущения, добавила: – Поверх себя земле всё равно всех не сносить. Вот и помирают. Кабы люди не освобождали место, куда народившихся девать?

Странно, что мне такая мысль никогда не приходила в голову. В самом деле, куда?

– А отчего он умер?

– Застудился где-то, так думаю.

– Что, так сильно? Обычно простуда не фатальна...

– Да к кости простудил, нутро всё болело. А в последний год совсем житья не было.

– Понятно.

Вернее, ничего мне не было понятно. Разве есть такие люди, у которых не болит нутро? Не печень, так сердце, не сердце, так душа, она же тоже «нутро». Если бы все умирали от болезней, человечество долго бы не протянуло. Существовала какая-то скрытая причина в уходе Вити, которую я не мог понять. А должен был. Почему он не дождался, а я так и не успел поговорить с ним?

– ...Приехал, и с тех пор хуже и хуже, а потом совсем малохольный стал. Ещё женитьба эта, прости Господи, его подкосила. Говорил, девка пропадает. А Верка его вона как – пинком под зад с квартиры-то. Ну да ладно, не моё это дело.

Тётя Маня вздохнула – видно было, что трудно ей удержаться, чтобы не высказаться на эту тему. Но сдержалась.

– ...Он в последнее время от своих вещей избавлялся. Моё-то, правда, не трогал. Кроме своих картинок, всё, что было своего, лешему на подачу. Суёт бомжам свой инструмент, говорит, мол, вам нужнее. А тем-то что: тащат всё подряд и везут на барахолку, а то и в металлолом сдают. Я уж Витьке говорю, мол, ты хоть посуду-то не отдавай, не из чего есть будет. «Мне, – говорит, – много не надо, а связи пора разнимать». Да уж какие такие связи? – связей-то никаких не осталось, бобылём тут сидел, инда только к Надьке захаживал.

– Надька – это кто?

– Библиотекарша, соседка... Чудить стал. Как-то на пенсию гроб заказал да в чулане поставил. Я заплакала, а он: «Спасибо, мама, хоть пожил дома, и прости меня». Тут уж я поняла, что, видно, замирать собрался.

А умер он не в раз. В последнее время слышу – по ночам кровью стал харкать, остановиться не может, аж захлёбывается. Говорю ему: «В церковь тебе надо, пособороваться, маслицем тебя помажут, глядишь, полегчает. А и причаститься бы, коль лекарства не помогают». Мы ведь все деньги на таблетки эти извели, а толку чуть. Он и в больнице лежал, да сбёг оттудова... Ну вот, я Витьке про дары Божьи, а он мне: «Не верю я в твоего Бога». «Чего же Он мой-то, – говорю. – Он же ведь и твой, ты же у меня крещёный с малолетства!» «Вот если бы я, – говорит, – встретил или хоть увидел этого твоего Бога, тогда да. А «на всякий случай» молиться не могу». «Эх ты, сынок, – говорю, – я ж тебя и не прошу «на всякий случай». А позовёшь попа с Дарами – разве ж это тебе не Бог?» А он только головой качает. А я осердилась: «Ну, не веришь, так поверишь, когда старуха с косой придёт, уж поздно будет». Бес меня, старую, за язык дёрнул. Заморгал глазами, чуть не заплакал, бедненький... Ты пей давай, я тебе ещё кипяточка добавлю...

Глаза её увлажнились. Нет, видно, не все слёзы она в молодости выплакала. У женщин в любом возрасте сокрыт их неиссыхающий источник, над ним не властно время. И эти бесчисленные ручейки, стекающие в чувственный океан, создающие как бы подушку над океаном смерти, – тот наш непроницаемый покров, не дающий холоду и духу погибели захватить и заморозить всё живое; так земная атмосфера, насыщенная влагой и теплом, защищает землю от космического холода, от излучения и астероидов, готовых её погубить.

Тётя Маня сняла с плитки почерневший старый чайник и долила мне в кружку:

– Эх, Витька-Витька, наделал делов!.. А через неделю ему совсем поплошело. Третьего дня просыпаюсь ночью, смотрю: свет на кухне. Заглядываю – а он вот так сидит, как ты, глаза закрыл. Думала, ему опять плохо стало. А он говорит, что сон ему приснился, будто помрёт завтра. «Страшно мне, – говорит. – Видел я что-то». Я его спрашиваю, что видел. Молчит. Потом говорит: «Как будто море пустое, а вдалеке что-то такое – не разобрал. Пароход не пароход... Зови своего попа». Да только, как на грех, телефон-то неделю уж был отключён. И трамвайчик ноне не ходит, поломался. В тот день второй лёд по реке несло – на обычной лодке не проедешь. Говорю: «Витька, ты пока хоть сам помолись, глядишь, оживёшь ещё. С молитвой-то, если не получится у батюшки причаститься, и так Христос тебя примет, какой уж есть». «Ладно, – говорит, – команда «отбой», никого не зови, сам как-нибудь».

– Так и умер?

– Да, на следующий день и помёр... – тётя Маня стёрла слезу и задумалась. – Слава Богу, помёр по-человечески, непостыдно, а не тотчас. Оно и поболеть, может, и надо было. Не так бы, конечно, чтоб от боли заходиться, а чтоб душа очистилась. За каждую хворобу Господь на суде по греху списывает. Да ведь больно молодой... Не надо было уезжать, глядишь, и не захворал бы. Своя-то земля согреет и сохранит. Бедненький. Так и прожил неприкаянный, не нашёл, кто бы согрел ему душу. А я, вишь, старая старуха, как сухое дерево уже стала, от меня какое тепло. Да что говорить... Без Божьего позволения волос не упадёт.

Тётя Маня широко перекрестилась.

– ...Ох, сижу тут с тобой, калякаю! – встрепенулась она. – Баланчик кину да пойду...

Она подбросила дровишек в печь, повязала тёмный платок и ушла в комнату, где её молча дождался Витя. Дверь за собой прикрыла, но неплотно, и скоро оттуда послышалось приглушённое, прерываемое всхлипами бормотанье – тётя Маня начала свой монолог с сыном. Слова брала из какой-то старинной книги, но вряд ли они были важны – произносила она их настолько сердечно и слёзно, что он всё и так понимал.

Я представил, сколько раз, лёжа здесь, через боль во всём своём теле он слушал это бормотанье единственной в целом мире родной души и засыпал под него, а потом всякий раз предстояло томительное возвращение. Всеохватная боль-ломота и единственное утешение – прижаться к этим огрубевшим нежным рукам матери. «Но по крайней мере так. А вот когда умру я, со мной так никто разговаривать не будет».

Я вытянул ноги и закрыл глаза. По телу от натопленной печи прокатывались волны тепла. В щель над дверцей печи был виден огонь, и оттуда вилась тоненькая струйка дыма. «Скоро печь развалится, если её не подремонтировать, – подумал я, погружаясь в дремоту. – Ремонтировать-то некому. Тётя Маня будет болеть от печали и одиночества, а потом уйдёт в мир иной. Дом осиротеет. А опустевшее жилище обречено. Следом за этим домом умрут другие дома, где пока ещё живут такие же одинокие пенсионеры. Умрёт этот никому не нужный посёлок...»

Я разлепил глаза – следовало стряхнуть с себя морок, чем-то заняться. Глотнул остывающий чай. Потянулся за печеньем и вспомнил: имбирное печенье надо есть с яблоками. Это истина, известная мне ещё со школы, куда Витька приносил свои печенюшки и угощал нас. Я заглянул в комнату, где стоя молилась тётя Маня:

– А у вас есть яблоки?

Струя воздуха вторглась в комнату и мотнула тени от свечей, при свете которых тётя Маня читала свою книгу.

– В сарае возьми, в корзине, – ответила она, не оборачиваясь.

Я вышел в холодные сени. Тусклая лампа осветила тесное помещение: старый кованный сундук, две разошедшиеся бочки, приоткрытая дверь в чулан, где одновременно тоже зажгётся свет. Пригнувшись, я шагнул туда. В большой корзине из прутьев действительно лежали мелкие зелёные яблоки, от одного вида которых у меня своротило скулы и во рту сделалось кисло.

Я огляделся и поначалу не увидел в чулане ничего интересного: старая посуда, грабли, велосипед без руля, гитара с одной струной – то, что, должно быть, Витя не смог никуда пристроить. Рядом прямоугольное свободное место, где, наверно, стоял заказанный им загодя гроб. Дальше – нехитрые припасы. За трёхлитровыми банками с солёными огурцами возле стены прятался большущий, в одном месте покоцанный гранитный камень. Я узнал его: о нём много лет назад Витя говорил мне, что это чья-то голова и что он собирается сваять из него нечто. Но не завершил начатое: на камне более или менее просматривались только намеченные кернером глаза. И опять я подумал: как же он ухитрился его туда взгромоздить? В другом углу чулана на полу, точно овечки в стойле, стояли картины. Запылившиеся (давно их никто не трогал), натянутые на подрамники холсты и просто картонки. Вот юношеская абстракция «Мир как пространство и время» – кажется, так он её назвал. Ещё в студенчестве я видел эту картинку у него дома в городе. Портреты – на них была, похоже, изображена одна и та же женщина. Пейзажи, много ночных видов, много моря...

Я вытаскивал одно полотно за другим и просматривал мельком – большинство незавершенные. Одно задержало моё внимание. Это был этюд с северным морским пейзажем, тоже незавершённый, без неба. Карликовые берёзки, кусты брусники, полоска отмели и море до горизонта написаны как будто не с берега, а с высоты птичьего полёта. Большую часть полотна занимало море, огромное и пустынное, полное холодных волн, – отрешённое лицо бездны, поглощающее вечернее солнце. А на границе двух стихий стояла недописанная фигурка человека, смотрящего вдаль. Это был я.

* * *

Я не стал рассказывать тёте Мане подробностей того глупого и опасного приключения, когда Витя «нутро застудил», – теперь это не имело никакого значения. Но вот вспомнил ту поездку.

Вскоре после окончания медучилища Витя уехал в Заполярье. Устроился фельдшером в какой-то рыбацкой деревушке у моря – близость моря, как он сказал, была для него принципиально важна. На второй год, в конце сентября, мы без предупреждения на машине Эдика отправились к нему в гости. С нами поехала Верка – та самая, что сидела в кафе «Чайка», когда Витя в порыве правдорезки оскорбил её подружку.

Жил он в небольшом доме на две половины – одну занимал сам, в другой располагался медпункт, где он принимал больных из окрестных деревень. Спустя несколько дней с раннего утра мы отправились на побережье рыбачить. Далеко за мысом подъехали к самой кромке воды – кажется, Верке пришла в голову эта глупая идея. Витя оставил нас и со своим этюдником поднялся на возвышенный берег. Он сказал, что хочет поймать тот миг, когда солнце соприкоснётся с морем.

Побродив по мелководью, но так и не наловив рыбы, мы вернулись к машине. Витька крикнул мне: «Ты не мог бы постоять вон там, возле воды? Я быстренько твою фигуру запечатаю. А то слишком угрюмый пейзаж получается». Он указал, где надо встать, а через несколько минут уже махнул мне рукой: «Готово, свободен!» Я отправился к машине, где дремали на заднем сиденье Эдик с Веркой. Я сел на водительское место и тоже решил прикорнуть.

Не знаю, сколько я проспал, но проснулся от какого-то хлюпающего звука. Разлепив глаза, с удивлением обнаружил, что прямо под колесо накатывают волны. «Надо же, начался прилив!» Вовсю дул ветер, поэтому я решил наблюдать прилив из машины: завораживающее зрелище, как заполняются лагуны на песке водой, как приближается волна за волной. Однако и долго задерживаться было небезопасно – вода поднималась стремительно. Я завёл машину и сразу вывернул руль, намереваясь развернуться, – и это оказалось ошибкой. Наш маломощный жигулёнок, и так уже увязший в песке, закопался в него ещё глубже. Вдобавок машину здорово перекосило, двери тоже – их стало невозможно открыть. Окно выкрутить не получалось – его заклинило вместе с дверями. Я побуксовал ещё. Витька оставил свой этюдник и подбежал к нам. Я крикнул ему через стекло, чтоб выручал нас. Иного выхода, кроме как вытаскивать машину на буксире, не было. Следовало идти в деревню за подмогой.

Когда наверху показался грузовик местного райпо, в салоне у нас уже плескалась вода. Эдик с Веркой забрались на заднее сиденье с ногами – они были в лёгкой панике. Увидев наше положение, Витька тоже встревожился. Грузовик – приблизился к жигулёнку насколько смог, но его буксировочный трос оказался слишком коротким. Нужно было возвращаться за длинным тросом. Витя ходил вокруг машины по колесо в воде и дёргал ручки дверей, но волны накатывали всё сильнее, машину всё больше перекашивало набок, и мы всё больше увязали в песке. Я попытался разбить окно, но рукой сделать это было невозможно, а в салоне ничего твёрдого не нашлось. Я показал Витьке, что надо бить стекло, но Эдик схватил меня за руку: жалко машину-то! «Я скоро!» – крикнул Витя и побежал к грузовику. Они уехали до поселкового гаража, а мы втроём продолжили погружаться в волны вместе с машиной.

Когда они вернулись, вода уже доходила до середины дверей, внутри машины, правда, уровень был пониже, но я сидел в воде. Верка стучала зубами – то ли от страха, то ли оттого, что замёрзла. Скорее всего, от того и другого. Теперь следовало закрепить трос. Но за что? Где же тот крюк, за который можно зацепить? Я посмотрел в заднее стекло: безмерная тоска отражалась на лице Вити. Однако он пересилил себя: прямо в одежде встал на колени и с головой поднырнул под машину. Он сумел зацепить трос за никелированный бампер, но первый же рывок – и трос отломил его. Пока Витька отгибал бампер, отцеплял трос и снова лез под машину в поисках крюка, одно колесо нашего жигулёнка уже оторвало от земли – машина слегка всплыла, словно готовясь отправиться по волнам в море. Орудия петлём, Витька поднырнул, полностью скрывшись под машиной. На второй или третий раз он зацепил трос за заднюю ось. Тяжёлый грузовик, увязая, поволок легковушку на берег. Витька, весь мокрый, торжествуя шлёпал вслед за машиной по ледяной воде, а шофёр грузовика газовал, высунув голову из кабины, и крыл всё на свете отборным матом – кажется, он всерьёз испугался не столько за нас, сколько за то, что его машину тоже засосёт.

Мокрыми и замёрзшими в конце концов оказались все, но зубы плясали и губы посинели в буквальном смысле только у Верки. Витька тоже весь дрожал на ветру, но о ней он переживал больше – усадил её в кабину грузовика, где было потеплее. Мы забрались в кузов и, оставив жигулёнок на возвышенности, поехали в деревню. Вместе с нами в кузове трясся и Витькин этюдник на треноге с недописанным пейзажем и мною, позирующим на фоне моря. Мы доехали за каких-нибудь десять минут, но промёрзли до костей.

В тот же вечер Витька затопил нам баню, и до глубокой ночи мы грелись в ней, пили водку и, смеясь, обсуждали приключение. Эдик хохмил: «Жизнь – это умение как можно дольше избегать смерти». Но Верка, похоже, серьёзно простыла и следующий день с температурой провела в постели.

Через три дня наш жигулёнок хоть и просох, но не заводился – видно, вода попала в мотор. Ещё через два дня мы наняли грузовик, взяли нашу легковушку на прицеп и поволокли её на ремонт в город. Верка осталась в деревне с Витькой – долечиваться. Вернулась она только спустя две недели. Видимо, тогда у них и возникли какие-то отношения, потому что через несколько месяцев я узнал, что они поженились.

(Продолжение в следующем номере)

**Союзу художников
Республики Коми
80 лет**

Ольга
ОРЛОВА

Ольга Владимировна Орлова, заведующая отделом музейно-исследовательской работы Национальной галереи Республики Коми, член Союза художников России

НАЧАЛО

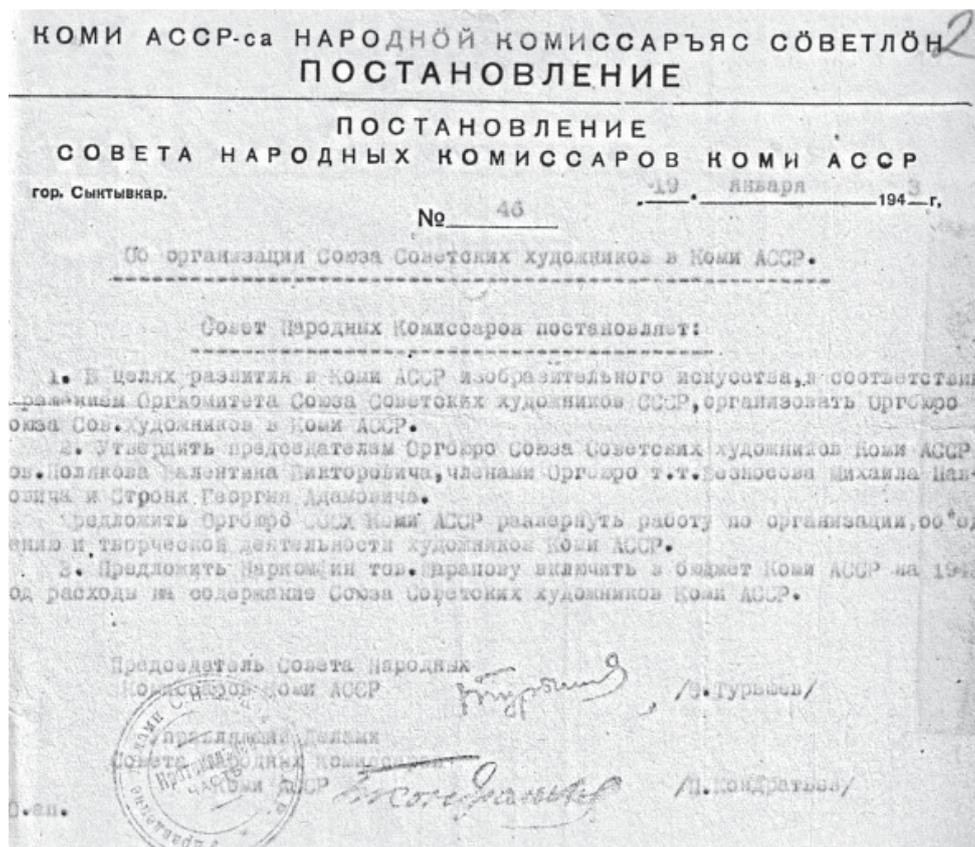
Из истории Коми отделения Союза художников России

Союзы советских художников в союзных и автономных республиках, краях, областях и городах стали формироваться после публикации Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций». Разрозненные объединения писателей, художников и представителей других видов искусства, «стремящихся участвовать в социалистическом строительстве», включались в единые профессиональные творческие союзы. Соответственно, в союзных и автономных республиках, краях, областях и городах начали открываться отделения этих союзов. Целью создания творческих объединений художников в регионах была активизация художественной жизни на местах, значительное повышение уровня профессионального мастерства, а также вовлечение способных и талантливых людей в развитие изобразительного искусства.

1943 – конец 1950-х годов – период становления Союза художников Коми. Впрочем, для региональной истории развития изобразительного искусства автономных республик это не было исключением. Первый Всесоюзный съезд художников, собравшийся в 1957 году, законодательно оформил создание Союза художников СССР. 23 февраля 1956 года собранием Союза советских художников Коми АССР делегатом на Съезд был избран В. В. Поляков. Согласно постановлению секретариата Правления Союза художников СССР от 13 марта 1957 года об утверждении наименований Союза художников в соответствии с его уставом, принятым 1-м Всесоюзным Съездом Советских художников ССХ Коми АССР, Союз художников Коми был переименован в Коми отделение Союза художников СССР¹. Принятие Устава творческого союза завершилось в 1960 году. В его системе сформирован Союз художников РСФСР.

19 января 1943 года опубликовано Постановление Совета народных комиссаров Коми АССР об организации Союза советских художников в Коми АССР. В документе говорилось: «В целях развития в Коми АССР изобразительного искусства, в соответствии с решением Оргкомитета Союза Советских художников СССР, организовать Оргбюро Союза Сов.

¹Архив Коми РО ВТОО «Союз художников России». Дело «Книга приказов по личному составу. 1943–1961». Л. 75.

Художников в Коми АССР. Утвердить председателем Оргбюро Союза Советских художников Коми АССР тов. Полякова Валентина Викторовича, членами Оргбюро т.т. Безносова Михаила Павловича и Стронк Георгия Адамовича. Предложить Оргбюро СССРХ Коми АССР развернуть работу по организации, объединению и творческой деятельности художников Коми АССР. Предложить Наркомфин тов. Шарапову включить в бюджет Коми АССР на 1943 год расходы на содержание Союза Советских художников Коми АССР».

Первый приказ по Союзу художников Коми АССР от 20 января 1943 года утвердил назначение В. В. Полякова председателем Оргбюро Союза Советских художников Коми АССР на основании Постановления Совета Народных Комиссаров Коми АССР № 46 от 19 января 1943 года². 12 мая 1945 года В. В. Поляков принял участие в 9-м Пленуме Оргкомитета Союза Советских художников СССР в г. Москве.

Согласно Уставу, Товарищество художников Коми – «творческая добровольная общественная организация, самоуправляющаяся, объединяющая деятелей изобразительного искусства и искусствоведения. ...Принципом профессионального объединения художников и искусствоведов является свобода художественного творчества, товарищество, забота о развитии таланта каждого члена Товарищества. В основу деятельности многонационального коллектива мастеров изобразительного искусства положены: интернационализм, содействие развитию и взаимообогащению национальных художественных школ, сохранение художественных ценностей, составляющих достояние отечественной и мировой культуры»³.

²Архив Коми РО ВОО «Союз художников России». Дело «Книга приказов по личному составу. 1943–1961». Л. 1.

³Архив Коми РО ВОО «Союз художников России». Б/н.

22 февраля 1943 года в 16.00 в фойе Коми Республиканского драматического театра открылась Первая выставка Союза Советских художников Коми АССР, которая была посвящена Декаде Коми искусства. На выставке показано 130 работ художников Г. А. Стронка, М. П. Безносова, Т. Н. Исаковой, Н. Л. Жилина, В. В. Полякова, В. Г. Постникова и 41 произведение молодых самодеятельных художников: А. В. Семяшкина, Э. А. Попова, Ю. Комлина, Н. Мурзина, С. Холопова и др.⁴ После открытия выставки экспозиция была дополнена живописной работой Г. А. Стронка «Колхозники», станковой графикой М. П. Безносова «Письмо с фронта», В. Г. Постникова «Подвиг Н. Рудаковой», В. В. Полякова «Чтение сообщения Совинформбюро» и др.

В отличие от добровольных обществ, Союз художников объединял своих членов по профессии, для вступления требовались определённая квалификация и рекомендация коллег. Участие в работе Товарищества художников имело жизненно важное значение: получение заказов, предоставление материалов, помещений, участие в выставках, творческие поездки, возможность продолжить учёбу, условия роста для новых талантов.

Среди руководителей членов Товарищества художников и Художественного фонда в период становления в большинстве своём состояли профессионалы: П. Э. Бендель⁵, А. В. Резван⁶, Ю. С. Ершов⁷, Э. В. Козлов⁸, В. И. Кузиванов⁹, В. Г. Постников¹⁰, В. А. Баусов¹¹, П. М. Митюшёв¹², Н. А. Лемзаков¹³, В. В. Поляков¹⁴, Г. В. Кудяшев¹⁵, Г. М. Киселёв¹⁶, В. З. Эдельгаус¹⁷, П. А. Иванов¹⁸, Е. С. Веселовский¹⁹, Р. Ф. Кару²⁰.

⁴Архив Коми РО ВТОО «Союз художников России». Дело «Книга приказов по личному составу. 1943–1961». Л. 2.

⁵Бендель Пётр Эмильевич (11(24).06.1905 (Москва) – 1980 (Москва). Живописец. Портретист. Отец – художник (окончил Одесскую и Мюнхенскую Академии, мать (француженка) – домохозяйка и учительница. В 1912-м выехал с матерью в г. Канны (Франция), где начал учиться в колледже. В 1914-м началась война, родители выехали в Россию. Французский колледж в Швейцарии (г. Фрейбург) (философский факультет (1914–1925); Французская живописная школа (1920–1925). В 1925-м вернулся в Советский Союз. Студия Рерберга Ф. И. и Кардовского (1925–1927); ВХУТЕМАС (живописный факультет (1927–1930). Работал в Горкоме художников-живописцев и скульпторов (Москва) (1932–1942); избран Председателем Горкома (1940–1942). В 1941-м пошёл на фронт в качестве художника-корреспондента. Художник при Штабе 22-й Армии. Попал в плен при окружении под Ржевом (июнь 1942 года). С 1945 по 1952 год – отбывал наказание по суду. 25 марта 1953 года по 8 февраля 1955 года состоял в Товариществе художников Коми.

⁶Резван Алексей Васильевич (1913 (1911?)–1997). Автор жанровых композиций, портретов, пейзажей. Учился в Институте Пролетарского изобразительного искусства (Ленинградская Академия художеств (1931–1939). Призван в армию (Северный и Балтийский флот). Учился на высших военно-морских офицерских курсах в г. Ленинграде. Откомандирован в Штаб военно-морской базы г. Либова. В 1945–1955-х осуждён по ст. 58-16 в подозрении в измене на 10 лет (сидел в г. Риге, Воркуте). В 1955-м работал педагогом по рисованию (школа № 1, Дом пионеров в г. Воркуте).

⁷Ершов Юрий Сергеевич (июнь 1927–2008). Живописец. Учился в художественно-педагогическом училище (диплом «Приём в комсомол») (1944–1949); в Институте им. И. Е. Репина АХ СССР (1949–1955). Преподаватели В. В. Соколов, Л. В. Худяков, Г. П. Степашкин, С. М. Михайлов, М. И. Авилов, В. Л. Анисович, Ю. М. Непринцев. Дипломная работа «Портрет уборщицы М. М. Ермоленко». В 1955-м «назначен на работу в Союз художников г. Сыктывкара».

⁸Козлов Энгельс Васильевич (1926–2007). Живописец. Учился в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина АХ СССР (1950–1955) у Ю. М. Непринцева. В 1956-м направлен в Сыктывкар в «отделение молодых специалистов». Диплом «Будет жить».

⁹Кузиванов Василий Иванович (род. в 1913, с. Вильгорт). Художник-оформитель. Учился в Художественно-педагогическом техникуме (1923–1932) в Ленинграде. В Товариществе художников Коми с 1949 года.

¹⁰Постников Виктор Гаврилович (1897–1957). Живописец, график. Учился в Строгановском художественно-промышленном училище (2 курса). Член СХ с 1938 года. В Товариществе художников Коми с 1949 года.

¹¹Баусов Василий Алексеевич (1891–1963). Художник-декоратор. Учился в Рисовальной школе Общества Поощрения художеств (Санкт-Петербург, 1909–1912), вольнослушатель Академии художеств (1911–1914) у И. И. Творожникова. С 1941 по 1953 год – главный художник драматического театра (Сыктывкар).

¹²Митюшёв Пантелеймон Михайлович (1914–1994). Живописец. Учился в Киевском художественном техникуме (1933–1935), в Киевском государственном художественном институте (1936–1941). С 1946-го – член Союза советских художников, с 1949-го – Товарищества художников Коми.

Статистические сведения по членам Товарищества художников Коми за период 1946–1957 годов по материалам архива Дома художника

Год	Количество	Уроженцы Коми	Приезжие	С профессиональным образованием
1946	1		1	1
1949	20	13	7	8
1950	5	5		
1951	7	6	1	1
1952	7	6	1	1
1953	5	3	2	2
1954	1		1	1
1956	1	1		1
1957	2	1	1	2

Согласно статистическим данным, больше всего принятых в члены Товарищества художников Коми приходится на 1949 год – 20 человек, в начале 1950-х принимали в среднем по 5-7 человек. Из 49 уроженцы Коми составили 35, приезжие – 14, с профессиональным образованием – 17, из них только трое уроженцы Коми (В. В. Поляков, П. М. Митюшёв, Э. В. Козлов), последние вошли в антологию Коми изобразительного искусства. В 1949 году на работу в Товарищество художников принимали художников без профессионального или просто без образования, главным образом участников Великой Отечественной войны: Ф. П. Сырчиков²¹, который «окончательно решил изменить свою специальность... окончательно избрать специальность художника»; А. И. Морохин²², поступивший в качестве шрифтовика; Л. Н. Фотиев²³; Г. А. Плосков²⁴; И. С. Попов²⁵; П. В. Павлов²⁶; А. М. Тюфяков;

¹³Лемзаков Николай Александрович (1916–1993). Живописец. Учился в Молотовском художественном училище (1934–1938). С 1949-го – член Товарищества художников Коми.

¹⁴Поляков Валентин Викторович (1905–1974). График. Учился в Ленинградском художественно-промышленном техникуме (1924–1928) у В. Н. Левицкого. Член Союза художников СССР с 1942 года.

¹⁵Кудяшев Григорий Васильевич (1922–2000). Живописец. Учился в Кировском художественно-педагогическом училище (1938–1941). С 1949-го – член Товарищества художников Коми.

¹⁶Киселёв Григорий Михайлович (род. в 1914). В 1936-м закончил Ленинградский художественно-педагогический техникум. С 1949-го – член Товарищества художников Коми.

¹⁷Эдельгаус Вениамин Зусманович (1907–1984). Архитектор, скульптор. Учился в Латвийской Государственной Высшей школе (1926–1930) у Эйжена Лаубе. С 1949-го – член Товарищества художников Коми.

¹⁸Иванов Пётр Алексеевич (род. в 1915). Учился в Художественном училище 1905 года (Москва). С 1949-го – член Товарищества художников Коми.

¹⁹Веселовский Евгений Степанович (1901–1953). Учился во ВХУТЕИН (1922–1926). С 1922 по 1935 год – художник «почти во всех издательствах ОГиза по печати», закреплён за Партиздатом. 1935 – осуждён спецколлекцией Мосгорсуда по ст. 58 п. 10 сроком на 10 лет. Срок отбывал на строительстве канала Москва – Волга (1936–1937) и в Усть-Вымьлаге МВД (1938–1945), работая всё время в качестве художника. С 1936 по 1946 год – работал в качестве художника в системе лагерей НКВД; с 1946 по 1950 год – в газете «За новый Север», «Вөрлэдзысь», в Коми Госиздате – художник по полиграфии. С 1949 года – член Товарищества художников Коми.

²⁰Кару Ричард Феликсович (род. в 1890). Учился в гимназии, художественном училище (1901–1909, Киев). С 1945-го – в Сыктывкаре (Горпромкомбинат в художественную мастерскую). С 1949 года – член Товарищества художников Коми.

²¹Сырчиков Фёдор Петрович – старший лейтенант. Архив Коми РО ВТОО "Союз художников России". Дело «Личные дела работников фонда. 1949–1960». ЛЛ. 101, 101 об.

²²Морохин Александр Иванович. Архив Коми РО ВТОО «Союз художников России». Дело «Личные дела работников фонда. 1949–1960». Л. 16. Орфография сохранена.

²³Фотиев Лев Николаевич в годы Великой Отечественной войны служил на Севере, закончил дивизионную партийную школу (1949–1950). Там же. ЛЛ. 131, 132 об.

²⁴Плосков Геллер Андреевич. Закончил неполную среднюю школу в 1939 году. С 1943 по 1947 (с перерывом) работа художником в мастерской артели «Северный кустарь».

²⁵Попов Иван Степанович. Окончил 6 классов. Работал в качестве помощника декоратора в драматическом театре (1943–1945), ретушёром в газете «За новый Север» (1945–1946). Отбывал срок по ст. 162 п. «Д» (1947–1950).

²⁶Павлов Павел Викторович. Участник Великой Отечественной войны (Ленинградский, Карельский и Первый Украинский фронты).

П. А. Коданёв²⁷; И. М. Паршуков; А. Н. Размыслов, А. М. Нечаев. Многие из них писали в заявлениях: «Имею большое желание работать в области искусства в частности по живописи». На заявлении Г. М. Забоева²⁸ 1952 года стоит рекомендация П. М. Митюшёва: «имел с подателем сего заявления беседу и рекомендует принять». В задачи Товарищества входило формирование национальной художественной школы. С 1946 по 1953 год больше половины членов составляли уроженцы Коми. Создавались условия для профессионального становления художников. С образованием 5 классов был принят «в качестве ученика скульптурного производства» А. Г. Титорчук²⁹

ТВОРЧЕСКИЕ КОМАНДИРОВКИ

С 30 июня по 1 августа 1943 года «согласно указаний директивных организаций»³⁰ художники ездили в творческие командировки по республике: Воркута, Абезь (В. В. Поляков, Г. А. Стронк), в Ухту и Железнодорожный район для зарисовок портретов знатных людей нефтяной промышленности и отдельных объектов (М. П. Безносков, Н. Л. Жилин), в Усть-Куломский район для зарисовок портретов членов бригады Николая Попова (А. А. Полозова)³¹. А. А. Полозову командировали от драматического театра, где она работала в качестве театрального художника. 6 ноября 1943 года в фойе Республиканского театра открыта Вторая выставка, посвящённая 26-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции. Показаны 72 новые работы, созданные с мая по октябрь 1943 года: М. П. Безносков (портреты знатных людей Ухты и Железнодорожного района; панно Северо-Печорской железной дороги), Н. Л. Жилин (портреты и панно «Ухта»), В. В. Поляков (портреты, рисунки Воркуты, Абези, панно «Воркута»), В. Г. Постников (панно «На сплаве»), А. А. Полозова (портрет знатного тракториста Усть-Куломского района Попова), Г. А. Стронк (портрет овощевода Малыгиной, акварельные рисунки Воркуты, портреты).

В декабре 1943 года художников направили в творческие командировки в леспромхозы: Жешартского района для зарисовок лесорубов Марии Ивановны Мининой (Н. Л. Жилин), в Сысольский – для работы над портретом Русанова (М. П. Безносков). Поездка была профинансирована за счёт средств треста «Комилес». С мая по август 1944-го художники отправлялись на зарисовки посевной компании (Н. Л. Жилин в Железнодорожный район), колхозных работ в Удорский район (К. А. Парнев), отдельных объектов строительства и знатных людей комбината «Воркутауголь» (В. В. Поляков, Н. Л. Жилин). С 8 января по 9 марта 1947 года в творческой командировке «для сбора материалов к картине о Заполярной кочегарке»³² находился в г. Воркуте П. М. Митюшёв. С 16 марта по 28 марта 1947 года в творческой командировке в мехлесопункте «Кочья-яг» для сбора материалов к картине «На лесозаготовках» был В. Г. Постников. С 17 марта по 2 апреля 1947 года Н. Л. Жилин собирал в Ижемском районе материалы к картине «Праздник оленеводов». С 27 июня по 30 июля

²⁷Коданёв Павел Антонович. Неполная средняя школа (1937-1940). Участник боёв Великой Отечественной войны (1942–1944).

²⁸Забоев Геннадий Михайлович. Там же. Л. 224

²⁹Титорчук Александр Григорьевич. Там же. Л. 236

³⁰Архив Коми РО ВТОО «Союз художников России». Дело «Книга приказов по личному составу. 1943–1961». Л. 3 об.

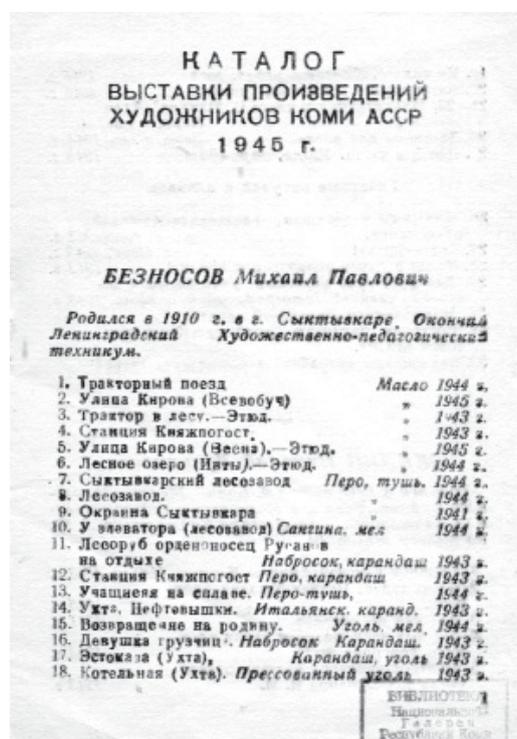
³¹Там же. ЛЛ. 4, 5, 5 об.

³²Архив Коми РО ВТОО «Союз художников России». Дело «Книга приказов по личному составу. 1943–1961». Л. 23 об.

1947 года в Изваёле Н. Л. Жилин занимался сбором материалов к картине «Извайльская крепость». С 10 августа по 31 августа 1947 года в с. Серёгово М. П. Безносков работал над картиной «На сплаве», Н. Л. Жилин – над картиной «Жатва». С 18 июня по 18 июля 1948 года в г. Сольвычегодске В. Г. Постников был в командировке «для сбора материалов к серии графических рисунков и композиций на тему о пребывании тов. Сталина в Сольвычегодске в царской ссылке»³³. С 21 июня по 27 июля 1949 года в г. Сольвычегодск отправили Н. Л. Жилина «для сбора материала к картине «Тов. Сталин беседует со сплавщиками»³⁴. С 10 августа по 28 августа 1949 года Н. Л. Жилин выполнял портрет стахановца Михаила Туркина в Черноярской Запани, а также был отправлен в Сольвычегодск «для выполнения дополнительных зарисовок по теме о пребывании тов. Сталина в Сольвычегодской ссылке». С 26 декабря 1949 года по 24 января 1950 года М. П. Безносков делал зарисовки лесозаготовки в Карнана-ельском (?) мехлесхозе. С 15 июня по 4 июля 1950 года В. В. Поляков находился в г. Ухте – «для выполнения серии рисунков об Ухте и сбора материала для композиции «Северная нефть». Со 2 августа по 7 августа 1952 года В. В. Поляков собирал материалы в Палевицком леспромхозе по теме «Лес – строителям коммунизма».

ВЫСТАВКИ

23 февраля 1944 года открыта выставка «Коми народ в Великой Отечественной войне»: живописные произведения «Подвиг Героя Советского Союза Н. В. Оплеснина» (Г. А. Стронк), «Подвиг В. П. Кислякова» (В. Г. Постников), станковая графика «Подвиг Михаила Шуктомова», «На занятиях Всеобуча» (В. В. Поляков), «Подарки Красной Армии» (Н. Л. Жилин), «Не пройдут» (М. П. Безносков).

С 1 июля по 1 августа 1945 года в помещении шахматно-шашечного павильона Парка культуры и отдыха им. С. М. Кирова открылась выставка произведений художников Коми АССР. Показано было 212 работ живописи и графики 10 художников (М. П. Безносков, Н. Л. Жилин, А. Е. Зост, А. М. Комаров, А. С. Кузнецов, К. К. Пантелеев, В. Г. Постников, В. И. Прокошев, Л. Н. Рыминский, В. В. Поляков).

С 25 августа по 30 сентября 1946 года в Коми Республиканском краеведческом музее открылась выставка произведений художников Коми АССР, посвящённая 25-летию юбилею Коми Республики. На выставке показано 109 работ живописи и графики (М. П. Безносков, Н. Л. Жилин, А. М. Комаров, В. С. Кадыш, А. С. Кузнецов, В. В. Поляков, В. Г. Постников, В. И. Прокошев, К. К. Пантелеев, П. М. Митюшёв).

Осенью 1947 года состоялась Всесоюзная выставка к XXX-летию советской власти (Москва).

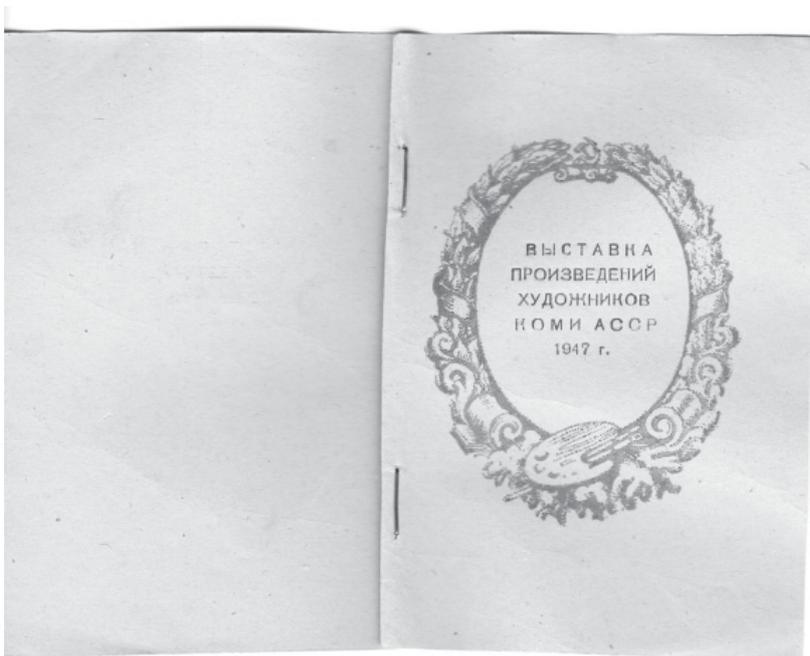
³³Архив Коми РО ВТОО «Союз художников России». Дело «Книга приказов по личному составу. 1943–1961». Л. 32 об.

³⁴Архив Коми РО ВТОО «Союз художников России». Дело «Книга приказов по личному составу. 1943–1961». Л. 36 об.

Транспортировку картин осуществлял артист Госфилармонии Ян Казимирович Станиславский: доставка на выставку, упаковка, натяжка на подрамники в г. Москве.

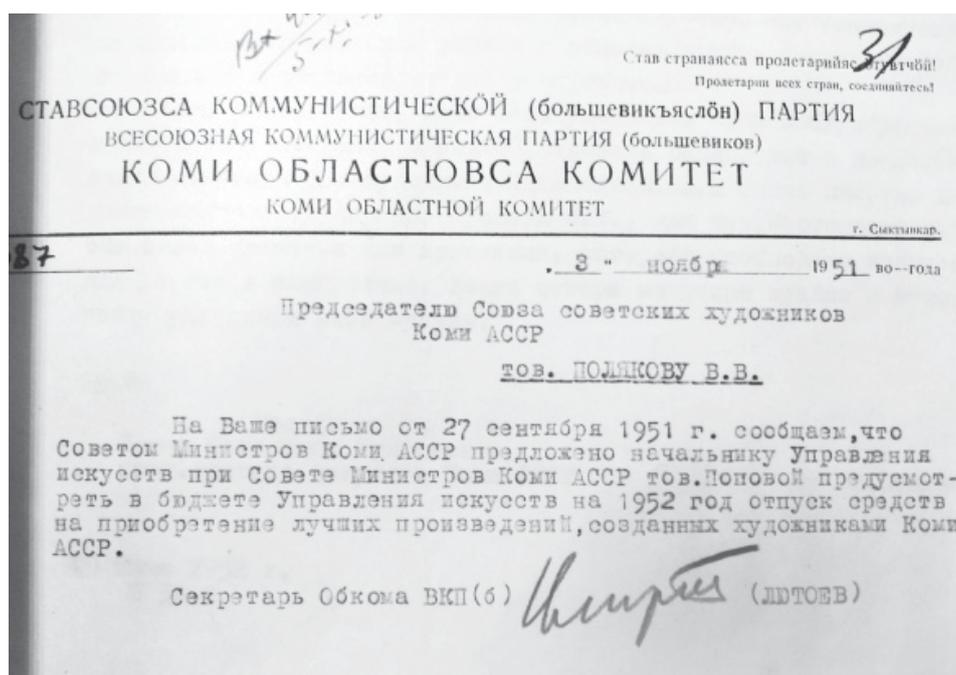
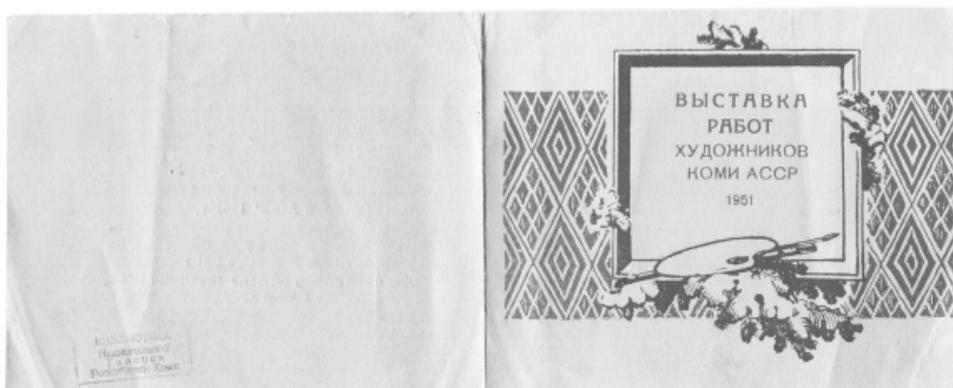
7 ноября 1947 года в помещении Коми Республиканского художественного музея – выставка произведений художников Коми АССР, посвящённая 30-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции. 114 работ (М. П. Безносков, Н. Л. Жилин, В. Г. Игнатов, А. М. Комаров, А. С. Кузнецов, П. М. Митюшёв, К. К. Пантелеев, В. Г. Постников, В. И. Прокошев, Л. Н. Рыминский, В. В. Поляков).

11 июля 1948 года в павильоне Парка культуры и отдыха им. С. М. Кирова – выставка работ Н. Л. Жилина. Всего 106 произведений.

С 26 августа по 28 мая 1950 года в фойе драматического театра – персональная выставка В. В. Полякова в связи с 25-летием творческой деятельности. 203 произведения.

С 15 сентября 1951 года в зале и фойе 2 этажа Дома Союзов – Выставка работ художников Коми АССР. Всего 161 работа: 78 – живопись, 42 – графика, 41 – рисунки и наброски. М. П. Безносков, С. А. Добряков, Н. Л. Жилин, Г. Н. Вахнина, Г. В. Кудяшев, Н. А. Лемзаков, П. М. Митюшёв, В. В. Поляков, В. Г. Постников, Л. И. Потапов, В. А. Рожин, П. И. Семячков, П. Д. Ямаев.

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

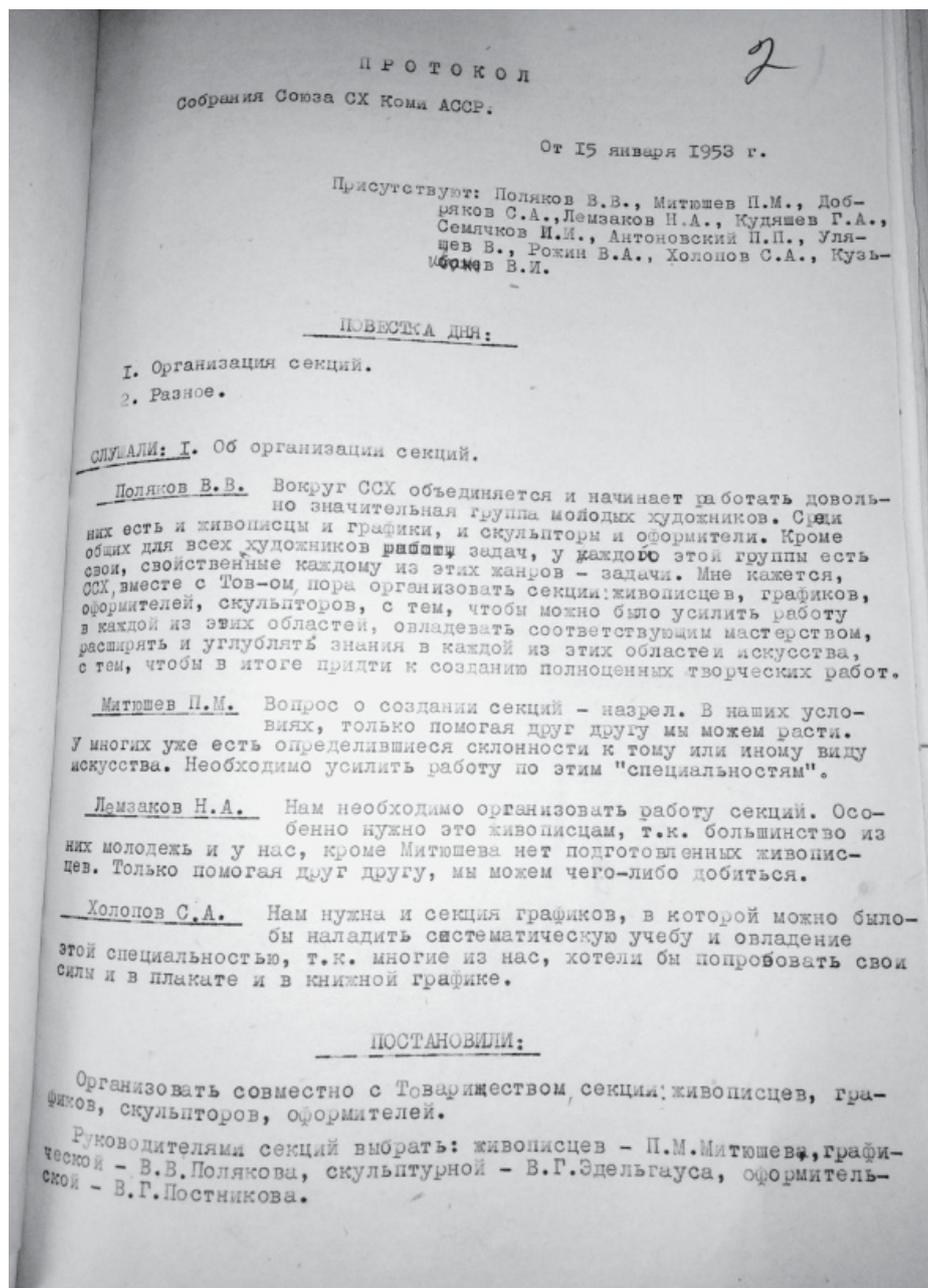
В августе 1945 года К. А. Парнев уехал на учёбу в художественное училище в г. Саратов. В 1943-м и 1944-м он и А. М. Нечаев занимались оформлением Агит-Окон.

13 сентября 1949 года (Приказ № 86 ССХ Коми АССР): «Согласно имеющейся договорённости с руководящими организациями разрешить художнику Жилину Николаю Лукьяновичу длительный выезд (на два года) в Москву для повышения творческой квалификации»³⁵. В 1952 году Александр Венедиктович Кочев, принятый на работу

³⁵Архив Коми РО ВТОО «Союз художников России». Дело «Личные дела работников фонда. 1949–1960». Л. 38 об.

в Товарищество художников 21 августа 1951 года с образованием 7 классов в качестве подсобного рабочего. В заявлении о приёме на работу написал: «Я хочу в процессе работы в мастерской развить свой художественный талант»³⁶. Через год Кочев поступил в Костромское художественно-педагогическое училище (1952–1957), затем в Московский художественный институт им. В. И. Сурикова (1960–1966).

С 1953 года художники из Коми стали принимать участие в семинарах графиков в Доме художников ХФ в Челюскинской. В 1957 году Н. А. Лемзаков был направлен на академическую дачу им. Кардовского для работы над эскизами к картинам «Ребята зимой» и «В лагере военнопленных» к выставке «Советская Россия»³⁷. С 1957 года Правление направляло художников в Москву «для ознакомления с выставками РСФСР»³⁸.

³⁶ Там же. Л. 197.

³⁷ Там же. Л. 81.

³⁸ Там же. Л. 79.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ

«В связи с упразднением «Всехудожника» (Постановление Сов. Мин. СССР от 8 мая 1953 № 1226 и РСФСР от 11 мая 1953 г. № 492) и организации вместо Товарищества художников Коми АССР Коми отделения Художественного Фонда СССР, согласно указания Оргкомитета Союза Сов. Художников СССР (Телеграмма Оргсекретаря Оргкомитета тов. Ушенина за № 53/014 от 27.VI-53 г.) по решению Оргбюро Союза Сов. Художников Коми АССР от 30 июня 1953 года назначается Правление Коми отделения художественного фонда СССР в составе:

1. Антоновский Пётр Петрович
2. Поляков Валентин Викторович
3. Митюшёв Пантелеймон Михайлович
4. Холопов Степан Александрович
5. Кудяшев Григорий Васильевич»³⁹.

Дополнение к приказу: Приказ № 7 от 31.07.1953 г.: «Назначить Правление Коми отделения Художественного фонда в составе:

1. Поляков Валентин Викторович – председатель
2. Постников Виктор Гаврилович – член Правления
3. Антоновский Пётр Петрович – член Правления и директор Коми отделения.

С 1953 года для подготовки и проведения выставок стали назначаться Выставочные комитеты. Первый был в составе: В. В. Полякова (председатель), П. П. Антоновского (зам. Председателя), членов: А. И. Трошева, В. Г. Постникова, П. М. Митюшёва. Отбор и оформление работ, подготовка каталога, экспозиции выставки, организация обсуждения и проведение выставки.

С 20 августа по 6 сентября 1953 года в шахматном павильоне Парка культуры и отдыха им. С. М. Кирова – выставка советской станковой графики. 35 произведений (автолитографии, линогравюры и рисунки): Б. В. Иогансона, М. И. Бренайзена, Е. А. Кибрика, И. А. Соколова, П. И. Баранова, Э. Б. Бернштейна, В. С. Бибикина, П. И. Ванеева, В. И. Вихтинского, И. И. Ершова, М. В. Маторина, А. С. Пруцкого, В. Г. Постникова, М. П. Безносова, В. В. Полякова.

С 7 ноября 1953 года – в зале и фойе 2 этажа Дома Союзов – выставка художников Коми АССР. 156 работ живописи, графики, скульптуры: В. Г. Балаш, П. Э. Бендель, С. А. Добряков, Н. Л. Жилин, Г. М. Киселёв, Э. В. Козлов, В. И. Краев, Т. П. Краева, Г. В. Кудяшев, Н. А. Лемзаков,

П. М. Митюшёв, С. А. Оплеснин, В. Г. Постников, В. В. Поляков, П. И. Семячков, М. П. Безносов, И. Н. Кусков, В. А. Рожин, С. А. Холопов, Ю. Г. Борисов, В. Н. Мамченко, П. Д. Ямаев.

С 9 октября 1955 года – в большом фойе Дома Союзов – XI выставка 220 работ 42 художников из Сыктывкара, Воркуты, Инты.

С 11 августа 1959 года в фойе кинотеатра «Родина» открылась выставка этюдов 11 художников

³⁹Архив Коми РО ВТОО «Союз художников России». Дело «Личные дела работников фонда. 1949–1960». ЛЛ. 51 об, 52. Приказ № 6 (127) ССХ Коми АССР от 30 июня 1953 года.

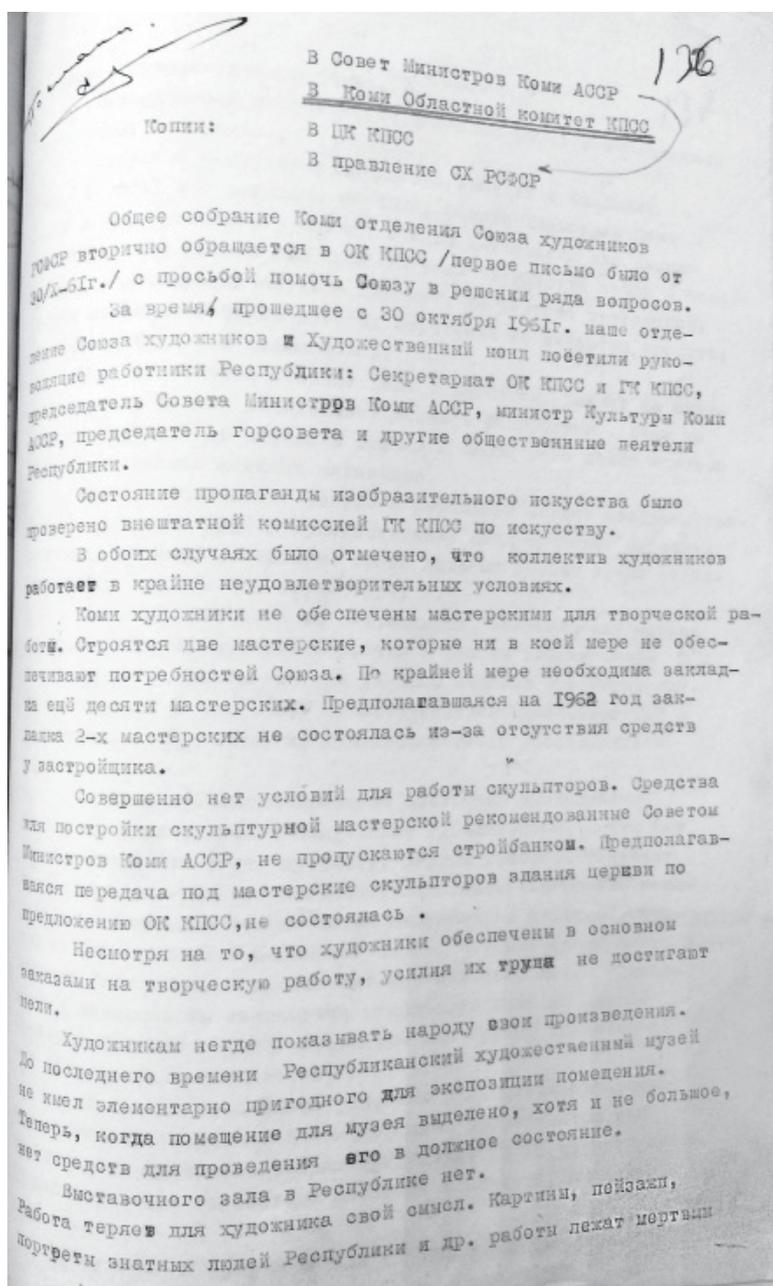
г. Сыктывкара (Г. Н. Вахнина, С. А. Добрякова, А. В. Кочева, Г. В. Кудяшева, В. Н. Куранова, Н. А. Лемзакова, В. Н. Мамченко, П. М. Митюшёва, В. Я. Павлова, В. В. Полякова, П. И. Семячкова).

Рубеж 1950-х – 1960-х годов открывает новый этап в развитии художественной культуры страны. В 1957 году создан единый Союз художников СССР, в который вошли Союзы художников союзных республик, а в сентябре 1957 года Постановлением Секретариата Правления Союза художников СССР был учреждён Союз художников РСФСР, который способствовал оформлению централизованной системы регулирования художественного процесса. С 27 июня 1960 года «в связи с образованием на 1-м съезде художников РСФСР Союза художников РСФСР и вытекающего отсюда изменения наименований, впредь, Коми отделение Союза художников именовать: Коми отделение Союза художников РСФСР»⁴⁰.

В. В. Поляков, член Правления, постоянно выезжает в творческие командировки для ознакомления с работой местных художников, обсуждения выставок, чтения лекций по изобразительному искусству.

В становлении организации в 1950–1960-е годы большую роль сыграло пополнение её выпускниками ВУЗов Москвы, Ленинграда и других городов: живописцами, графиками, скульпторами. Смена поколений совпала со временем ломки

⁴⁰ Архив Коми РО ВТОО «Союз художников России». Дело «Личные дела работников фонда. 1949–1960». Л. 99а.

134
 ный серьезный произведением. две мастерские по 24 кв. м
 каждая, строительство которых ведется, уже не могут удов-
 леть потребности взрослого коллектива, уже не могут удов-
 лять нужды скульптора, создавшие ряд заслуживающих внимания произве-
 дения, работают до сих пор в маленькой комнате и фактически совершенно неги-
 способной для работы комнате и (фактически лишены воз-
 можности выполнять крупные работы в материале.
 5. Ряд художников, в том числе давно работающих в
 республике и многое для нее сделавших до сих пор не имеют
 коммунальных квартир и живут у частных домовладельцев в
 плохих условиях, не говоря уже о том, что отсутствием в
 ближайшее время определенных перспектив на квартире не
 позволяет пригласить ряд новых высококвалифицированных
 художников и хотя бы одного, крайне нужного республике -
 искусствоведа.
 Теперь когда ХХII съезд КПСС открыл грандиозные пер-
 спективы построения коммунистического общества и перед раз-
 работниками искусства и литературы поставлена задача усиле-
 ния воспитания советского человека, усиления эстетичес-
 кого воспитания народа - мы должны полностью использовать
 наши силы в этом большом деле. А для этого необходимо по-
 мочь нам создать надлежащие условия для работы.
 Коллектив художников республики, за последние годы
 повсюду и окреп и может уже решать чересные задачи. Об
 этом свидетельствует тот факт, что работы пяти коми худо-
 жников экспонировались сейчас на столь ответственной выставке
 в Москве Всесоюзная художественная выставка 1961г. от-
 крытая к ХХII съезду партии.
 Сейчас необходимо создать такие условия, чтобы наши
 художники смогли в полную меру своих способностей поставить
 свое творчество на службу великому делу партии: построению
 коммунизма в нашей стране.
 Учитывая все это, собрание обращается к руководящим
 организациям нашей республики со следующими просьбами:
 1. Предоставить в ближайшее время для Коми Респуб-
 лического художественного музея, как крайний выход, быв-
 шее здание ОК ВЛКСМ, с обязательным условием постройки
 для добарочного помещения, а так же предоставления под
 музей для Выставочный зал, теперешнего помещения магазина
 "Смектичка".
 При условии достройки этого здания, часть его мо-
 жно предоставить так же для городской студии Изобрази-
 тельного искусства, а до этого, как временное помещение
 просим предоставить для студии одну комнату в одном из
 отчужденных зданий г. Сыктывкара.
 2. Обеспечить в ближайшее время всех нуждающихся,
 творчески работающих художников - квартирами и помочь в
 постройке дополнительно 4-х мастерских в мансардах наме-
 ченных к строительству домов, а так же предложить Гориспол
 кому построить одну мастерскую для скульпторов, которые
 до сих пор не имеют ни *одной* мастерской.
 3. В виду того, что пока единственным заказчиком твор-
 ческих картин, скульптур, графических серий выставки
 народного искусства Министерства культуры Коми АССР, облада-
 юще к тому же ограниченными средствами для выполнения этого,
 а это не позволяет использовать все имеющиеся у нас твор-
 ческие силы и дает относительно немного работ, мы просим
 оказать помощь в том, что бы организации и учреждения респуб-
 лики усилили практику заказов на творческие работы для

жёстких идеологических установок в искусстве, постепенного освобождения от их диктата. Некоторое ослабление контроля со стороны власти в начале 1960-х годов привело к большей самостоятельности правлений местных Союзов художников в решении внутренних дел, особенно в вопросах о приёме в члены Союза художников. В провинции период «оттепели» с ожиданием перемен задержался дольше.

ПРЕДСЕДАТЕЛИ

В разные годы организацию возглавляли В. В. Поляков (1943–1962), Р. Н. Ермолин (1962–1964, 1970–1986), В. И. Краев (1968–1970), С. А. Торлопов (1986–1990?), А. В. Копотин (1988–1992, 1995–2002), С. С. Асташев (1992–1995), Р. С. Бендерский (2004–2013). В 1990-е годы Союз художников Коми не распался, сохранив свои главные функции и ведущую роль в художественной жизни республики, остался авторитетным в глазах профессионального сообщества России. С 2013 года Коми отделение ВОО «Союз художников России» возглавляет Ф. Б. Бурангулов.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Изобразительное искусство Республики Коми переживает сложный этап, связанный с изменением всей социокультурной ситуации, с влиянием массовой культуры, новейших технологий.

В настоящее время Коми отделение ВТОО «Союз художников России» объединяет 43 художников. В их числе 14 живописцев, 12 графиков, 3 скульптора, 11 художников декоративно-прикладного искусства, 1 художник театра, 1 дизайнер и 1 искусствовед. Многие художники активно ведут преподавательскую деятельность в высших и средне-специальных учебных заведениях Сыктывкара: в Институте культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, в Колледже искусств Республики Коми.

Главным показателем творческой активности художников является выставочная деятельность. За период с 2018 по 2023 год художники приняли участие во всероссийских, международных, региональных художественных выставках, проводимых Всероссийской творческой общественной организацией «Союз художников России». Как правило, произведения, представленные на этих выставках, не остаются незамеченными как простыми зрителями, так и специалистами-искусствоведами. Свой 80-й юбилей творческая организация традиционно отметила отчётной выставкой, участники которой – активно работающие живописцы, скульпторы, графики, художники декоративно-прикладного искусства. В экспозицию вошли станковые произведения художников Сыктывкара, Ухты, Воркуты, других городов и районов Республики Коми, выполненные в течение последних пяти лет. Большая часть произведений экспонируется впервые. Выставочный проект состоял из нескольких экспозиционных пространств: собственно отчётной выставки Союза художников Коми «80x80», выставки «Художники в экстерьере», представляющей творческий союз в лицах (портретах и автопортретах художников из собрания Национальной галереи РК и мастерских), а также документально-архивную часть, иллюстрирующую историю Коми отделения Союза художников России.

Гурьев Владимир Николаевич, 1946 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 2019 г.

Важкурья. 2021
Холст, масло, 30х60

Копотин Анатолий Васильевич, 1949 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар

Член Союза художников с 1980 г., заслуженный деятель искусств Республики Коми (1993), народный художник Республики Коми (1999), заслуженный художник РФ (2011)

Светлое утро. Посвящаю сестре Нинушке. 2023
Холст, масло, 99,5х79,7

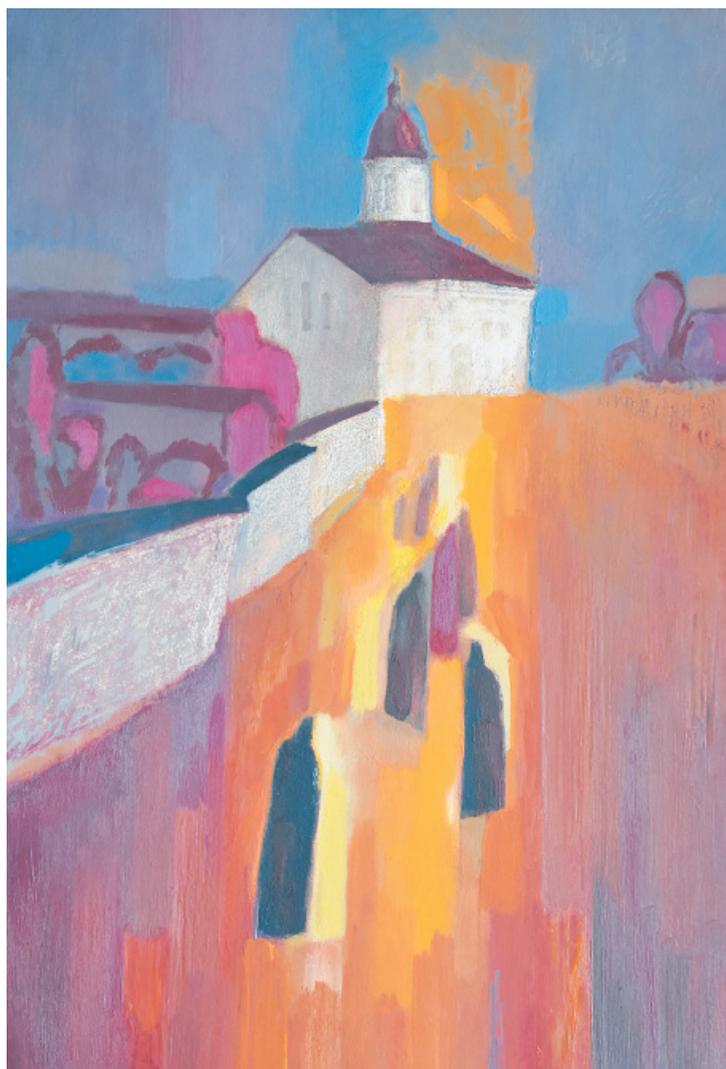

Поповская Инга Сергеевна, 1993 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 2017 г.
Домашний урожай. 2022
Картон, акрил, смеш. техника, 100x70

**Куликова Александра
Александровна, 1945 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар**
Член Союза художников с 1975 г.
Заслуженный деятель искусств
Республики Коми (1993),
заслуженный работник Республики
Коми, Заслуженный художник РФ
(2007)

Сумерки. 2022
Холст, масло, 100x110

**Пунегов Анатолий Васильевич, 1959 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар**
Член Союза художников России с 1996 г.

Дорога к храму. 2020
Картон, масло, 80x53

Микушев Павел Георгиевич, 1962 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 2015 г.
Внутреннее пространство. 2020
Холст, акрил, 140x100

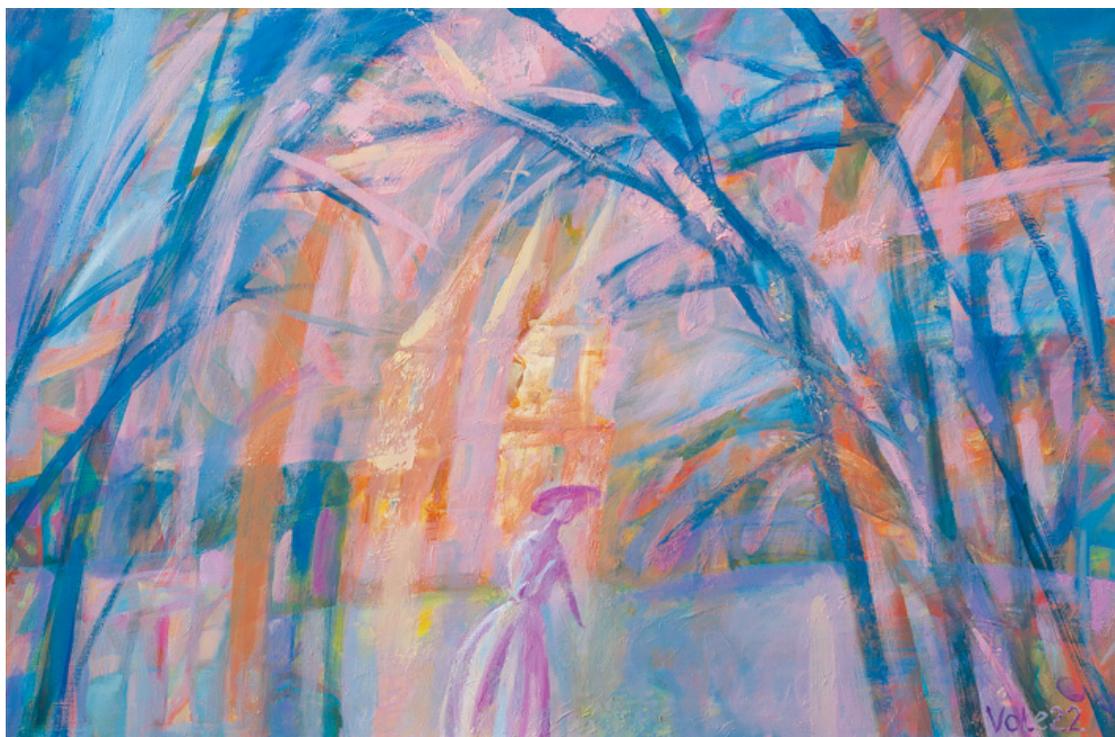

**Овсянкина Кристина Игоревна, 1992 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар**

Член Союза художников России с 2017 г.

Дом. 2022

Холст, акрил, 50x60

Осипов Владимир Борисович, 1952 г.

Республика Коми, г. Сыктывкар

Член Союза художников России с 1993 г.

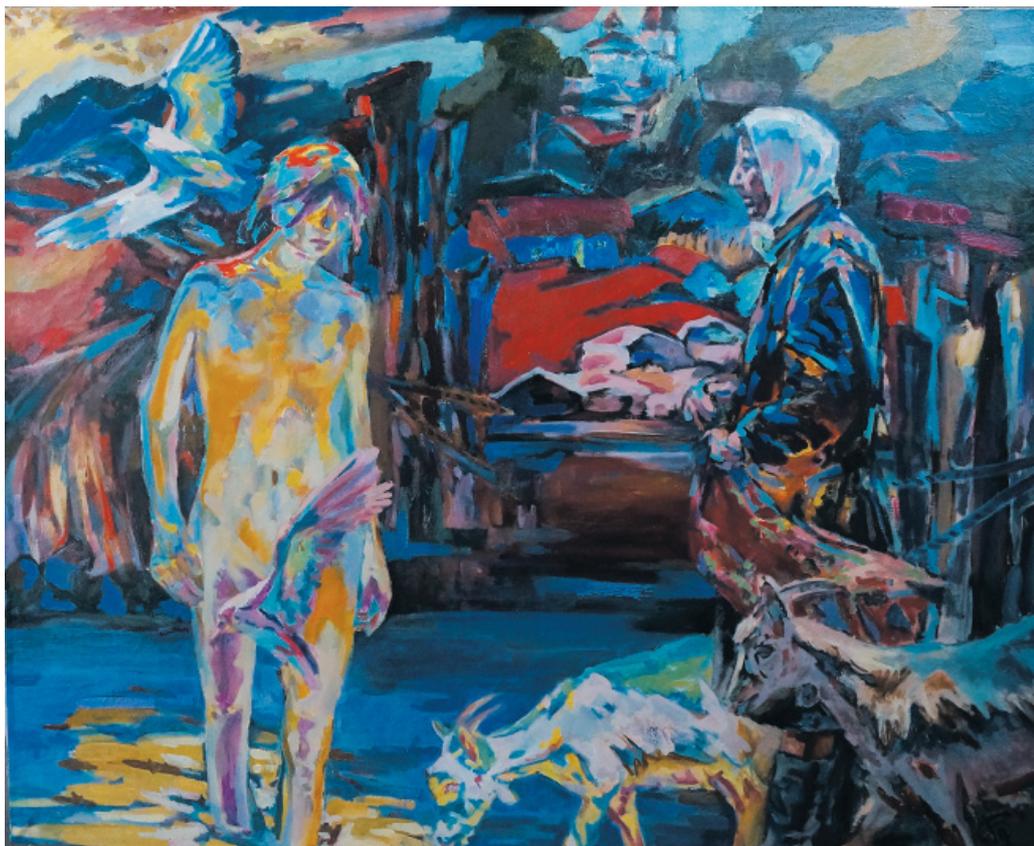
Заслуженный работник Республики Коми (2006)

В саду. 2022

Холст, акрил, масло, 75x114

Разманова Анжела Рустиковна, 1971 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 2005 г.
Смотри, Лев, это зима. 2022
Холст, масло, 135x85

Бурангулов Фарук Бакирович, 1958 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 2005 г.,
заслуженный работник Республики Коми
Иванов день. 2011
Холст, масло, 73x64

Селиверстова Наталья Вячеславовна, 1977 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 2018 г.
Сны о городе. 2023
Холст, масло, 100x100

Сизоненко Олег Александрович, 1959 г.

Республика Коми, г. Ухта

Член Союза художников России с 2017 г.

Формальный натюрморт. 2021

Холст, масло, 50х60

Филипповский Юрий Николаевич, 1948 г.

Республика Коми, г. Сыктывкар

Член Союза художников России с 1996 г.,
заслуженный работник Республики Коми (2015)

Зимняя Лида. 2018

ДВП, масло, 53х74

**Бутакова Светлана Александровна, 1969 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар.**

Член Союза художников России с 2010 г.

Между летом и зимой. 2022
Картон, смеш. техника, 70x60

Васильева Татьяна Васильевна, 1946 г.

Республика Коми, г. Сыктывкар

Член Союза художников России с 1989 г., заслуженный работник культуры Республики Коми (1998), лауреат премии Правительства Республики Коми (2002), народный художник Республики Коми (2006), заслуженный художник Российской Федерации (2011).

Закат на Ольхоне. 2023

Б. А. П., 45×55

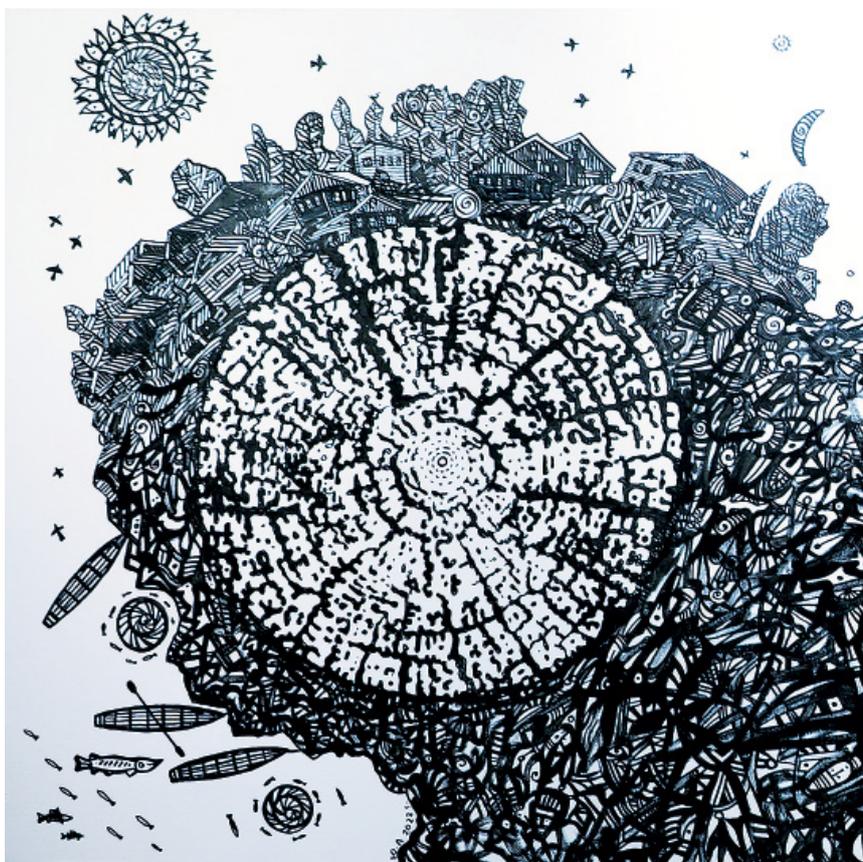
Гагаузов Сергей Владимирович, 1959 г.

Республика Коми, г. Воркута

Член Союза художников России с 2015 г., заслуженный работник Республики Коми (2005), заслуженный работник культуры Российской Федерации

Красный мост. Рудник. 2022

Бумага, гуашь, смешанная техника, 90×70

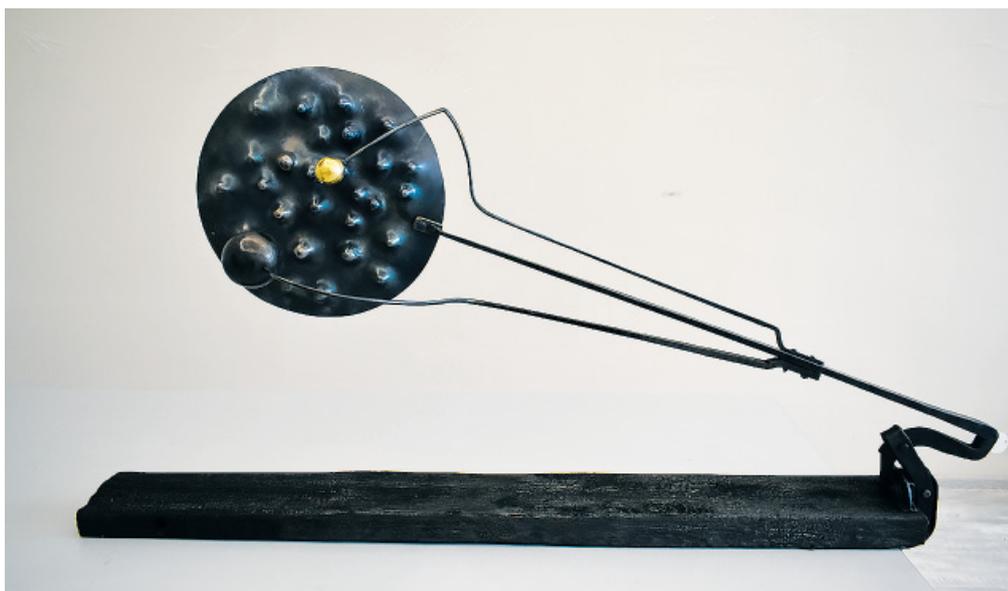
Лисовский Юрий Николаевич, 1964 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 2015 г.

Удора внешняя. 2022
Холст, акрил, маркер, 90x90

Хоменко Екатерина Васильевна, 1981 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 2015 г.

В саду. 2019
Горячая эмаль, дерево, 37,0x27,5

Дораев Макта Владимирович, 1979 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 2017 г.
Спутники. 2021
Дерево, металл, 60x123x12

Кислов Вячеслав Николаевич, 1938 г.
Республика Коми, г. Ухта
Член Союза художников с 1971 г., лауреат премии ВЛКСМ (1972), лауреат премии правительства Республики Коми в области культуры и искусства (2007), заслуженный деятель искусств Международной Ассоциации «Искусство народов мира» (2010), почётный деятель искусств Республики Коми (2018), заслуженный работник Республики Коми (2023)
Времена года. 2021
Пластик, 30,5x42,5x14,6

Белолипецких Анастасия Игоревна, 1992 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 2020 г.
Зимнее море искрится
Шерсть, синтетика, хлопок, 75x81

Денисова Анастасия Владимировна, 1976 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 2015 г.
Реинкарнация. 2021
Хлопок, шерсть, шёлк, полиэстер,
металлизированный полиэстер, льняная нить,
металлизированная нить, ручное ткачество,
87x146

Неверов Анатолий Иосифович, 1951 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 2018 г.
Заслуженный работник РК (2001),
заслуженный художник РФ (2007),
народный художник РК (2011), почётный
член Российской академии художеств
(РАХ) (2019)
Игорь Тальков музыкант. 2019
Бронза, 52x20x14

Безумов Виктор Ананьевич, 1950 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 1984 г.
Портрет этнофутуриста Юрия Лисовского. 2022
Эпоксид, 54x28x19

Сурнина Евгения Андреевна, 1985 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 2023 г.,
народный мастер России (2022)

Пояс лиелвардский. 2022
Хлопок, ткачество на станке, 356x10

Томилова Ольга Павловна, 1971 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 2019 г.

Шкатулка круглая. 2022
Дерево, гуашь, лак; верхневычегодская
роспись, 5x12

Юрьева Анастасия Николаевна, 1989 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 2017 г.

Вазы 2 шт (белые). 2022
Фаянс, глазури, 38x23,30x28

Чичкарёв Артём Львович, 1979 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России с 2007 г.
Народный мастер России (2004),
лауреат премии «Душа России» (2022)

Сумка Рыбака. 2019
Береста, дерево, кожа, пластовая
береста, плетение, деревянные
гвоздики, 35x17x38

Павлова Татьяна Владимировна,
1962 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России
с 2005 г.

Композиция «Лесная заимка». 2022
Береста, ручная работа, 6 предметов,
максимальная высота предмета - 35 см

Кокорина Елена Валентиновна,
1963 г.
Республика Коми, г. Сыктывкар
Член Союза художников России
с 2015 г., народный мастер России
Шкатулка
Плетение, корень сосны, 27x33x29

**Николай Попов,
ПОЭТ И ВОИН
(1975–2023)**

Наталья
СТИКИНА

**Наталья Вениаминовна
Стикина, поэт.**

*Родилась в п. Кебангёль
Усть-Куломского рай-
она Республики Коми.
В настоящее время про-
живает в г. Усинске.
Автор пяти персональных
поэтических сборников.
Публиковалась в газетах
«Российский писатель»,
«Литературная Россия»,
журналах «Наш современ-
ник», «Северная Аврора»,
«Дети Ра», «Юность» и
ряде других российских и
международных периоди-
ческих изданий.
Член Союза писателей
России.*

«...Чтобы искрилось сердце, разум воспламеняя...»

Николай Николаевич Попов – имя, которое навсегда связано с историей Усинска. С его творческой, литературной историей.

Родился 18 сентября 1975 года в г. Усинске Республики Коми. Здесь же окончил школу. Основная литературная деятельность Николая началась с 1990 года, когда в газете «Усинская новь» (1995) появилась его первая поэтическая публикация. С этого времени Николай Попов активно работал в поэзии и прозе.

Коля всегда был человеком деятельным и увлекающимся. Когда в начале 2000-х в городе решили создать общественную организацию «Молодёжный конгресс» – он стоял у его истоков и сам был членом Совета. Примерно в это же время организовал и стал главным редактором молодёжного приложения к газете «Усинская новь» «Здрасте».

Сыграл восемь ролей в театре-студии «Дилижанс» Усинского дворца культуры. В качестве одного из солистов занимался концертной деятельностью в вокальной группе Союза ветеранов Афганистана, Чечни и локальных войн города Усинска «Боевое братство». Принимал участие в городских и республиканских православных мероприятиях – «Пасха Красная», «Сретенские встречи», «День славянской письменности».

Коля – издатель

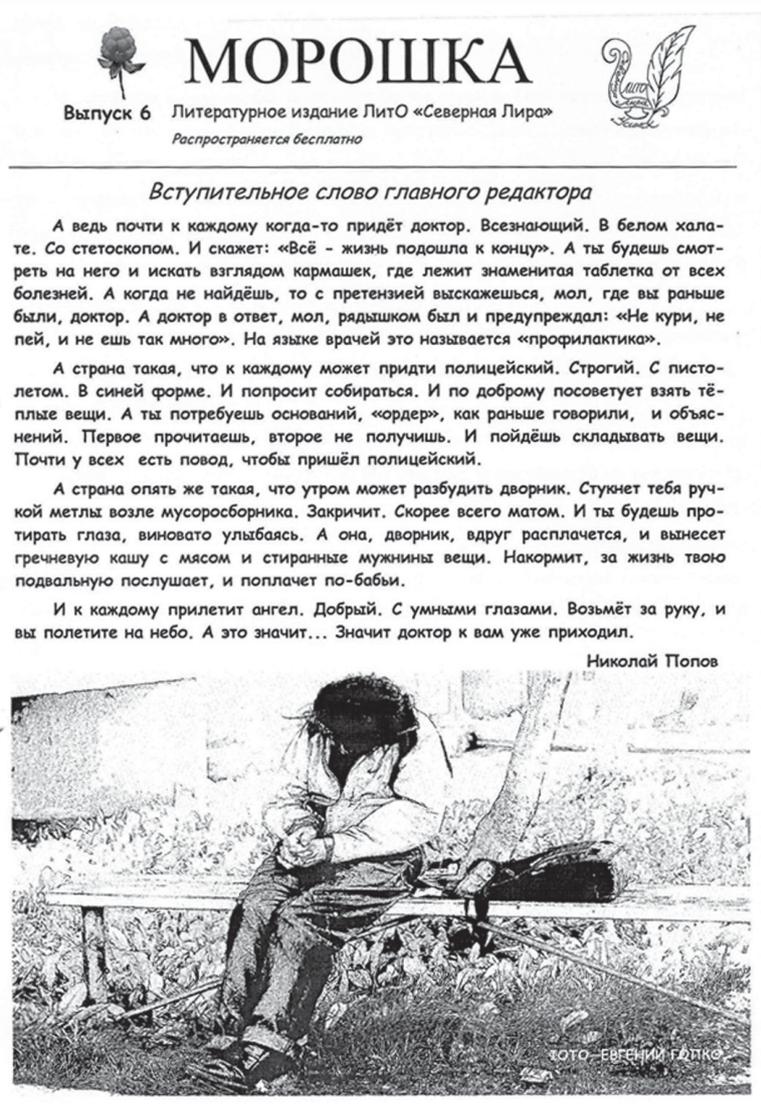
Если бы он не был писателем, то стал бы издателем. Коля всё время хотел что-то издавать. Не книги, так газету. В 2012 году вместе со своим другом, художником Евгением Гопко и в его же мастерской, на обычном принтере, был отпечатан первый номер литературной газеты «Морошка». Я, честно говоря, тогда не очень верила в эту затею. Но надо знать Колю, его упорность и дар убеждения. Газета пошла. Её ждали в городе и в сёлах. Распечатанная на обычной бумаге формата А4, она несла людям творчество земляков, и город стал понимать и принимать, что литераторы в городе есть и их произведения стоят того, чтобы читать.

Через несколько лет, в ноябре 2014 года, усинское Управление культуры вышло на наше ЛИТО с предложением перевести «Морошку» в газетный формат. В феврале 2015 года в свет вышел четырёхполосный пилотный номер

газеты, отпечатанный в Кировской типографии в количестве 300 экземпляров. Являясь главным редактором, Николай поставил несколько условий: никакой рекламы в газете, распространение только бесплатное, в редакции принимают участие члены ЛИТО, обязательное фото авторов.

Ох, сколько же было споров во время этих редакций! Например, мы с Колей вечно спорили по поводу количества и качества. Он говорил, что если стихотворение написано интересно, то не важно, есть ли в нём ошибки или нет. Я же говорила, что писать интересно – для поэта мало. Надо уважать читателя и учиться, хотя бы основам стихосложения. Чаше Николай мне уступал, но бывали моменты, когда я переспорить его не могла.

Ещё обязательным условием было вступительное слово главного редактора на первой полосе каждого номера. Ёмкие, короткие прозаические зарисовки, написанные односложными предложениями, всегда вызывали ответные чувства у читателей.

Помню, как Колю прямо распирало от удовольствия и гордости, когда в октябре 2015 года в сыктывкарском Центре культурных инициатив «Югор» с большим успехом состоялась презентация его газеты. Ещё бы! На тот момент, да и на последующие годы, «Морошка» являлась единственной газетой в Республике Коми, полностью посвящённой литературе.

Коля – актёр

На вопрос: «Коля, зачем тебе ещё и актёрствовать?» всегда отвечал: «Люблю сцену». Восемь ролей в театре-студии «Дилижанс» при Усинском дворце культуры, под руководством Натальи Мамонтовой.

Её слова о Коле: «Я помню, как, благодаря чему и кому мы познакомились в далёком 1998 году. Все эти 25 лет мы постоянно взаимодействовали: общались, дружили, горячо спорили, показывали друг другу свои стихи и рассказы, очень много, безумно много работали вместе.

Работать с тобой было невероятно, потому что ты был лёгким на подъём, поддерживал самые лихие идеи, казавшиеся на первый взгляд полной ерундой, и готов был репетировать до упаду. Последнее нас роднило – мы оба были фанатами творческого процесса...»

Коля и меня втянул в театр. В одной из пьес, «Деревья умирают стоя», сыграли с ним вместе. Поскольку для меня всё, что касалось театра, было в новинку, Коля подсказывал, помогал, показывал, ориентировал в процессе. И всё получилось. Три спектакля при полном аншлаге.

Николай – солдат, общественный деятель

В 1994 году, во время прохождения срочной службы в рядах российской армии, Николай Попов выполнял конституционный долг на территории Чеченской Республики. За то, что вывел своё отделение из окружения, награждён медалью «За отвагу». После вступил в «Усинское отделение союза ветеранов Афганистана, Чечни и локальных войн» и Коми республиканского отделения г. Усинска Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство». Занимался общественной работой по патриотическому воспитанию молодёжи, проводя «Уроки мужества» в школах города и района. Являясь ветераном боевых действий, он часто рассказывал на творческих мероприятиях, что такое быть солдатом, помогал детям понять, что значит любить Родину.

Он отправился в зону СВО добровольцем в начале октября 2022 года, где с доблестью и честью выполнял свой воинский долг.

Николай Кулябов, член правления ухтинского Совета «Союза ветеранов Афганской войны и событий в Чечне»:

«Службу Николай проходил в 1 батальоне, 2 роте, отдельной 61 бригаде морской пехоты. Он мог не идти, уже воевал в Чечне, награждён медалью «За Отвагу» – вывел отделение из окружения. Но он пошёл, так как не мог по-другому. Жил честно, писал стихи и книги, участвовал в общественной жизни Усинска и Республики Коми, занимался патриотическим воспитанием молодёжи. Был скромным, никогда не жаловался на жизнь.

Даже когда мы 2 раза к ребятам приезжали в роту на Херсонское направление с гуманитарной помощью, никогда ничего не просил, чтобы мы ему привезли. Говорил – всё хорошо, всё есть, это моё, и фашистов уничтожим...»

Коля – писатель

Если не писал, то читал. Если не читал, то писал. Всегда и везде. Когда вступил в литературное объединение «Северная Лира», говорил, что хорошо, когда не один.

В сентябре 2012 года шли с ним вместе на собрание членов ЛИТО, на котором должны были выбирать другого председателя, поскольку предыдущий – Галина Ивановна

Аникина – складывала с себя полномочия в связи с переездом в г. Сыктывкар. Тогда Коля сказал, что если вдруг выберут кого-то из нас, то нужно работать вместе: «Наташ, ты можешь это, это, и это. А я могу то, это и другое. Вместе мы горы свернём». Так и случилось. Николая выбрали председателем, а я стала его замом. Это было удивительное время работать вместе, в тандеме. До апреля 2021 года, пока мы не сложили свои полномочия, сколько же дел мы «наворотили!» Мероприятия, которые проводило наше ЛИТО, были городского, районного, республиканского и даже российского значения. Ездили в другие города, чтобы знакомиться с местными литераторами. Издавалась газета «Морошка». Появились традиционные творческие встречи. Литературные марафоны в Усинске и Сыктывкаре. Постоянное участие в городских мероприятиях «Пасха Красная», «Сретенские встречи», «День славянской письменности», «Нам этот мир завещано беречь». Участие в семинарах Республики Коми для молодых авторов (один раз Коля даже священнослужителя на такой семинар отправил, отца Арсения). Публикации в городских, республиканских, российских изданиях. Поэтические конкурсы, проводимые ЛИТО. Рабочие встречи и ещё много, много всего.

Коля всегда любил людей действия, терпеть не мог «людейоколодела». Если кто-то выступал с претензией на работу ЛИТО, говорил: «Вы сначала сами сделать попробуйте, потом и обсуждать будете». Получал огромное удовольствие от того, когда всё получалось. Очень гордился «своими писателями». Гордился Женей Аркушиной, когда она придумала и начала проводить «Сезоны любви». Гордился Ольгой Безденежных, когда учил её читать стихи на публику и у неё получалось. Гордился Дашей Филитовой и её литературными успехами. «Смотри, какое чудо мы вырастили. Читала её последний стих? Это вам не «кошка пахнет батареей». Гордился Женей Лясковской. «И что, что замгендира и депутат? Она пишет круто!»

Восхищался Оксаной Володиной, потому что певица, «которой просто необходимо писать прозу». И много кем ещё. Потому что умел находить подход к людям. Внимательный и проницательный, он всегда видел, как и с кем он может иметь дело.

Отдавая много времени «Северной Лире», Коля не забывал, что в первую очередь он писатель. Писал много с упоением. Стихи, рассказы, сказки, песни. Выпустил два персональных сборника «Зеркальная тень» и «Детство города». Планировал выпустить книгу сказок и музыкальный альбом со своими песнями.

А сколько же было счастья, когда в 2020 году его приняли в Союз писателей России!

Николай Попов:

«Добрый вечер, друзья! Меня до сих пор куражит. Сердце стучит, аж до боли. Меня приняли в Союз писателей России! Я помню эту дорогу. Я помню слова моего любимого писателя Петра Столповского – «Служи Её Величеству Литературе». Я и служу. И буду служить. Хочется, чтоб мой родной город был литературным. У нас так много сочленений в национальном, культурном и в просветительском плане, что грех не использовать это во благо. Во благо города, Республики Коми. Во благо нашей страны...»

Коля – наставник

Когда в «Северной Лире» появились рабочие встречи, то на них было принято обсуждать произведения участников ЛИТО. Добрые пожелания, горячие споры, отказы в правке, согласия на доработку – это малая толика того, что происходило на этих встречах. Обсуждали и Колины произведения. Правда, он их никогда не правил, ну, или очень редко. Говорил, что старое править без толку, но новые будет писать с учётом и исправлением

предыдущих ошибок. Так и было на самом деле. Молодые авторы, которые принимали участие в работе, исправляли всё почти беспрекословно, потому что Николай Николаевич – авторитет.

Но наставничеством в ЛИТО Коля не ограничивался. Очень часто школьники Усинска писали о нас – поэтах-писателях – исследовательские и творческие работы.

Из воспоминаний **Натальи Михайлюк**:

«Хочу вам рассказать про прекрасного человека. Ещё в школьные года я участвовала в исследовательской работе по литературе. И тема у меня была про Усинского поэта Попова Николая Николаевича. Я брала у него интервью. Он помогал мне красиво и грамотно написать работу. И вот день X. Николай Николаевич захотел присутствовать на моём выступлении с исследовательской работой. Он был со мной в классе как группа поддержки. Благодаря ему и его поддержке я заняла 2 место. Николай Николаевич очень добрый, отзывчивый человек...»

Коля – друг

О том, какой Коля друг, можно говорить бесконечно долго. Он умел быть другом не всем, но каждому. Учились друг у друга. Многому. И хорошему, и плохому. У каждого из нас, из его друзей, есть своя история.

Вот несколько таких воспоминаний, которые очень хорошо характеризуют Николая – как человека и как друга.

Василий Смирнов:

«Я с теплотой вспоминаю десятки и десятки часов наших разговоров именно о творчестве. Мы спорили, делились впечатлениями, да что скрывать – смеялись, в том числе и над своими строчками, но всегда это было откровенно. Ты не мог по-другому, ведь не может герой быть двуличным, герой всегда открыт и честен. Как всегда, был открыт и честен твой взгляд.

Возможно, нам всем не хватало рядом с собой героя, и ты создавал его из себя, чтобы заполнить эту пустоту. Создавал, зная, что герои на пенсию не уходят.

Я часто говорил: «Коля, ты опять придумал какую-то фигню!» На что ты отвечал: «Да, но если мы её сделаем – люди улыбнутся». И ты всегда оказывался прав. Ты, как никто другой, умел создавать атмосферу веселья и радости. Я знаю, тебе пришлось немало хапнуть всякого в жизни, и за твоей внешней простотой скрывался очень умный и пронзительный человек. Ты всегда видел дальше, видел глубже, чем мы все, и умел отделять действительно важные вещи от повседневной суеты. Поэтому рядом с тобой было спокойно, было просто и беззаботно. Ты научил меня шутить над самим собой, научил не бояться быть смешным...»

Станислав Новиков:

«Знакомство с ним не задалось.

Мы были под изрядным хмельком и говорили обо всём на свете. Не было тогда ещё ни СВО, ни санкций, ни Крыма. Мне очень нравился этот парень, пока он не принялся защищать гомиков. Я что-то рассвирепел с этого дела и очень сильно на него наехал. И, прям, очень сильно его задирал. И обидных слов ему отсыпал без меры. Утром, как полагается, чувствовал себя очень погано. Многократно, искренне и сильно извинялся, а он так просто и радостно меня многократно извинял. Так и заприятельствовали. Потом он публиковал какие-то мои маленькие зарисовки в своих усинских газетах. Хвалил мои тексты, и мне его похвалы были очень приятны. Я уже знал, что он ветеран и замечательнейший му-

жик. И как-то я спросил его:

– Коль, а чё ты тогда за гомиков-то заступился? Меня ведь так это задело... Я и завёлся.

– А ты, Стас, с такой злостью завёлся на них, что мне их жалко стало. Сам-то я их не больно-то жалую, но когда мне кого-то жалко, я его защищаю...»

Альбина Севанян:

«Совсем недавно мой ребёнок писал исследовательскую работу на тему «Кому на Руси жить хорошо». Взяв интервью у людей с особым делом, как и в самом произведении (священника, помещика, военного и т. д.). Одним из первых, кого она опросила, был Николай Попов. Мы задали ему пару вопросов: считаешь ли ты себя счастливым человеком; что для тебя счастье и в чём оно проявляется; счастлив ли ты, занимаясь своим делом, или ты находишь счастье в чём-то другом; расскажи небольшую жизненную историю (или о положении на данный момент), где проявляется твоё счастье.

На что он ответил:

«Счастье быть здоровым, и когда рядом есть инструменты для любимого занятия. В моём случае это богатое воображение, творческое восприятие окружающего мира, ручка и бумага. Сейчас чаще всего нужны лопата и топор и АК74М. Делай любое дело с самоотдачей, желанием и воодушевлением, и самая тяжёлая работа станет приносить удовольствие. Недавно строил землянку-блиндаж под дождём. Дотемна успели сделать подобие крыши. Постелил на землю пару досок, вскипятил кружку кофе, залез в спальный мешок и подумал: «Я здоров. У меня есть еда и импровизированная крыша над головой. Есть дело, которое я умею делать и которое надо делать в этой ситуации (имеется в виду служба в армии). Рядом близкие друзья. Дети взрослые. Жена дома. И уснул счастливым...»

В 2019 году, когда у Коли вышла вторая книга «Детство города», он написал в социальной сети «ВКонтакте» пост благодарности этому году, который закончил такими словами:

«Спасибо, Господи, тебе за талант. За созидующую силу. За людей, что рядом. За здоровье, которое не убивает алкоголь. За маму, что меня любит. Пусть она будет здорова. За мою любовь. За веру в себя. За веру в то, что я делаю. За друзей. За самых красивых и умных девчонок, что меня окружают. Прости, за высокомерие. За алкоголизм. За гордыню. Лет через «много» встретимся, и я объясню...»

«Много» не случилось. Случилось три с половиной года. 27 мая 2023 года Коля погиб в зоне СВО, на своей-чужой земле под Херсоном.

Есть ли жизнь после смерти? Однозначно да, пока жива память. А память о Николае Николаевиче Попове будет жить не одно поколение. Его жизнь и смерть будут обрастать легендами.

А сам Коля теперь навсегда будет стоять там, за чертой, и смотреть на всех нас со стороны вечности.

Николай
ПОПОВ

Николай Николаевич Попов родился 18 сентября 1975 года. Окончил школу в г. Усинске. Его творческая деятельность началась с 1990 года. Первая публикация появилась в газете «Усинская новь» (1995). С этого времени Николай Попов активно работал в поэзии и прозе. Заместитель председателя литературного объединения города Усинска «Северная лира». Главный редактор литературной газеты «Морошка». Автор книг прозы и стихотворений «Зеркальная тень», «Детство города». Публиковался в коллективных сборниках: «Я расскажу о самом сокровенном», «Город молодости нашей», «На алтарь Победы», «Северная Лира». В республиканских литературных альманахах: «Белый бор», «Переключка». В альманахе «Литературные знакомства» (г. Москва). Член Союза писателей России с 2020 г.

Белый кролик Льюис и гномушка Хельга

Рассказ

Белый кролик Льюис жил среди гномов. Он бы очень хотел жить среди людей, но сильно стеснялся своей внешности, когда перевоплощался в человека. У него получался эдакий плутоватый тип с хитрыми, далеко расположенными друг от друга глазами. А передние зубы Льюиса выступали далеко вперёд по отношению к нижним. В мире людей никто не относился к нему всерьёз. Мужчины снисходительно улыбались в усы. Женщины хихикали, а дети открыто смеялись.

Дело в том, что белый кролик Льюис был единственным, кто мог попасть в мир безвозвратно потерянных вещей – Амиттере. Его выбрал на эту работу сам Наблюдатель. Льюис хорошо помнил первую встречу с Ним. На одном из островов Новой Зеландии Льюис (тогда он ещё был просто маленьким кроликом без имени) с братьями и сёстрами пробрался в огород одной фермы. Они хорошенько поели, но тут вышел фермер с ружьём. Конечно же все кинулись врассыпную, а Льюис растерялся и прижался к забору. Вся его коротенькая жизнь пронеслась перед мысленным взором, пока человек поднимал оружие. В этот момент и вмешался Наблюдатель. Он выдернул белого кролика из мира людей. Для фермера это выглядело так, будто добыча просто растворилась в воздухе. Мужчина закрыл глаза и потряс головой. И, увидев, что ничего не изменилось, пообещал себе, что будет меньше прикладываться к бутылке. А Льюис в это время пролетал сквозь калейдоскопы миров, пока не оказался перед Наблюдателем.

– Твоё имя будет Льюис, – сказал Наблюдатель.

– Почему? – спросил белый кролик, совсем не удивляясь тому, что умеет разговаривать.

– В честь фермера, который тебя чуть не убил. Пусть твоё имя напоминает тебе о ценности жизни. Есть и ещё одна причина. Скоро в мире людей родится человек, которого назовут Льюисом. Он станет писателем. И будет одним из немногих, кто станет чувствовать другие миры. Он их, конечно, не увидит, людям это запрещено. Мной. Но будет чувствовать. И одним из героев его произведений станет белый кролик.

– Я Вас плохо понимаю, – растерялся Льюис.

– Тебе и не надо пока ничего понимать. Ты очень сообразительный кролик, именно поэтому я тебя выбрал. В данный момент надо только слушать и запоминать. Тебе придётся многому научиться.

С той поры Льюис стал жить в мире Наблюдателя. Это был удивительный и сложный мир. Много раз белый кролик мечтал сбежать в своё беззаботное детство, где была зелёная травка, тёплый бок мамы-крольчихи и весёлые игры с братьями и сёстрами. Много раз он хотел попросить своего наставника отпустить его. Но Наблюдатель, читающий мысли подопечного, только снисходительно улыбался и всё больше погружал Льюиса в свою жизнь и работу. Вскоре белый кролик оставил воспоминания и стал прилежным и увлечённым учеником. Перед ним открывались бесконечные миры. Он путешествовал по ним, а для этого научился перевоплощаться. В одно время он веселился с эльфами на празднике затемнения третьей луны. В другое – сражался с крикливыми ведьмами – повелительницами воды. Они задумали утопить целую планету. Тогда Льюис получил ценный урок. Он научился слушать. Если бы он выслушал тогда царицу крикливых ведьм, планета Атлантов существовала бы до сих пор. А её жителей не пришлось бы расселять на другие планеты. Но Льюиса на переговорах стал раздражать голос царицы, и он принялся ей угрожать. В итоге сорок тысяч ведьм с водомётами утопили красивейшую из планет.

От каждого мира Льюис брал лучшие качества. У гномов он учился трудолюбию. У единорогов – скромности. У эльфов – мудрости. У людей – вере в победу добра над злом. К тому времени, когда ему исполнилось четыреста пятьдесят лет, он знал о показанных ему Наблюдателем мирах практически всё. И умел в них жить, не привлекая к себе внимания. И тогда Наблюдатель показал ему Амиттере.

– Туда, Льюис, сможешь проникать только ты. Запомни это. Ни один из обитателей бесконечных миров не сможет выдержать хаоса этого мира. Они мгновенно сойдут с ума. Там собирается всё плохое и страшное. Все сожжённые рукописи. Ненаписанные картины. Несостоявшиеся убийства. Там плачут нерождённые дети и бродят призраки несбывшейся любви. Там всё, что потеряно и брошено. Там горы из невыплаченных долгов и моря невыплаканных слёз. Все сдержанные эмоции и ненаписанные мелодии создают в мире Амиттере невыносимую какофонию. Я бы не отправлял тебя туда, но иногда я слышу мольбы от обитателей бесконечных миров. Они просят меня вернуть что-нибудь из своего прошлого. И я буду отправлять их к тебе, белый кролик Льюис.

– Для этого Вы меня готовили столько лет? Но не проще ли Вам самому доставать из Амиттере те вещи, о которых Вас просят? – за много лет Льюис привык разговаривать со своим наставником просто и открыто, отчасти потому, что тот умел читать его мысли.

– В мире людей есть поговорка, что, мол, неисповедимы мои пути, – усмехнулся Наблюдатель. – Я мог бы ничего не объяснять, мой любимый ученик, но тебе немного объясню... В бесконечных мирах, за которыми я смотрю, существует гармония. Или стремление к гармонии. А в Амиттере этого нет. Там не существует правил. Этот мир создан с одной мыслью – ничто не уходит в никуда. А ещё у тебя есть миссия. Я не знаю, справишься ли ты с ней. Если справишься, то, значит, я в тебе не ошибся.

С той поры Льюис был в Амиттере четыре раза. Недолго, по мелочным делам, но каждый поход туда не проходил для него бесследно. У него появились рассеянно-задумчивый взгляд и многие-многие чудачества. Льюис завёл себе шляпу с атласным бантом, часы на цепочке и одежду наподобие той, в которой ходят гномы. Он прогуливался по окрестностям степенно и важно, но в любой момент мог подпрыгнуть на полметра над землёй и убежать в лес на четырёх лапах, как самый обыкновенный кролик. Через несколько часов Льюис возвращался весь грязный и пыльный и продолжал жить как ни в чём не бывало. Ещё он любил заходить в кроличьи загоны и кормить маленьких кроликов морковкой. В этот момент слёзы текли по его мордочке. По вечерам из дома, где жил Льюис, доносились звуки флейты. Кролик играл неумело, но единственная исполняемая им мелодия

лилась так печально, что соседи гномы привыкли к ней, как к колыбельной, и засыпали под эти звуки.

Амиттере уничтожающе влиял на белого кролика Льюиса. В потерянном мире терялся его разум. Он жил одиноко, стараясь ни с кем не разговаривать.

Гномушка Хельга, подслеповато щурясь, искала дом Льюиса. К несчастью, на улице никого не было, кто мог бы подсказать дорогу. Она дошла до самой окраины деревни и устало облокотилась о забор. Путешествие утомило старую гномушку, но ещё больше её томил неизвестность. Несколько дней назад Хельга обратилась к Наблюдателю со своей просьбой. Ночью ей приснились два эльфа. Она с ними разговаривала, но смысл беседы пропал из её памяти. К утру Хельга отчётливо помнила только одно: имя – белый кролик Льюис. Подумав, что терять ей в этом возрасте нечего, она отправилась его искать.

– Вы к кому? – вопрос прозвучал из-за забора, но гномушке показалось, что из-под земли.

– Я?! – Хельга растерялась и испугалась. – Я тут...

– Вы тут, – передразнил голос, – вот и уходите от моего «тут» до вашего «там».

– Я ищу белого кролика Льюиса, – осмелилась заговорить старая гномушка.

– Кролики живут в загоне, – ответил неумолимый голос. – Вы пришли шариться по чужим загонам?

Слёзы потекли по морщинистым щекам бедной Хельги. Она поняла, что проделала этот тяжёлый путь зря. Что это не Наблюдатель прислал ей сон с эльфами, а её надежда на Его помощь. Хельга с трудом отошла от забора и двинулась в обратном направлении. Но не успела сделать и десяти шагов, как перед ней появился белый кролик в жилетке и в цилиндре.

– Вы меня искали? – он учтиво взял руку гномушки и приложился к ней верхней губой. – Не угодно ли вам пройти в мой дом?

– Да. Я вас искала, – надежда вновь затеплилась в душе Хельги. – Но голос из-под земли сказал...

– Ох уж эти голоса... – Кролик аккуратно поддерживал гномушку и настойчиво вёл её в сторону своего дома. – Везде постоянно звучат голоса. Не к каждому из этих голосов стоит прислушиваться...

Он так плутовато косил глазами на соседние дома, что старая Хельга испугалась и стала упираться.

– А как вас зовут? Я не знаю, тот ли вы белый кролик...

– Зовут меня Льюис. Давайте я вам расскажу, что с вами произошло, – голос кролика стал звучать равнодушно и устало, – вы обратились с просьбой к Наблюдателю... Ночью приснились болотные эльфы... И вот вы здесь. Так зайдёте?

– Да! – решила гномушка и вошла в открытую Льюисом дверь.

Снаружи дом выглядел небольшим, но внутри оказался огромным. Если бы старая Хельга хоть раз посетила музей, то она сравнила бы внутреннее убранство комнаты именно с музеем. Стены были отделаны светло-зелёным мрамором. Шторы сотканы из лёгкого пуха одуванчиков. А потолок расписан, как приблизительная карта бесконечных миров. Сразу обращала на себя внимание голова боевого карликового слона. Его Льюис убил ударом копья, когда тот взбесился и бросился на трибуны во время представления. Копьё до сих пор торчало меж острых бивней как доказательство смелости и решительности белого кролика. На стене висел летательный плащ царицы крикливых ведьм, повязками которого она была задушена. По периметру комнаты висели картины. У каждой из них име-

лась своя история, но одна почему-то привлекла внимание Хельги. Издалека казалось, что на ней нарисован серый туман, но когда гномушка приблизилась и посмотрела на полотно, то оно ожило. На фоне здания школы стоял молоденький столетний гном. Некрасивый, с большими ушами и крупными веснушками на лице. Одет он был очень бедно, но его глаза сияли любовью, и улыбался гном так просто и открыто, что Хельга разрыдалась.

– Эта картина написана художником-призраком. – Льюис подошёл к гномушке и протянул ей стакан воды. – Он был самым талантливым художником во всех бесконечных мирах. Но в самом рассвете своего творчества он заболел и умер. И тогда Наблюдатель предложил ему остаться призраком на одной из планет по выбору художника. С условием, что тот напишет такую картину, где бы отражались самые сокровенные желания смотрящего на неё. Ваше сокровенное желание связано с этим мальчишкой-гномом?

– Да, – ответила старая Хельга, уже немного успокоившись.

– Тогда присаживайтесь, – Льюис пригласил гостью за стол, и когда она подошла, галантно пододвинул ей стул. – Пока вы тут осматривались, я сделал скромный ужин, чтобы вы подкрепились с дороги. А я с вашего позволения ненадолго покину вас.

Он зашёл в свою спальню. В отличие от монументально помпезной гостиной здесь всё было просто. Стены из ошкуренных брёвен. На окнах холщовые занавески. Деревянная кровать. Матрас и подушка были набиты засушенными травами. В воздухе витал запах ромашки и мяты. Кролик присел на табуретку и закрыл мордочку лапами. Сама мысль, что ему придётся снова идти в Амиттере, пугала его. Так он просидел несколько минут. Потом поднялся, встряхнул ушами и вышел к своей гостье. Та уже справилась с нехитрым ужином и сидела, нервно перебирая завязки своего чепчика.

– Вы подкрепились. Вот и славно. А теперь рассказывайте, – Льюис сел напротив неё.

– Я была молода, – со вздохом начала свой рассказ Хельга, – мои родители были бедны, и единственное, на что им хватило денег – это отдать меня в небольшое провинциальное училище, где обучали домоводству. По окончании все выпускники распределялись по домам в мире людей. Я была нерадивой ученицей. Вырвавшись из-под опеки родителей, я думала только о мальчишках и танцах. Тем более что я была красива. Сейчас и не скажешь, но я была очень красива. – Морщинистое лицо гномушки озарила горделивая улыбка. – Мальчишки-гномы ухаживали за мной. Дрались из-за меня. Но я слишком высоко ценила свою красоту и всем отказывала. Постепенно меня сочли гордячкой, и ухажёры отступили. Остался только один. Его звали Раккаут. Вы его видели на этой картине. Именно так он и выглядел...

Хельга снова начала всхлипывать.

– Ну-ну, – мягким голосом сказал белый кролик, стараясь пресечь её слёзы, – выпейте воды и рассказывайте. То, что вы говорите, очень интересно.

– Так вот, – продолжила рассказ гномушка, сделав глоток воды, – Раккаут был некрасив и так же, как и я, беден. Но все деньги, что присылали ему родители, он тратил на меня. Он водил меня на танцы и покупал конфеты. Кормил меня в трактире и угощал сладким лимонадом. Но самое главное – он меня смешил. Он так кривлялся и шутил, что я не могла сдержать смех. Чтобы вызвать мою улыбку, он был готов на самые безрассудные поступки. Он прыгал с сараев, делая опасные кувырки. И поднимался на самые высокие башни, декламируя оттуда смешные куплеты. Искальвая руки, жонглировал ежами. Однажды он подрался с домашними гусями, и, конечно же, был ими защипан до синяков. К тому же хозяйка гусей окатила его помоями. – Хельга уже улыбалась, вспоминая эту картину. – У него было сильное и гибкое тело – у моего Раккаута. И душа артиста. И, конечно, я полюбила его. Полюбила всем своим юным сердцем. Но я не показывала ему свою любовь. Я была

красива и горда. И вот наступил день признания. Нас поставили следить ночью за печкой в училище домоводства. Он был необыкновенно задумчив и серьёзен. Я подначивала его на обычные наши шуточные разговоры, но он только улыбался и молчал. Было видно, что он волнуется. И тогда он передал мне конверт. И попросил прочитать.

– Что в конверте, Раккаут? – спросила я его.

Он молчал, только покраснел так, что его крупные веснушки растеклись жёлтыми пятнами на лице.

– Нет, ты скажи словами, что в этом письме! – сказала я и топнула ножкой.

– Я не могу, – смущённо ответил мне он. – Я боюсь, что ты будешь смеяться.

– А разве смешить меня – это не то, чем ты занимаешься последний год, а, Раккаут? – засмеялась я.

– Это другое...

Бедный мальчик... Он весь вспотел, и ладони его дрожали, но я была бессердечна.

– Я требую, чтобы ты сказал, что написано в письме!

Раккаут молчал и смотрел в огонь печи.

– Ах, так! – я разозлилась и кинула конверт в огонь.

Его глаза наполнились слезами обиды. Ни слова не говоря, он вышел из комнаты.

Старая Хельга замолчала. Слёзы капали ей на фартук. Белый кролик, отодвинув одуванчиковые шторы, с грустью посмотрел в окно. На горизонте догорал закат.

– Что с вами было дальше? – провожая взглядом последние лучи солнца, спросил Льюис.

– Я думала, что он вернётся. Ждала его в месте наших свиданий... Потом искала... Но случилось всё по-другому... Он уехал с бродячим цирком. Я много плакала. Забросила учёбу. Жалела о своём поступке. Потом понемногу успокоилась. Закончила училище. Как нерадивую ученицу меня распределили в маленький хутор на западе Речи Посполитой. С такой хозяйкой, как я, хутор быстро разорился. Тогда меня поставили следить за коровником. К тому времени я повзрослела и стала тщательнее следить за хозяйством. Коровник стал приносить хороший доход. Я даже скопила целый горшок золота. Но в мире людей всегда происходят войны, и мой коровник сожгли. Я вернулась к себе, в мир гномов. Купила домик в лесу. Завела корову. Так и не смогла выйти замуж. Хотя мне не раз предлагали. Всё ещё любила своего Раккаута. Прожила всю свою жизнь одинокой. Только домашние ежи радуются мне. Я забочусь о них. Угощаю молоком и кормлю яблоками...

– А что же стало с ним? – перебил гномушку Льюис.

Хельга встала. Выпила воды и, медленно ступая, тоже подошла к окну. В доме напротив укладывались спать. Молодая мама гладила своих детей-близнецов и читала им сказку. Её муж погасил две свечи на подсвечнике, создав полумрак в уютной комнате. Он подошёл к своей жене и обнял её. Минуту они смотрели на заснувших детей и, продолжая обниматься, пошли к своей кровати. Последняя свеча погасла.

– Он погиб, – со вздохом ответила старая Хельга, – во время клоунского трюка, изображая гнома, не умеющего забраться на коня, он действительно сорвался и разбил себе голову об арену. Говорят, что зрители смеялись, когда выносили его бездыханное тело. Он смешил зрителей до последней минуты своей жизни.

– Это очень печальная история, мисс Хельга, – сказал Льюис. – Так что же вы хотите от меня?

– Я хочу знать, что было написано в том письме, – твёрдо ответила старая гномушка. – Прожив девятьсот восемьдесят два года, я чувствую, что скоро умру. Но перед смертью я хочу прочитать это письмо. Не было и дня, чтобы я не желала этого всем сердцем. Это возможно сделать?

– Возможно, – утвердительно ответил Льюис. – Сделаем так. Сегодня вы переночуете у меня, а завтра отправитесь домой. И будете ждать от меня вестей. Вы ведь уже соскучились по своим ежам. А они соскучились по вам.

Белый кролик Льюис стоял перед кроличьей норой. Это был вход в мир Амиттере. Никто в бесконечных мирах не смог бы в него попасть. Но Льюис произнёс заклинание и смело прыгнул в нору. Страшная какофония сразу обрушилась на него. Кролик засунул в уши затычки и направился к лесу сгоревших писем. И хоть лес был не так далеко, в своём путешествии ему предстояло пережить немало испытаний.

Сначала он попал на поляну лживых политиков и утопичных философов. Где каждый из ораторов, перебивающих друг друга, норовил схватить его за уши и увлечь своей теорией.

Ненарисованные картины создавали иллюзию ложной реальности и манили свернуть с правильной дороги. Пару раз кролик обманывался и наткнулся носом в полотно.

Уворачиваясь от несостоявшихся дуэльных выстрелов, он попадал в болота несбывшихся надежд.

Берега рек сдержанных слёз соединялись мостами несокрушимых убеждений. Мосты рушились под лапами кролика, превращаясь в прах. И сразу же восстанавливались, когда он спрыгивал с них.

Он заблудился и запутался в лианах женских обещаний. К счастью, они были некрепкими, и Льюис преодолел их со снисходительной улыбкой.

Наконец он добрался до леса сгоревших писем. Огромный дуб с листьями из непрочитанных писем стоял в самом центре. Льюис произнёс заклинание, и письмо возлюбленного гномушки Хельги упало к нему в лапу. Конверт был не запечатан, и белый кролик прочёл письмо. «Улыбнись, моя Хельгушка. Я готов сделать всё ради твоей красивой улыбки. Повернись ко мне. Всё, в чём я хочу признаться тебе, – скажу словами. Но смотри чуть ниже. Я стою на одном колене перед тобой». Льюис улыбнулся. Артистическая душа Раккаута требовала небольшого представления перед признанием в любви. А Хельга этого не поняла. И реки их жизней потекли в разные стороны. Улыбка сошла с мордочки белого кролика. Он положил письмо в карман жилетки и отправился в обратный путь.

Выбравшись из норы, белый кролик упал на землю и закрыл мордочку лапами. Видения Амиттере не покидали его, и он встряхивал головой, стараясь прогнать их. Эффект мира потерянных вещей был губителен для разума Льюиса. Наконец он немного пришёл в себя, произнёс заклинание и направился к Наблюдателю.

Представ перед Учителем, он поздоровался и замолчал, собираясь с мыслями.

– Никогда я не видел лучшего из своих учеников нерешительным, – произнёс Наблюдатель с доброй и мудрой улыбкой. – Разве это тот смелый белый кролик, который остановил стадо синих быков, когда они, спасаясь от пожара, неслись к обрыву? Тогда ты был мужественен и храбр. Мысли твои спутаны после похода в Амиттере, и я не могу их прочесть. Поэтому говори их словами. Как и подобает великому воину и путешественнику.

– Я хочу, чтоб жизнь Хельги и Раккаута изменилась в том времени, когда она сожгла письмо, – уверенно сказал Льюис. – Я хочу, чтоб она прочла письмо и они были вместе. Если Вы этого не сделаете, то я отказываюсь ходить в Амиттере. Я знаю Вашу силу и уверен, что судьбы двух влюблённых гномов можно изменить. Также я знаю Ваш гнев, но не боюсь его. Вы можете делать со мной, что хотите.

Белый кролик покорно опустил глаза. Сердце его усиленно билось. Никто из оби-

тателей бесконечных миров, во все времена, не разговаривал с Ним в таком тоне. Наблюдатель подошёл к Льюису и поднял его голову за подбородок.

– Вот теперь я узнаю своего любимого ученика. Всегда держи голову гордо, Льюис. Говори и смотри прямо и уверенно, когда считаешь, что правда на твоей стороне. Ты выполнил свою миссию, белый кролик. Ты спас любовь двух гномов. Ты свободен. Я не могу вернуть тебя в тот мир, о котором ты мечтаешь. Не могу сделать так, чтоб ты прожил короткую кроличью жизнь, пощипывая зелёную травку на острове в Новой Зеландии. Иначе многое изменится в тех мирах, где ты путешествовал и совершал подвиги. Но я предлагаю тебе на выбор любой из миров. Ты сможешь там жить спокойно, пока не захочешь снова вернуться к подвигам и приключениям. А так и будет. Не пройдёт и ста лет, как тебе наскучит покой.

– Значит, всё, для чего Вы меня готовили, это ради любви двух гномов?

– За те шестьсот лет, что ты знаешь меня, Льюис, ты так и не понял одну простую истину – не бывает мелочей, когда дело касается настоящей любви. Так какой же из миров ты выбираешь?

– Я выбираю мир гномов, – уверенно ответил белый кролик. – И пожалуйста, Учитель, познакомьте меня с тем писателем, о котором Вы говорили в нашу первую встречу. Мне есть что ему рассказать.

Хельга открыла конверт, достала письмо и, прочитав его, обернулась. Раккаут стоял на одном колене и держал в ладони тоненькое оловянное колечко. Он произносил слова любви, но Хельга не слышала их. Неожиданно она увидела будущее...

Вечер в тихом домике. Она читает сказку своему сыну. Тот засыпает от её голоса. Она поправляет ему одеяло, гладит по волосам. Подходит муж, обнимает её, и они вместе любят маленьким лопухим мальчиком со смешными веснушками.

Гномы солдаты – фонарщик Феликс и трубочист Джек

Рассказ

Джек и Феликс очень давно дружили. И, как это часто бывает у мальчиков-гномов, их дружба зародилась в ссоре. И, как бывает ещё чаще, ссора произошла из-за девочки.

Гномушка Эльза была очень красива. Если она выходила на улицу, то никто не мог оторвать от неё взгляда. Её тоненькое тело, казалось, парило над тротуаром, когда она шла на рынок за продуктами. Птицы щебетали тише при звуках её голоса. Самые крикливые торговки умилялись при её появлении и отпускали ей товар с привесом. В этой юной девочке, прежде всего, поражали глаза. Они были как два чистых голубых озера и бездонные, как мудрость. Наивные, как сама простота, они привлекали внимание всех соседей. И Эльза никогда не возвращалась домой без маленьких подарков. Дело в том, что семья юной гномушки была бедна. Да что там... Они были совсем нищие.

Отец очень рано пристрастился к элю и оставлял в кабаке все деньги, которые зарабатывал нелёгким трудом грузчика в порту. Мама стирала вещи соседям, но с каждым годом ей было всё тяжелее обеспечивать семью из трёх человек. Спина невыносимо болела. Руки, застиранные до белизны, уже не слушались её. Эльза порывалась помочь маме, но та не позволяла. Она не хотела для дочери такой участи. Вместо этого она учила Эльзу петь и танцевать. Благо, среди соседей жили гномы, которые давали красивой гномушке уроки бесплатно. И спустя время учитель танцев и учитель вокала в один голос сказали, что из Эльзы выйдет очень хорошая актриса.

Феликс увидел Эльзу, когда та выносила помой. Несмотря на то, что она стояла с грязным ведром в руках, Феликс влюбился с первого взгляда. Он восхищался грацией, с которой юная девочка плещет отходы на мостовую. И... заплакал. Эльза удивлённо посмотрела на него и поинтересовалась причиной его слёз.

– Вы..! Ты..! – промямлил Феликс и в слезах убежал.

С тех пор он стал вечной тенью юной гномушки. Он сопровождал её на репетиции и поначалу боялся даже подходить. Но чуткость и доброта Эльзы сделали своё дело, и они подружились.

Сорванец Джек первый раз увидел Эльзу, когда прогуливал уроки. Но сначала он услышал песню. Дело в том, что юная гномушка, желая помочь своей бедной маме, пела возле ратуши за подавание. Дерзкое сердце Джека покорило голос красавицы-певицы, и после её выступления парень подошёл к ней.

– Ты ничего себе так поёшь, – скрывая смущение за бравадой, сказал он, – с чувством.

– Спасибо, – ответила Эльза.

– Мне нечего тебе дать за твоё выступление... Возьми вот это... – он протянул ей яблоко, украденное с прилавка торговли фруктами.

– Я благодарю Вас, – вежливо ответила юная певица, – но я заработала сегодня на ужин для себя и своей мамы, так что я, пожалуй, откажусь от подарка.

– Я же от всей души! – возмутился Джек.

Эльза покачала головой в знак отказа.

– Ах, так! – и Джек запустил яблоком в стену. На самом деле он хотел бросить яблоко в гномушку, но сдержал свой вспыльчивый характер.

Эльза растерялась и испугалась.

– Извините, я не хотела Вас обидеть, – произнесла она, с любопытством разглядывая мальчика, с которым непонятно что творилось.

– Да ладно, что там... – смущённо ответил Джек, – ты это... Если кто тебя здесь обидит, скажи мне... От ратуши до больницы все знают Джека, сына трубочиста. Знают и боятся, – он вдруг покраснел от своего хвастовства, что с ним случалось редко.

– Кто меня здесь обидит? – улыбнулась Эльза, – мне кажется, что все меня любят.

– Ну, мало ли... – пробурчал Джек.

За этим разговором они и дошли до дома, где жила Эльза.

С тех пор у юной гномушки появились два рыцаря. Так получилось, что первые недели знакомства они не пересекались друг с другом, а девочка была слишком тактична, чтобы им рассказывать друг о друге. Но их встреча оказалась неизбежной. И случилось это так...

Феликс помог Эльзе прибраться в комнате и вызвался проводить её на занятия танцами. Он написал для неё новые стихи и по пути читал их, как всегда, сбиваясь от смущения. Гномушке было приятно, что стихи посвящены ей, но врождённое чувство прекрасного говорило ей, что произведения, написанные Феликсом, далеки от совершенства. Поэтому она только вежливо кивала в такт его строчкам. Феликс тоже чувствовал, что стихотворения неудачны и смущался ещё больше. И вдруг перед ними появился Джек. Он вышел из-под арки и преградил им дорогу.

– Мне сказали, что кто-то пристаёт к тебе, Эльза... – он подошёл к Феликсу и резко толкнул того в плечо.

И тут произошло странное. Прежде всего, для самого Феликса. Он всегда считал себя слабым и нерешительным, но при виде соперника разозлился и с силой ударил того кулаком в грудь. Мальчики немедленно сцепились и повалились на мостовую. Неизвестно, чем бы закончилась драка, но вдруг они услышали визг Эльзы. Ребята немедленно поднялись и уставились на свою возлюбленную. Та прекратила визжать и сказала:

– Убирайтесь отсюда оба!

– Эльза, но я же не дочитал тебе свои стихи, – попытался остаться с ней Феликс.

Гномушка только властно указала им путь в противоположную сторону улицы и направилась на урок. Мальчики смотрели ей в след.

– Ну что, увалень... Вечером у причала за камнями, – назначил встречу Джек. – Или струсил?

Феликс со злостью посмотрел на соперника и кивнул, соглашаясь встретиться.

На следующий день они появились в своих школах с синяками и разбитыми кулаками, но после этой драки неожиданно подружились. И ухаживали за Эльзой вместе.

Шли годы. Юные гномы повзрослели. У Эльзы умер отец, а за ним тихо угасла мама. Родственники по знакомству устроили молодую талантливую гномушку на работу в мир людей. К одной третьесортной актрисе. И как только Эльза обосновалась в гримёрной своей подопечной, карьера той пошла в гору. Никто не знал, чего стоил гномушке этот успех. Она проживала каждое мгновение её ролей. Плакала и смеялась вместе с ней. Смеялась и плакала. И создавала в её игре паузы. Ох, эти паузы... Актриса, надеясь на свою красоту и очарование, очень быстро выдавала текст. А гномушка разделяла её речь на мини абзацы, создавая интригу и вкусность текста. Бездарная актриса и талантливая гномушка нашли друг друга. Со временем Эльзе стали предлагать более ответственные проекты, но она не рассталась со своей актрисой. И сделала её примой театра.

А Феликс и Джек ушли на войну. В мир людей. Конечно, они ушли воевать, потому что в их семьях царил нищета. Сын трубочиста и сын фонарщика не заполнили бы и дно своих горшков золотом, работая по стезе своих родителей. Поэтому они приняли образы людей и стали воевать рядом с ними. И против них. Джека и Феликса это очень раздражало, поэтому они старались не убивать... Но война есть война... Поэтому разведчик Феликс и артиллерист Джек накрутили себе на совесть многие и многие смерти людей. И не вспоминали больше об этом, когда вернулись в свои дома в мире гномов. Не вспоминали даже тогда, когда стали жить вдвоём, сдавая квартиру Джека. Не рассказывали свои военные похождения друг другу. Ходили на работу. Трубочист ловко лазал по крышам. Пробивал засоры гирькой и прочищал их ёршиком. А менее занятый Феликс зажигал своей волшебной спичкой, доставшейся ему от отца, газовые фонари и писал стихи. Конечно же, ей – Эльзе. О девушке они тоже не разговаривали. Любили свою гномушку и не женились, потому что любили.

Феликс устало шёл домой. Сочинял стихи. Дело не шло. Образы складывались вокруг рифмы «свет-поэт», а он помнил, что уже много раз срифмовал эти слова. Ему не хватало Эльзы. За четыре сотни лет, которые они не виделись, он уже позабыл её и заново придумал. Новый образ был более возвышен. Она представлялась ему в чёрном бархатном платье. На сцене, читающей его стихи. Она блистала. Её слог переходил в вокал, а вокал в танец. И она замирала в воздухе во время своих па и пируэтов. И говорила: «Я люблю тебя, Феликс». И всё. С той поры они были вместе. Фонарщик Феликс заплакал. И вместе со слезами ему пришли настоящие стихи. Стихи, рождённые болью и любовью, отпечатались в его голове. Он остановился возле газового фонаря и написал первый катрен стихотворения на одной из граней его пыльной поверхности.

«Я давно так в тебя влюблён...

Нет. Я лгу... Не влюблён.

Не давно...

В твоё сердце, как в сказочный сон

Я смотрю,

Как в мечту,

Как в окно».

Дальше пошло легче. Вторая грань приняла слова:

«И не будет у нас встреч...

Ярких будней нам не познать,

Но я буду тебя беречь,

И желать тебя,

Целовать».

Феликс заплакал. Слёзы текли по его усам, и губы стали горько-солёными. Он жалел себя. Вспоминал свою встречу с Эльзой. И не желал этой встречи. Он хотел простоты. И чтобы без поэзии. Он мечтал полюбить простую гномушку. Красивую и весёлую. Она бы родила ему детей. Может быть, даже троих. И обязательно двойняшек. И чтоб старший сын, которого назвали бы в честь друга Джеком, защищал младших сестру и брата от всех житейских напастей. Но в его жизни случилась Эльза. Как приговор. И на третьей грани фонаря он продолжил своё стихотворение:

«Закружился вокруг нас мир...

Я в твореньях твоих живу.

Называю твоё – своим...

Не спешу к тебе...

Просто жду».

Он вспомнил, как тайно ходил на все премьеры Эльзы в мире людей. Он знал, что её подпечная бесталанна, и то, что она выдаёт зрителю – заслуга его возлюбленной. Он снова заплакал от безысходности, и четвёртая грань фонаря покрылась гномьей вязью:

«Нас знакомил апрельский день,
Повенчал ярким всполохом май.
Я люблю твою тёмную тень...
Ты поток моих слов встречай».

Грани фонаря закончились, а стихотворение требовало окончания. И фонарщик Феликс взмахнул своей волшебной спичкой, расширяя пространство межзвездия. Последний катрен сложили звёзды:

«Я давно так в тебя влюблён,
Может, лгу...
Только в пальцах твоих
Оживает мой ветреный сон,
И рождается сказочный стих».

В это мгновение он понял, что первый раз написал что-то стоящее. Первое своё настоящее стихотворение. Феликс поспешил домой, чтобы поделиться открытием с единственным другом – Джеком.

– Она написала нам, – сказал Джек.

– Кто она? – спросил Феликс, хотя сразу понял, о ком речь.

– Ты слишком глуп для поэта. Она – это та, про которую мы не разговариваем уже много-много лет. Она – это Эльза. Письмо на столе.

Феликс раскрыл письмо. В нём была всего одна фраза:

«Я в Санкт-Петербурге, и мне грозит опасность».

– Что это может означать? – спросил Феликс.

– Я прочитал ровно столько же, сколько и ты, – огрызнулся Джек и направился к своему солдатскому сундуку, – надо ехать в этот Санкт-Петербург. Сколько у тебя монет?

– Немного. – Феликс, хоть и знал друга давно, всегда слегка терялся от его напора и решительности.

– Бери всё что есть. А я срочно продам квартиру. Кажется, ты говорил, что квартиранты готовы её выкупить. И заберём жалованье у муниципалитета. Все деньги, что заработали. Думаю, на поездку нам хватит.

– Мэр нас уволит, Джек, – сказал Феликс. – Кто будет зажигать фонари и чистить трубы?

Джек достал деньги из сундука и подошёл к другу.

– Любовь – это тебе не стишки писать. Любовь – это значит любить. И если наша Эльза написала нам, значит, она в настоящей опасности. Если ты не пойдёшь, то я пойду один.

– Конечно же, я пойду с тобой, Джек, – всё ещё сомневаясь, сказал Феликс.

– Будем переходить между мирами по бесплатному portalу, – вслух размышлял трубочист, – сэкономим деньги. Конечно, так мы не сможем выбрать себе внешность, но с лица воду не пить.

Санкт-Петербург встретил гномов морозящим дождём. Солдатский навык легко ориентироваться в незнакомом месте привёл друзей сначала в центр города, а потом и к театру. Давали премьеру, и перед зданием было много людей.

– Пойдём через дымоход, – принял решение Джек.

– И предстанем перед Эльзой чумазами, – засомневался Феликс.

– Значит, каждый пойдёт своим путём, – сказал трубочист и ловко запрыгнул на пожарную лестницу театра.

Фонарщик достал свою волшебную спичку и, взмахнув ею, погрузил театр во тьму. Растерянные зрители забегали, натываясь друг на друга, и в этой суматохе Феликс проскользнул внутрь. И снова зажгёт свет.

С Джеком они встретились возле гримёрки подопечной Эльзы. Постояли в нерешительности, переглянулись, и Джек нажал на ручку двери. В гримёрке раздался дикий визг. В гномов полетели склянки с гримом. Актриса была не одета. Друзья ретировались за дверь. Феликс, пунцовый от смущения, побежал по коридору. За ним, вытирая пот вперемежку с сажой, поспешил Джек. И тут они услышали смех Эльзы. О, этот смех они бы не перепутали ни с каким другим. Словно сотня эльфийских колокольчиков зазвенела в унисон.

– Мои гномы! – гномушка раскрыла объятия и обняла друзей. – Нельзя же так врываться в гримёрку актрисы, – она снова засмеялась.

– Эльза! – одновременно выдохнули имя любимой гномы.

Постаревшая Эльза по-прежнему была изящна и красива. Голубые глаза в обрамлении морщинок сияли приветливостью и некой сдержанной тревогой. Правда, от всех её жестов веяло наигранной театральностью и помпезностью. Джек заметил это, а Феликс предпочёл не замечать. Они любили её каждый по-своему так же, как несколько сотен лет назад.

– Мы пришли помочь тебе, Эльза, – заговорил Джек, – ты звала нас.

Черты лица гномушки обострились горем, злобой и печалью. И снова правдолюб Джек почувствовал наигрыш в поведении любимой.

– Здесь не время и не место обсуждать мою беду, – сказала Эльза, – скоро премьера спектакля. Встретимся на улице Гороховой через три часа. Там есть один тихий ресторан. Там и поговорим.

Она вскинула свою гордую голову и, улыбнувшись гномам, пошла по коридору к гримёрке своей подопечной.

– Нет, ты видел эту фифу, Джек? – негодуя заговорил Феликс. – Она и не сомневалась, что мы примчимся к ней сквозь бесконечность миров, в которых нам не раз грозила опасность. Ей, видать, ни разу не приходилось перемещаться через бесплатные порталы.

Трубочист молчал.

– Так она и здесь нами командует, – продолжил свою возмущённую речь фонарщик, – как будто мы никто. Развлекалась среди театральной богемы, пока мы воевали и работали, а когда припекло, так и вспомнила про Феликса и Джека. «Мои гномы», – сказала она. За все эти годы про нас и не вспомнила.

– А разве не об этой встрече мы втайне друг от друга мечтали, Феликс? – прервал своё молчание Джек. – Разве не говорил ты в своих стихах про служение ей? Своей Эльзе? Разве ты не слышал, как я ворочаюсь по ночам, беззвучно произнося её имя? А теперь что ты предлагаешь? Отступить? Оставить её в трудную минуту?

– Так мы даже не знаем сути дела.

– Не знаем, так узнаем. Через три часа. Я знаю только одно. То, что ты кривляешься, как впечатлительная гномушка, солдат Феликс. Потуши-ка лучше свет в театре. Не хочется мне снова лезть через дымоход.

Феликс недовольно взмахнул волшебной спичкой, и здание театра вновь погрузилось во тьму.

Официант в трактире недовольно посмотрел на плохо одетых гостей. Он предпочитал мужчин в костюмах, лакированных туфлях, с часами на цепочке. Тогда можно было

рассчитывать на хороший заказ и на не менее хорошие чаевые. Эти же гости явно принадлежали к категории ремесленников. К тому же один из них был испачкан сажей. Официант поправил свои прилизанные волосы, натянул дежурную улыбку и подошёл к столику.

– Чего изволят господа? – спросил он, подавая меню Джеку.

– Господа изволят поесть, – ответил трубочист, передавая меню Феликсу. Сам он плохо умел читать, тем более на русском языке.

– Что порекомендуете, любезный? – спросил фонарщик и, как ему показалось, небрежно откинулся в кресле.

– Из рыбы рекомендую запечённого зеркального карпа. Повар приготовил его на оливковом масле, кое нам поставляют прямо с Сицилии. Гарнир по вашему вкусу и выбору. Салаты в ассортименте. Также советую молодое светлое армянское вино. Оно оттенит вкус блюда.

– А из мяса? – спросил Джек, так как его товарищ молчал.

– Из мяса рекомендую седло молодого барашка, маринованного в сухом красном вине, – официант намеренно рекомендовал самые дорогие блюда. – Но, если господам сии яства излишне дороги, то у нас найдутся и более простые блюда, – он сменил приветливую улыбку на снисходительную усмешку.

– Несите и то, и другое, – запальчиво проговорил Феликс. – К нам придёт гостья и делает свой заказ.

Официант с поклоном удалился.

– Ты не слишком разошёлся, поэт? – спросил трубочист. – У нас не так много денег, чтобы шиковать. Миска бобов с куском свинины да с кружкой пива меня бы устроила.

– А Эльза? Она, небось, привыкла к изящным блюдам, – парировал своего друга фонарщик.

– Мне кажется, она бы поняла.

– Ты ничего не понимаешь в таких женщинах, как Эльза. Им чуждо всё тривиальное. Еда должна быть дорогой и утончённо вкусной. Наряды – гармоничными и шикарными. Если мне представится случай сделать ей предложение, то я не подарю оловянное колечко. Я подарю ей золотое кольцо высшей пробы с бриллиантами.

– И где же ты такое возьмёшь, фонарщик Феликс? – усмехнулся Джек.

– Оно у меня уже есть, – он полез во внутренний карман камзола и достал кольцо.

Даже в полумраке ресторана грани бриллиантов ловили приглушённый свет и блистали.

– Я добыл его, когда служил в разведке. Попросту украл.

Джек молчал. Мародёрство на войне не было для него чем-то необычным. Он и сам грешил этим по мелочи. Но сейчас трубочист думал о другом...

– Мы по-разному видим любовь, мой друг, – задумчиво заговорил он. – Для тебя это чувство складывается в фанфаронских жестах и приторно-ванильных речах. Ты, видимо, уже представляешь светлый домик с зелёной крышей и цветами на подоконнике. Эльза подыгрывает себе на фортепиано и поёт. А ты по окончании её песни подходишь, целуешь тонкие пальчики и...

– Как будто ты об этом не мечтаешь! – с жаром перебил друга Феликс.

– Мечтаю, – согласился Джек, – ещё как мечтаю. Но для меня любовь – это быть вместе. Всегда. Пережить и холод, и голод вместе. Делить радости и триумфы вместе. Я – трубочист. Все мои деды и прадеды были трубочистами. Мы лазаем по крышам и чистим трубы. Такое наше дело. Мы испачканы сажей и пылью. Мы встаём из-за стола голодными. Но когда из печных труб моих клиентов идёт дым, то я ощущаю радость. Счастье от хорошо вы-

полненной работы. И я иду по городу с гордо поднятой головой. Пусть мои руки черны, но никто не брезгует пожать их и сказать «спасибо». Потому что в домах моих соседей чистый воздух и тепло. И это моя заслуга. Моя. Джека-трубочиста. И когда ты говоришь о кольцах, изысканной кухне и нарядах, то я точно знаю, что не смогу их дать моей Эльзе. Она полюбит меня либо таким, какой я есть, либо не полюбит вовсе.

Джек замолчал. Вспыльчивый и решительный, он научился сдерживаться, а с годами стал молчаливым и задумчивым, предпочитая слова поступкам.

– Моя бедная мама умерла, не увидев внуков, – продолжил Джек. – Она знала о моей любви к Эльзе и сказала на смертном одре, что если из всех гномушек в бесконечных мирах ты предпочитаешь гномушку-актрису, то люби её и отдай своей любви всё, что имеешь. Но не потеряй себя и никогда не пожалей о своём чувстве.

Феликс молча, но с усмешкой слушал исповедь друга. Ему было что сказать. Но он молчал. В их соперничестве за сердце Эльзы он уже чувствовал себя победителем.

Между тем принесли еду. Друзья постелили салфетки на колени и принялись есть. Феликс ел небрежно, словно нехотя, а Джек тщательно пережёвывал пищу, не пропуская ни одной крошки.

Эльза появилась, опоздав на час. Она встала в обрамлённом бархатными шторами проёме двери, как на сцене. Когда глаза привыкли к полумраку зала ресторана, она увидела своих старых ухажёров и лёгкой походкой направилась к их столику.

– Мои гномы! – повторила она фразу, произнесённую в театре.

Друзья встали и поприветствовали её кивком головы. Официант появился мгновенно. Его искренняя приветливая улыбка существенно разнилась с деревянно-дежурным оскалом, с которым он встречал гномов. Эльза была здесь любимым гостем.

– Павел, мне, как всегда, – сказала она, слегка прикоснувшись к руке официанта.

Тот кивнул и быстро удалился. Эльза деланно-рассеянно разглядывала неузнаваемые в людском облики лица гномов.

– Я рада вас видеть, – делая ударения на словах «я» и «рада», произнесла она. – Извините, что позвала вас только в трудный для меня момент жизни, но мне больше не к кому обратиться.

– Мы здесь, Эльза, – сказал Феликс, – и мы счастливы служить тебе. Мы исполним всё, что ты пожелаешь.

– Я ценю это, мой поэт, – через паузу сказала Эльза, поблагодарив фонарщика кивком головы, – ты написал хорошее стихотворение на пыльных гранях фонаря. А последний катрен мне донёс мерцающий свет звёзд. Это так романтично. Как там у тебя?.. «Но я буду тебя беречь, и желать тебя целовать». Просто и изящно. Спасибо тебе за эти строки.

– Я люблю тебя! – с горячностью произнёс Феликс.

Эльза кивнула глазами, давая понять, что услышала признание.

– А ты, мой решительный Джек, что же ты молчишь? Помнится, несколько сотен лет назад ты был более инициативен и смел. Любишь ли ты меня? Готов ли исполнить любое желание гномушки Эльзы?

– Люблю, – сказал трубочист. Его признание было произнесено просто, без экспрессии, с которой его произнёс Феликс.

Принесли заказ Эльзы. Он составлял десяток устриц и бокал белого вина. Гномушка снова поблагодарила официанта, прикоснувшись к его плечу. Феликс с ревностью сопроводил этот жест взглядом.

– Так что же произошло с тобой, Джек? Где твоя уверенность в делах и речах? – ловко раскрывая устрицы, спросила Эльза.

– Это война, моя возлюбленная, – ответил за трубочиста фонарщик. – С тех пор, как он пришёл с поля битвы, я и сам его не узнал.

– Ах, да! Вы же воевали в мире людей! – притворно воскликнула актриса, что не ускользнуло от внимательного взгляда Джека. – Так, значит, вам не привыкать убивать?

– Убивать? – переспросил трубочист. – Это очень серьёзное слово.

– Именно убивать, – подтвердила Эльза, – вернее, надо убить одного фавна. Он это заслужил. Ты готов за меня убить, Джек?

– Я этого не обещал.

– Значит, я буду говорить с тем, кто дал мне обещание исполнить всё, что я пожелаю, – она повернула голову к Феликсу, – хотя мне показалось, что ты говорил за вас обоих.

– Я исполню то, что я обещал, – фонарщик встал и опустил на одно колено в знак смирения.

– Я вижу настоящего гнома-мужчину. – Эльза провела кистью руки по волосам влюблённого поэта. – Я всегда чувствовала, что за вычурной дерзостью гнома Джека прячется самый обыкновенный трус.

– Я не трус, – спокойно ответил Джек, – но и не убийца. Я готов выслушать тебя, Эльза. И если этот фавн заслуживает смерти, то он умрёт.

– Заслуживает! – лицо гномушки скривила гримаса ненависти. – Когда ты услышишь мою историю, то сам захочешь разможжить его рогатую голову своей гирькой.

– Мы слушаем тебя, Эльза, – сказал Джек.

– Фавн, его зовут Жан, артист-вдохновитель одной молоденькой бездарной польской актрисы по имени Люция. Он привёл её в наш театр, и она с его подачи закрутила роман с одним режиссёром, потом с другим, а позже и с главным режиссёром театра. Мою подопечную начали снимать с главных ролей. Стали давать вторые роли. А потом и вовсе оставили на замене. Тогда я пошла к фавну с надеждой договориться. Мы встретились в этом ресторане. Я говорила о будущем театра, о святости сцены, а он только рассмеялся мне в лицо.

– Это не повод его убивать, – разумно произнёс Джек.

– А это ещё не всё, – продолжила Эльза. – Он начал склонять меня к близости и, получив отказ, стал действовать более решительно и цинично. Я застала его, когда он подсыпал в грим моей актрисы какой-то порошок, от которого она покрылась волдырями. Он подпил ей каблук, после чего она упала на сцене и подвернула ногу. И после каждого своего злодеяния он предлагал мне быть с ним. Жан говорил: «Будь со мной, иначе я плесну в лицо твоей подопечной кислотой. И никто не узнает в мире людей, что это сделал я. Ведь мы – и фавны, и гномы-вдохновители – не существуем. Мы только вдохновляем актёров на роли».

Я пробовала говорить с ним. Плакала, умоляла, но он был непреклонен. И наконец, – Эльза заплакала. Слезы текли по её щекам. Она заломила ладони в беспомощном и неестественном жесте, – он ворвался ко мне в квартиру и, пробив кожу на моей груди ножом, стал помогать мне. Я до сих пор чувствую, как лезвие трогает мои рёбра. А потом...

Губы Эльзы дрожали от ненависти и отчаянья. Лицо потеряло своё очарование и стало некрасивым.

– Джек, он заслуживает смерти! – воскликнул Феликс, решительно сжав свою волшебную спичку.

– Да, – согласился трубочист, – если это правда.

– Ты не веришь мне, Джек?! – вскричала гномушка. – Тогда поверь этому! – она оголила свою грудь. Рядом с сердцем был виден едва заживший шрам.

Джек сжал кулаки.

– Где нам его найти? – не разжимая зубов, спросил он.

– Сегодня в четыре утра мы встречаемся с ним в Царскосельском. Я хочу, чтоб вы меня туда сопроводили и убили его.

– Мы сделаем это, Эльза, – всё так же сжимая волшебную спичку, пообещал Феликс.

Они пришли на небольшую пустошь среди леса на пятнадцать минут раньше назначенного срока. Полнолуние окрасило верхушки сосен иссиня-белым цветом. Стояла тишина. Казалось, что среди этого безмолвия невозможны злодейства. Невозможны убийства. Хотелось просто слушать эту тишину. Джеку вспомнились первые послевоенные годы. Он так же уходил в лес, ложился на перину изо мха и смотрел в небо. И ему становилось хорошо. словно не было в его прошлой жизни грохота орудий, разрывов снарядов и криков раненых. Но сегодня у него другая задача. Он должен убить фавна, вопреки всем обещаниям, что он себе давал. Он обещал себе никогда никого не лишать жизни.

Осмотрев местность, они расположились так, чтобы свет луны был у них сзади, и стали ждать. Феликс держал наготове спичку, а Джек вооружился ёршиком для чистки труб и намотал на кулак цепь гирьки. Только Эльза была безоружна. Она стояла, и в её красивых чертах лица светилось чувство торжества и возмездия.

Фавн явился в своём естественном виде. Его могучий волосатый торс держали не менее крепкие кривые ноги с широкими копытами. На непропорционально длинных руках были видны тонкие пальцы пианиста с ухоженными ногтями. Морщинистое лицо украшал серый пятачок. И всю его несуразную внешность дополняли закрученные рога перламутрового цвета с позолоченными кончиками.

– Это он! Он! Убейте его! – закричала Эльза. – Это он со мной сделал. Убейте!

– Что сделал? – испуганно попятился от троицы гномов в людском облики Жан. – Эльза, я...

– Убейте! – крик Эльзы достиг истерики. – Убейте!

Волшебная спичка Феликса вспыхнула огнём. Он замахнулся в сторону фавна. В тот же миг Джек выбил оружие из руки друга, ударив его ёршиком.

– Подожди, – спокойно сказал трубочист, – пусть говорит. У него есть на это право.

– Убейте! – билась в истерике гномушка.

– Эльза, я пришёл, как ты и просила. Поговорить в последний раз.

– В последний! В последний! – она кинулась на фавна и вцепилась ему в грудь ногтями.

Жан отступал, не сопротивляясь.

– Ты обещала, что после нашего разговора оставишь в покое Люцию и меня, – его голос звучал испуганно и умоляюще.

Эльза упала на землю, вцепилась в мох и стала скулить, как раненая волчица.

Феликс подобрал спичку и, положив её к себе в карман, прижался спиной к дереву. Джек воткнул в землю ёршик и, сжимая на всякий случай гирьку, подошёл к фавну.

– Не волнуйся. Расскажи нам свою историю. А то мы тут совсем запутались.

Жан собирался с духом, опасливо поглядывая на гирьку в руках Джека. Наконец он заговорил:

– Я нашёл Люцию в маленькой деревушке на границе Польши и Украины. Я тогда работал в цирке, вдохновляя акробатов. И наш цирк был там на гастролях. На деревенском празднике я и увидел свою Люцию. Она пела. Да так, что каждый лепесток деревьев боялся пошевелиться при звуке её голоса. Деревенские парни забросили свои игры и, опустив головы, слушали песню о родном крае и любви. Старухи, не стесняясь, плакали,

да и мужчины не стеснялись пустить скупую слезу. А её сверстницы вторили этой песне в унисон. И я понял, что нашёл её. Ту, для которой был рождён. Ту, для которой живёт во мне вдохновение. Но у меня не было денег. У её родителей тоже. И я на два людских года ушёл на войну зарабатывать деньги на её обучение. Я отказывал себе во всём: в еде, в развлечениях, в одежде. Каждую мелкую монету я откладывал для неё. Для моей Люции. Для моей талантливой девочки. И вот, пропалывая огород, семнадцатилетняя Люция нашла мешочек с моими кровными деньгами. Я вдохновил её, и она поступила в музыкальную студию при оперном театре. Её там заметили, и вскоре она уже исполняла роли в театрах Парижа и Вены. Там же состоялся её дебют в амплу драматической актрисы. И нас пригласили в Россию. На главную роль.

Фавн прервался, вновь переживая успех своей подопечной.

– Ты говори, браток, – Феликс отошёл от дерева и тоже подошёл к Жану, неприязненно поглядывая на застывшую Эльзу.

– Россия встретила нас хорошо. Роль была словно создана для Люции. Премьера прошла с большим успехом. И тут я встретил гномушку-вдохновительницу Эльзу. Это была неприятная встреча. Мы, вдохновители людей-актёров, как-то быстро сближались. Легко договаривались между собой. Репетировали вместе. Эльза же держалась особняком. Продвигала свою актрису не совсем корректными способами. Путём интриг и флирта с режиссёрами. И ладно, если бы её подопечная была талантлива. В театральных кругах за талант многое прощают. Но она совсем, совсем бездарна. Долгое время была примадонной из-за своей красоты, но людской век недолог, и она стала стареть. И разгульный образ жизни только этому способствовал. Эльза же не собиралась сдавать позиции. Когда примадонной стала Люция, Эльза начала её подставлять. Когда подломился спиленный каблук и моя девочка упала, я плакал в зале. И зал тоже плакал, потому что такого драматизма в исполнении роли никто и никогда в России не видел. Люция играла через боль! Она взяла боль в сломанной ноге в помощницы.

Жан заплакал. Джеку и Феликсу было неуютно наблюдать, как взрослый сильный мужчина плачет, искренне переживая боль.

– Потом была серная кислота в гриме. Люция не успела наложить этот грим на лицо и обожгла только пальцы. Конечно, я не знал точно, что это делала Эльза, пока она не призналась сама. Дело в том, что мы с ней начали встречаться, – фавн на секунду умолк, глядя, как шевельнулась цепь в руке Джека. – Мы встречались недолго, примерно неделю, но за это время она сильно влюбилась в меня. Я, честно сказать, тоже полюбил её. Но потом я застал её в подсобке ресторана с официантом Павлом. В очень интимной сцене. Так как подопечная Эльзы стала к тому времени работать только на подмене, деньги у гномушки-вдохновительницы стали заканчиваться. И она таким способом рассчитывалась за ужин. Конечно, я сразу бросил её, сделав это в корректной, но безапелляционной форме. Она плакала и оправдывалась. Рассказала в пылу раскаяния, как поступала по отношению к Люции. Этого я точно не смог бы простить.

– Я любила тебя, козлины ты рогатая, – закричала Эльза, встав на колени, – любила! Всё, что я сделала, это только из любви к тебе.

– Молчи, падаль! – вскричал Феликс. Он подошёл к гномушке и занёс было руку для удара, но сдержался. – Продолжай, браток. Откуда появился шрам на её груди?

– Это произошло в тот же вечер. В вечер нашего расставания. Когда она поняла, что я больше не буду с ней, то достала нож и воткнула его себе в грудь. Сказала, что не будет жить без меня. Я вырвал нож и отвёз её в больницу.

– Я готова была умереть ради тебя, Жан, – произнесла Эльза. – Умереть! Я была готова на всё ради тебя.

– Не сильно ты и сопротивлялась, когда я вырывал у тебя нож, – парировал фавн. – Излишний драматизм губит тебя и на сцене, и в жизни.

– Что было дальше? – спросил Джек.

– А ничего. После этого вечера я приставил к Люции охрану, а сам отбивался от настойчивых припадков любви и ненависти Эльзы. И сюда пришёл, только чтоб поговорить с ней. В последний раз.

– Всё ясно, – после недолгого молчания сказал Феликс. – Ты ни в чём не виноват. Пойдёмте в город, друзья. Я хочу очень сильно напиться. Оставим эту потаскуху здесь.

Фавн подошёл к Феликсу. Два солдата посмотрели друг другу в глаза и обменялись рукопожатием. Джек смотрел на склонённую голову Эльзы.

– Я останусь с ней, – непреклонно произнёс он.

– Джек, ты всё слышал. Она же...

– Я люблю её, – перебил друга трубочист, – я люблю её той, что пела у ратуши за ужин. Я люблю её той, что ухаживала за пьяным отцом. И той, что не умела лгать. Я знаю, что где-то в глубине её сознания жива ещё эта гномушка.

– Как знаешь, Джек, – сказал Феликс, – и хоть почти все наши деньги остались в ресторане, мы с Жаном будем заливать все горести и напасти в дешёвой рюмочной. Ты ведь не против, друг Жан? Чую, что мы воевали на одной войне...

Они пошли по направлению к городу. Внезапно Феликс остановился. Сказал что-то фавну и вернулся к Эльзе.

– Я хранил это кольцо двести лет. Но ты не заслужила его, – он бросил кольцо с бриллиантами гномушке в лицо и побежал догонять Жана.

Джек подошёл к Эльзе и протянул ей руку.

– Пойдём домой, любимая.

– У меня нет дома.

– Наш дом там, где мы вместе.

– Но я не люблю тебя.

– Это мы ещё посмотрим, – ухмыльнулся Джек.

– На что же мы будем жить?

Джек поднял кольцо, брошенное Феликсом.

– На первое время хватит. А потом... Я буду чистить трубы. А ты всегда можешь петь у ратуши.

Из Усинска в Усинск

Как хочется отсюда убежать,
Чтоб через месяц с радостью вернуться
Туда, где стих рябиновый пожар,
Но где не стихли искренние чувства.

Пройти с родною, любящей женой
Дорогою безлиственной аллеи...
Скрипит земля иссохшею листвою,
Мы закружимся в лиственной метели.

Здоровья всем, кто вышел на тропу,
Кто слышал звон от колокола храма,
Кто сохранил недетскую мечту –
Пройти дорогой жизни без обмана.

И север любит наш «неупокой»
И отдаёт таёжные богатства,
Тому, кто верит в вечный круг земной,
Тем, кто готов к Усинску возвращаться.

Мечтатели – мечтаньями сильны,
Нам край земли не кажется пределом...
Идём за край, как севера сыны,
И служим городу –
Строкой.
Любовью.
Делом.

Вениамин Смирнов.

Художник и время

Вениамин
СМИРНОВ

Вениамин Иванович Смирнов (30.08.1937, Ленинград – 27.12.1996, Воркута).

Скульптор. Поэт.

Работал в области станковой, монументально-декоративной скульптуры, графики, декоративно-прикладных форм искусства.

Окончил Ленинградское художественное училище им. В. А. Серова (1952–1957), Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (1957–1963).

18 декабря 1963 года направлен на работу скульптором в Воркуту в художественные мастерские КО ХФ СССР.

23 ноября 1986 года выведен за штат в связи с переходом на творческую работу.

Член Союза художников СССР (1965).

Выставочный проект «Я буду знать, на свете жил не зря...»

24 августа 2007 года в Национальной галерее Республики Коми состоялось открытие большого выставочного проекта «Пора на крыло!», концепция которого была разработана на основе не только творческого наследия Вениамина Смирнова, но по преимуществу его дневниковых записей, хранящихся в коллекции Воркутинского музейно-выставочного центра. Неопубликованный и неразобранный архив художника помог острее и правдивее понять творчество мастера, его счастливую и драматичную судьбу.

В 4 номере журнала «Арт» за 2007 год есть большая статья и первая публикация записных книжек Вениамина Смирнова. В данной публикации представлен выставочный проект «Я буду знать, на свете жил не зря...» (открытие 17 мая), который связан с праздничными мероприятиями 2023 года: 80-летним юбилеем Национальной галереи Республики Коми, Коми регионального отделения ВТОО «СХ России» и 80-летием со дня образования города Воркуты. К тому же в августе 2022 года исполнилось бы 85 лет со дня рождения Вениамина Смирнова.

Экспозиция – ретроспектива творчества художника из собрания Национальной галереи Республики Коми, Воркутинского музейно-выставочного центра, Национального музея Республики Коми и частных собраний. Название выставки «Я буду знать, на свете жил не зря...» – строчка из одного стихотворения В. И. Смирнова, опубликованного в сборнике «Край сердца» (Сыктывкар, 1981). Скульптура, живопись, графика, декоративно-прикладное искусство, поэзия, песни – всё это есть в его творческом наследии, к сожалению, в большей части утраченном. Подвижность пластического языка, восприимчивость, зрелость понимания окружающего мира составляли творческую личность Вениамина Смирнова. В творческом мышлении и созидании Смирнов выступает как художник большой творческой индивидуальности. Его работы показывают, что он отдал себя серьёзному искусству, ответственному поиску своей

манеры, поэтому в его работах рождались новые способы образных решений. Вениамин Смирнов изыскивал новые возможности материала, изобразительного языка.

Первая персональная выставка 1977 года в Сыктывкаре стала событием в культурной жизни Коми Республики. Вениамин Смирнов показал себя художником, способным привлечь не только элиту, но и широкую зрительскую аудиторию разной степени подготовки. Это не мода. Классика мало подвержена её воздействию. А что творчество Вениамина Смирнова перешло в классику, вряд ли нужно доказывать. Его мастерство, ставившееся под сомнение при жизни, слишком очевидно. Он и сам называл себя гением, обладая магией искусства, подразумевая не просто притягательное, а нечто высшее, метафизическое, действительно магическое. «Постоянное состояние творчества было естественным образом его жизни», – пишет воркутинский художник Александр Мелехин о Вениамине Смирнове. Работы его требуют особого вчувствования и духовного созерцания. Смирнов умел извлекать красоту открывающейся ему природы.

Отправная точка смирновского творчества принадлежит пластической культуре прошлого: Древний мир, Средневековье, Ренессанс («Египетский мотив», «Джинн», «Маугли», «Ветераны. Ассирийцы», «Богатырь», «Средневековый мотив», «Одиссей и Сирена»).

Батик Вениамина Смирнова – одна из сильных и интересных сторон его творчества. Из 30 батиков сохранились три. На выставке экспонировались три больших полотна – «Север», «12 апреля 1961 года», «Война», которые стали доминантами и смысловыми точками трёх экспозиционных пространств.

Открывает выставку раздел, посвящённый личности художника, его мироощущению. В художественное решение экспозиции включены строчки из его дневников, рукописи стихов, хроника и фильм, снятый сыном художника Денисом Смирновым, звучали песни в исполнении Вениамина Смирнова. Живописный батик «12 апреля 1961 г.» (холст, хлопчатобумажная ткань, ВМБЦ, 1967–1968), посвящённый полёту в космос первого человека Юрия Гагарина, стал своеобразной метафорой раздела «Личность». В произведении присутствует античное понятие гармонии бытия и красоты человеческого тела. Как и в работах, связанных с образом Икара, которого он лепил с себя, ассоциируя себя с ним. Отсыл художника к личностям мировой мифологии и истории шире интересов злободневности. Вечные образы («Джордано Бруно», «Энку», «Памяти Высоцкого», «Ладонь Христа», «Путь» и другие) и приёмы архаического творчества помогали философски осмыслить действительность.

Один из залов посвящён теме Севера. В экспозиционное пространство вошли скульптурные произведения «Синяя ночь», «Потомственный оленевод», «Сын Севера», «Северянка», «Отдых оленевода» и др. Техника керамического производства, которой художник овладел в Доме творчества им. Т. Залькална в Дзинтари, помогает создавать Вениамину Смирнову декоративно-станковые произведения, соединяя в них выразительные средства разных видов пластического искусства. Тема Воркуты представлена работами «Под Полярной звездой», «Кольцо Воркуты», «Шахтёр», портретами воркутинцев (геолога Виктора Морозова, первооткрывателя Усинского месторождения нефти и газа Георгия Александровича Чернова, геофизика Михаила Андреевича Зыскина). Портретную галерею дополнили портреты друзей В. И. Смирнова (художников Кима Бритова, Николая Суворкова, Льва Воронова, Энделя Танилоо и др.). Портреты крайне обобщены, наделены отдельными острохарактерными признаками модели: эмоциональны, углублённо-сосредоточены, гротесково-заострены, высокоинтеллектуальны. Вениамин Смирнов сочетал скульптурную форму с живописным решением поверхности, окрашивая солями, способствующими более объёмному восприятию.

В полотне «Север» (2,5 x 4,5 м, ВМВЦ, 1968) прослеживаются пластические особенности языка Смирнова: предельное обобщение форм, работа над силуэтом, неустанный поиск характерного – те художественные средства, которые использовал Вениамин Смирнов для выражения идеи произведения и своего мироощущения. Из архивных записей: «...только что вернулся с Чукотки, где я был во второй раз. Слов нет – потрясающая была поездка. Теперь засяду за работу». Батик – результат наблюдений художника по Северу. Неожиданно оригинальна композиция полотна. Взгляд зрителя переходит от одной фигуры к другой по замкнутому кругу. Оленеводы объединены общей глубокой мыслью. Эту задумчивость повторяют их застывшие позы – в этой же неподвижности, кажется, застыла вся молчаливая тундра. В большой форме немногословная работа точно передаёт настроение тундры.

Вениамин Смирнов использовал свободный, индивидуальный пластический язык не только в скульптуре, но и в декоративных работах, находя связи между несопоставимыми обособленными природными объектами. Произведения раздела «Природа» («ГринПИС», 1989. Шамот, соли. ВМКМ; «Биология», 1967–1970. Шамот, глазурь, эмаль. ВМВЦ; композиция «Воспоминание о море», 1970–1980-е. Шамот, соли. ВМВЦ; композиции «Пласты Земли», «Планеты». ВМКМ; «Цветы». Серия «Лето», 1977. Керамика, глазурь, эмаль, стекло. Из собрания С. А. Беляевой) превращаются в аранжировку первозданных природных форм. Творчество Вениамина Смирнова – постоянный поиск, неудовлетворённость. Черпая вдохновение у ПРИРОДЫ, он бесконечно восхищается её гармоничными формами. Раковины в композиции «Воспоминание о море», расположенные под определёнными углами друг к другу, создают впечатление движения воды, морской волны. Отпечатки рыб в пласте «Рыбы» восхищают ясностью и лаконичностью построения формы.

Рассматривая творчество Вениамина Смирнова с точки зрения стилистических и технических поисков, прослеживается и отказ от признанных стилей, влияний, подражаний. В произведениях 1960-х – первой половины 1970-х ощущается интеллектуальная связь с достижениями выдающихся мастеров мировой художественной культуры (Генри Мура, Джакомо Манцу).

В разделах «Любовь» («Прощай. Портрет Татьяны Вундер», 1977. Шамот, соли. НГРК; «Вечер I. Вечер П.», 1971. Бронза, камень. НГРК; «Женский портрет», 1965? Шамот, тонировка. ВМВЦ и др.) и «Природа» (композиция «Биология», 1967–1970. Шамот, глазурь, эмаль. ВМВЦ; серия «Планеты», 1985. Шамот, глазурь. ВМКМ) представлены произведения, в которых художник пытается подойти к поиску истины, воссоздать на образном уровне целостную картину мира: рвущимся на части уродливым формам трагедий века XX-го противостоит красота вечных образов и тем.

Полотно из серии «Война» (1,9 x 9,9 м, лён, воск, ВМВЦ, 1967–1968) рассказывает о человеческих страданиях, заставляет содрогнуться, зажечься гневом, выразить весь этот сложный строй чувств. Задача бесконечно сложная. На всю длину 9-метрового холста Смирнов развёртывает эту человеческую драму. Напряжённая цветовая гамма полотна усиливает драматизм события. На сером фоне даны в разных ракурсах изувеченные тела, распластанные на земле. Они застыли в небытии. Точно подобранная цветовая гамма – серо-малиновая – отвечает настроению картины. Сам Вениамин Смирнов в детском возрасте перенёс первые дни блокады (затем родители отправили его к родственникам в Ярославскую область), его отец воевал на Ленинградском фронте, мать оставалась работать на заводе, «блокадниками» были многие родные художника. Образы воспринимаются как памятник суровым дням войны. Колористическое решение –

не случайно. Всё подчинено основному лейтмотиву. В этой композиции Смирнов показывает катастрофу огромного масштаба, горе не одной нации, а трагедию ЗЕМЛИ, рождённую её цивилизацией. В гневном протесте проявилась гражданственность художника. В основу своего творчества он ставил век 20-й и размышления человека в нём. Этот прямой призыв к зрителю звучит словно набат.

Судьба многих батиков неизвестна, некоторые из них утрачены («Седая Япония», «Напалм», «Циклон-Б»), некоторые – в частных коллекциях в России и за рубежом (в Японии). Полотно «Седая Япония» (1967. Местонахождение неизвестно), посвящённое трагедии атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки (6 и 9 августа 1945 года) – двум исключительным в истории человечества случаям боевого применения ядерного оружия. Осуществлены Вооружёнными силами США на завершающем этапе Второй мировой войны против Японии. Крупным планом дан профиль головы с седыми волосами – олицетворение Японии, пережившей атомную катастрофу. На пламенеющем красном фоне множество, сотни скорбных фигур – мужчины, женщины, старики, дети. Перед её взором встают картины чудовищного преступления: раны, язвы, ожоги, смерть. Смерть всюду. Страдания всюду. Страдания, каких ещё не знала история. Не менее трагично 10-метровое полотно «Напалм» (1968. Местонахождение неизвестно). Ужасам Вьетнамской войны посвящено это полотно. Плач по невинно убиенным, картина-реквием. Оно огромно и многофигурно. Между просветами густого удушающего дыма напалмовой бомбы видны груды обугленных человеческих тел. Обгоревшие, переплетённые между собой, как бы крича о невероятных мучениях последних минут. Сквозь дым просматривается мёртво-пепельная серая земля. Холодные тона красок обобщают картину напалмового ада.

Трагический холст «Циклон-Б» (1968. Местонахождение неизвестно), воскресающий в памяти стихи немецкого поэта-антифашиста Петера Вайса «Судебное разбирательство», – сквозь сизую пелену газовой камеры проступают золотистые лица людей. Лица тонут в синеве глаз. Это уже не люди, они – тени. Мысль передаётся оригинальным решением художника: лица плоские, глубокие морщины – символы скорби смотрятся чётким рисунком.

Смирнов из северных скульпторов лучше всех умел использовать материал, улавливая его особенности в каждом отдельном случае. Шамот, бронза, камень, терракота, чугун – это далеко не все из используемых им материалов. «Скорбящая» (60 x 26 x 33 м, шамот, ВМВЦ, 1967–1970) – в записных книжках Смирнова упоминается эта работа как проект памятника для села Прокопьевка или деревни Мордино. В архивах В. И. Смирнова (черновик письма 1985 года Степану Николаевичу Коюшеву о создании памятника для д. Мордино) сохранилась переписка, из которой следует, что памятник должен быть выполнен в бетоне, высотой 6 м, постамент 3 м, с реквиемным текстом. Предполагалось посадить 130 деревьев. Скорбное оцепенение, страдание, безысходность в образе МАТЕРИ. Мысль передаётся оригинальным решением художника: лица плоские, глубокие морщины – символы скорби смотрятся чётким рисунком.

По воспоминаниям сына художника, позировала супруга – Степанова Вера Георгиевна. В батике (170 x 78,5), находившемся в коллекции искусствоведа, члена СХ СССР Ольги Порфирьевны Вороновой (Москва), был воплощён этот образ.

В раздел трагических событий XX века вошли события ГУЛАГа («Стой! Запретная зона», 1970–1980-е. Шамот. Из коллекции Н. В. Сергиенко; «Вохровец». Шамот, соли. ВМВЦ), Великой Отечественной войны («Соловьи». Серия «Великая Отечественная», 1985. Шамот, соли. НГРК; «Портрет бывшей узницы концлагеря Равенсбрюк Нины

Аверьяновны Мисурагиной», 1979. Шамот, соли. НГРК; «Память. Концлагерь». Серия «Великая Отечественная война» (Узник Бухенвальда), 1985. Шамот. ВМВЦ), войн в Ливане (композиция «Ливан», 1988. Шамот, эмаль, пигмент. ВМКМ) и Афганистане («Солдатская песня «Афганистан», 1989. Шамот, окислы, глазурь. ВМВЦ).

Искусство Вениамина Ивановича Смирнова, что очень важно, остаётся адекватным духовным нуждам общества, несмотря на дистанцию времени.

Ольга Орлова

«Под Полярной звездой». 1974
Шамот, эмаль, соли. ВМВЦ

Экспозиция выставки «Я буду знать, на свете жил не зря...»

Экспозиция выставки «Я буду знать, на свете жил не зря...»

«Сияние». «По солнечному кругу» («Век Солнца»). 1974
Шамот, эмаль, литьё из металла. ВМВЦ

Экспозиция выставки «Я буду знать, на свете жил не зря...»

Энку. 1983
Шамот, соли. ВМВЦ

Отдых оленевода. 1969

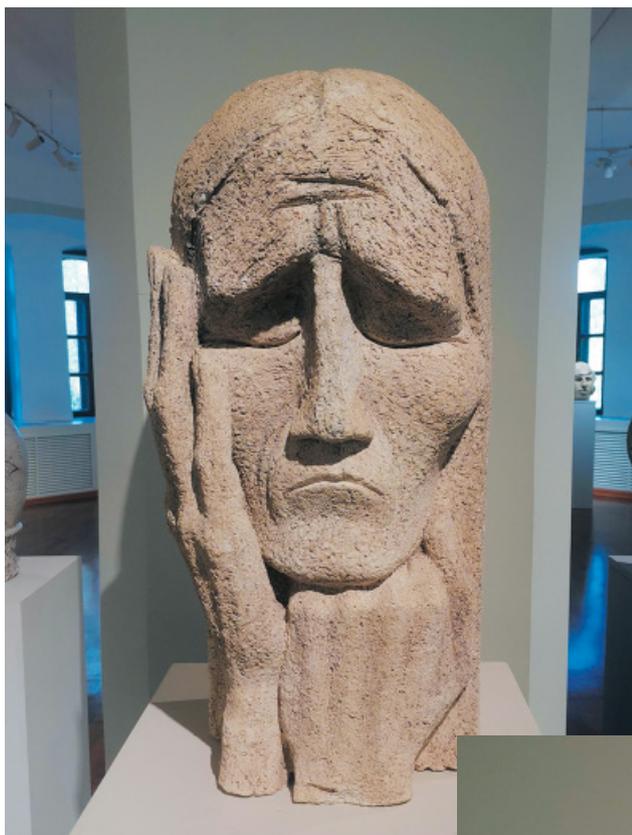
Терракота, роспись, ангобы. НГРК

Оленевод. 1969

Терракота, роспись, ангобы. НГРК

Весна. 1969
Шамот. НГРК

«Скорбящая». 1967–1970
Шамот. ВМВЦ

**Погибший
в Афганистане (Афганец).
1980-е.**
Шамот. НГРК

Декоративное панно «Осенний мотив». 1988
Гипс, ангоб. ВМВЦ

Кольцо Воркуты. 1983
Шамот, соли. НГРК

«Большеземельская тундра». 1989
Шамот, соли, окислы, глазурь. ВМВЦ

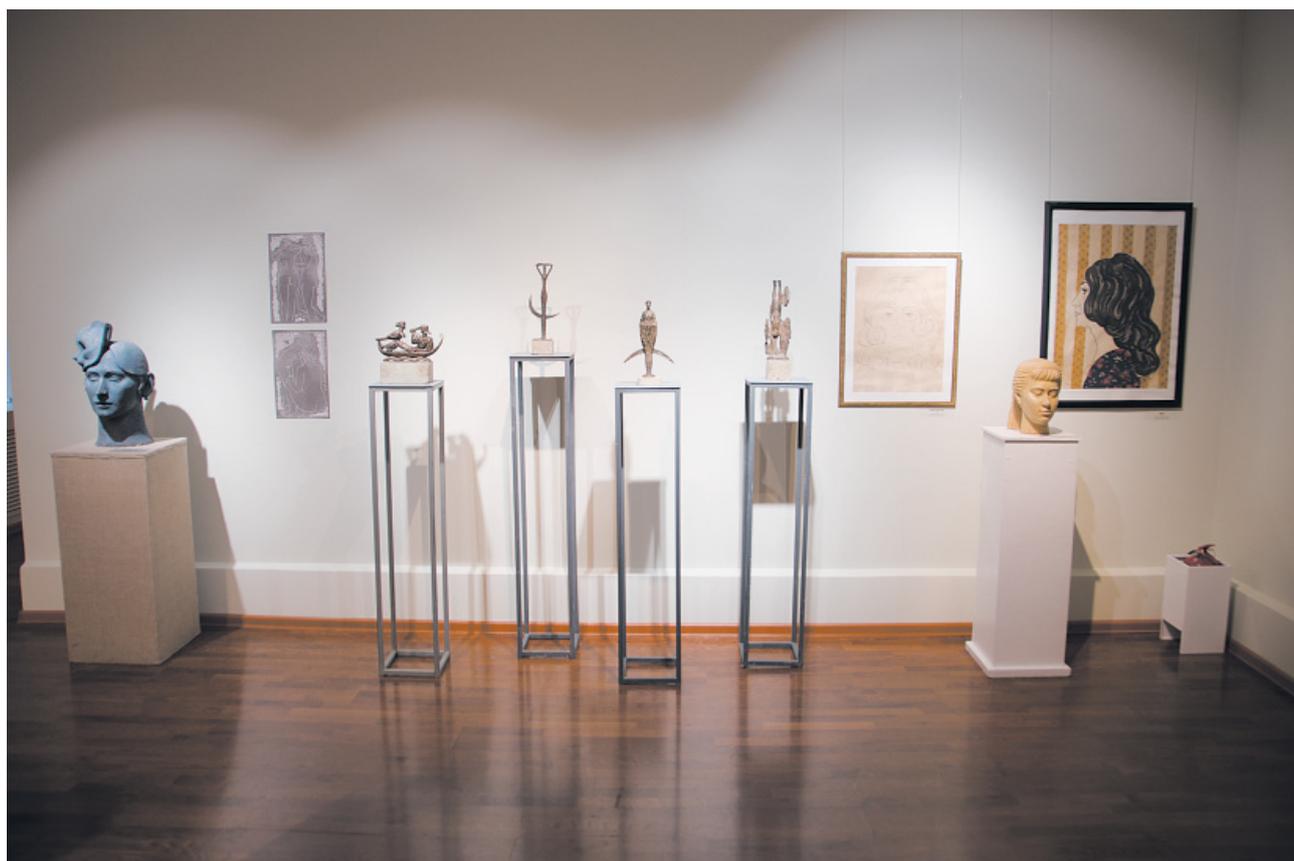

«Сын Севера». 1967
Шамот, соли. ВМВЦ

**Портрет болгарского лесоруба
Найдена Найдёнова.
Серия «Усогорские встречи».
1975
Шамот. НГРК**

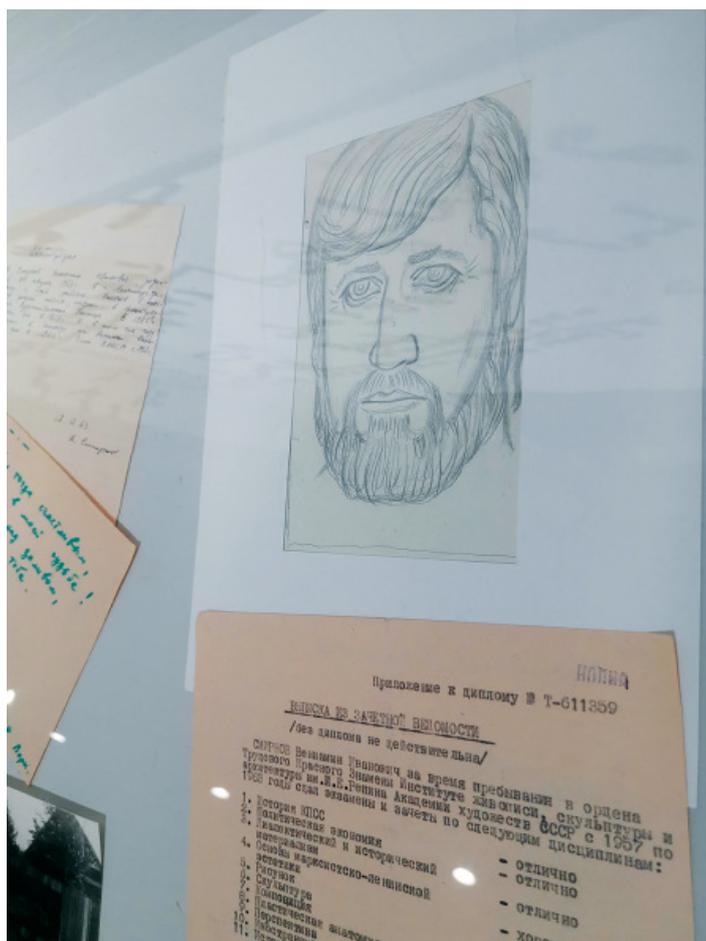

**Декоративные шурфы «Тундра»
Глина, роспись. ВМВЦ**

Экспозиция выставки «Я буду знать, на свете жил не зря...»

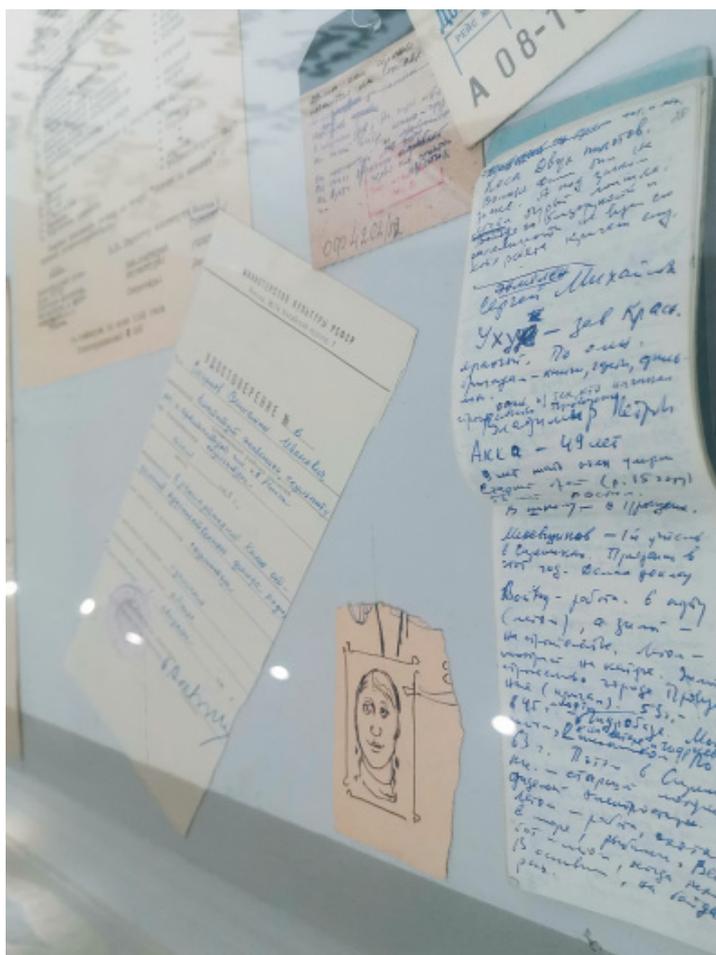
Из архива В. И. Смирнова.
ВМВЦ

Дама. Рыцарь. Средневековый мотив. 1972
Терракота, эмаль. НГРК

Из архива В. И. Смирнова.
ВМВЦ

«Цветы». Серия «Лето». 1977
Керамика, глазурь, эмаль, стекло.
Из собрания С. А. Беляевой

Композиция «Воспоминание о море». 1970–1980-е
Шамот, соли. ВМВЦ

В. И. Смирнов рядом со своей работой «Ветераны». 1974
Глина, глазурь. ВМВЦ

Литература сегодня

Евгений
ВАЛЕРИАН

**Евгений Валерианович
Козлов**

(Евгений Валериан)
чужис 1960 воын Емдін
районса Эжолты
грездын. 1990 восянь
уджалö коми печат-
тын («Войвыв ко-
дзув», «Чушканзі»).
Е. Козловлөн асшөр
книгаяс: «Водзкыв
пыдди», «Узьтöм
войяс», «Кык книга»,
«Кык джын», «Коймöд
аттьö». Комиöдö
роч да финн-йöгра
поэтъясöс. 2012 восянь
Россияса гижысь
котырын.

«Гортын арийöm» тетрадьысь

Кывбуръяс

* * *

Льöмъюысь вöрзим – точикасис зэр.
А рытнас лым сор бушкалавны мöдiс,
Да ловзыйлöм нин эжыс тайкö пöдiс,
И вевтыртiс мöд асыв еджыд сер.

Ен ывла вылыс öнi рамсьыс-рам.
Со бадь пу вылö пуксис гажтöм чузи*.
Эн шогав, ме öд тайö кадас чужи
И тöда тувсов поводдялысь сям.

Мый торксьылö вөр-валөн горйын лад
Май тöлысьö, та йылысь ог и шу нин,
Ме помнитiгөн лымъявлiс и юньын.

*Чузи – полярный воробей, пуночка.

11.05.23

* * *

Ваыс содö. Берег доръяс кынтöма.
Гудыр када поводдяйд суис.
Талун войнас ветки пыжöй кывтöма,
Либö кодкö Важкуаö нуис.
Эновтас, да сыысь на и маитча,
Быть пö колiс мунны сылы, ыштö.
Аддза кö öд мортсö, ок и малитсяс*,
Кöзяинсö, мися, колян пыжтöг.
Йöзлысь нинöм нэм эг босьты юасьтöг,
Велöдлiсны дедъяс: тайö лектор!
Эстöнi со пондiс ёна руасьны –
Чайта, лым нин еджыд стенөн локтö...

*Малитны – нöшавны.

13.04.23

* * *

...Тадз пукалім быд рыт важ лабич вылын
Да видзөдім, кыз нёрө шондібан.
И востымасис помтөг көнкө ылын,
Но төлысь нин эз зэрлы миян тан.
И аслысмоз нин броткис Мони Анна,
Мый йөрас сылөн сісьмө куим юр,
А сабриалан уджъяс ме эг пан на,
Көть поводдяйс со тай кутшөм бур.
Но здук-мөд мысти бурасьны оз вермы,
Мый поводдяйс могсө оз нин төд,
Мый колө эськө неуна көть зэрны,
Өд татшөм косөн картофель оз мөд
Ни пөлавны, и пабйыс регыд пөрас.
А сэсса мелань бергөдчө да друг
Тадз юалө:
– А мыйкө эм-ө вөрас?
И сәні таво ставыс косьмас, тшук.
– Көть тшакыс оз мөй петышт сэсса коркө...

Но Мони Анна мышкыртчылө чөв
Да босьтө скөрысь чужйөм колош пөв
И лабич вылысь чеччөмөн нин торкө:
– Вай аски волы, юръяссө көть чөвт, –
И гортас довгө шонді пуксяндорыс.

А мама керка сайын дасьтө ва.
Час, өні ассъыс нук чукөрсө корас
Да градъяс тшөктас киськавны.
Өдва
Жар поводдяа луныс тадзи кольө;
Кок йылас косьмысь турун вежө сер.
Да, гөгөрвоа – зэрыд ставлы колө.
...И востымасьө гөгөр, но оз зэр.

22.01.23–04.02.23

* * *

Ми котортам. А водзын пышйө вотшөр*.
Но сэсса сад йөр чөс туйнымөс потшө,
и он нин судзөд пуяс вывсьыс сэсь,
көть бедь помъясөн шыблавлам и весь.
А лэбысь гаг со кыпөдчөма вылө
да веж кор костас воштысьөма скөнь.
Дерт, дөзмылан, мый дзужгөмсө куш кылан,
и тайө дзугө лов
и рытъя лөнь.

Ми энотчам да буса туйод довгам,
пыр кианым на кодлөн кутшом «сак».
И туй бокусь кор аддзам тыртөм бак,
дөсадаөн ли ышмом понда шковгам –
сөдз йола горысь чегяс Кырйив вөр,
и повзьом истан, ас пиас оз төр,
тив-тивөн вөр-пу йылөдзыс дзик лэбзяс
да тадзи недыр нөйтчөм мысти бөр
нюдз вежд пиё пыстөм ем моз дзебяс.
И лоо гөгөр воддза дорсьыс лөнь,
и весиг сиктын дзуркнитөм оз кывлы.

Выль лун кежлө нин дасьтысьома ывла,
со Давпи весьтын төдчө кыа вөнь.

Но, вай жө сэсса пыраламөй гортө,
май сюрөс, йөзлөн гөра-көдза кад.
Көть асьявылыд нюжмасьыштны рад,
быть сэсса чеччы тшөктытөг ни кортөг.
Вөв вөтлысьлы дыр вальмасьны оз позь...

*Вотшөр, отшөр (улыс эжваса сёрнисикас) – майский жук.

06.08.22

* * *

...И воас шонді пуксян кад,
Кор сийө Кырйив весьтө өшъяс.
Сэк челядь босьталасны көшъяс
Да киськаласны баблысь град.
Морков да свеклө, лук, капуста –
Быд корлы колө сетны лов.
А орччөн анькытш куста-куста:
Но сийөс кисьтаваны оз ков!

Став уджсө сигөртасны лөня,
Кыв весиг некоді оз лэдз;
Тадз рытья кадө чөвтлам төня,
Тадз арся кадө октам лэч.
Быд уджын колө аслас вөрас,
Быд кадө аслыспөлөс гор.
Мый луннас вөчсис баблөн йөрас!
Но рытнас – киськасьны.
Көть ор!

29.04.22

*Некымын лун видзёди, кызди таглён нырыс бовъялө төв йы-
лын – шатин помассьёма, водзё некытчө. Кодкө чуйдис, орччөн
пө мөд шатин тшукөд. Петалі йөрө да кузькодь бадь керышти,
тшукөди. Мөд лун видзёда – кватитчөма, нель гартолөн нин
вывлань кайёма.*

* * *

Быд асыв өшинь улын таг
Выль вермөмъясысь коддзё.
Да сылы тырмымөн и чаг,
Мед кыпөдчыны водзё.
Эг донъяв таво вылө, ақ,
Ме шатинъяслысь артсө.
И регыд шөйөвошис таг –
Өд сынөдас оз гартчы.
Би, көнкө, шөйөвошлө тадз,
Кор ломтас помөдз сотчө.
Ва, көнкө, шөйөвошлө тадз,
Кор пуан пөртйысь отчө.
Тадз, көнкө, кодзув корлө мезд,
Но пемыд йирас пөдө,
И вөлі олөм сэн ли эз,
Ми сідзи ог и төдөй.
Тадз, көнкө, шөйөвошлө морт,
Кор төдтөм вөрө пырө,
Оз аддзы водзысь туй ни орд,
И лача выныс бырө.
Таг абу кодзув, би ли ва,
Но сідз жө вежа туйын.
Вуж сөнсянь пансьёма быд за,
Выль пабийөн водзё уйө.
Мед коркө лоө кода сур,
Но өні сылы веськодь,
Пыр вывлань лэптө ассъыс юр,
Көть олөм абу веськыд,
Өд шатин гөгөр гартчө идз,
Но аслас туйөд мунө.
Став енкөлаыс сөвмө сідз,
Учёнөй моз кө шуны.

15.07.23–24.07.23

КЫК ТУРУН

1

Турунысь висьмин кӧ, отсалас турун,
Шуам кӧть, нявдайд, градвывса ёгыс,
Кодӧс ми некор ог артавлӧй бурӧн.
Йӧзыд тай сідз жӧ – эм бурыс и лёкыс.

2

Турун пӧ бырӧдӧ турун:
Вуж сӧныс сӧвмӧ кӧть вояс,
Ытшкӧмсӧ кольлан кӧ юрын –
Эжатӧ вежонӧн сёяс.

27.06.21

ЛЭЧЧЫ ЕНЭЖСЬЫД

* * *

Тэ дивӧсӧ быдторйысь аддзан:
Кор тулысын потласьӧ гар,
Кор гожӧмыс тыр шонді раддзӧн,
Кор зарниӧн баситчӧ ар.

Кӧть мый эськӧ дивӧыс таын,
Тадз вӧлі и лоӧ быд нэм
Му пуксьӧмсянь – вӧрын и ваын.
Но тэ вылӧ дивӧыс эм.

Со вевт улад поздысис тивӧ,
Водз асывсянь пальӧдӧ ун,
А тэн тайӧ дивӧсьыс дивӧ,
И висьтасян кымынӧд лун.

Дерт, кодлыкӧ дивӧыд веськодъ,
Кор олӧмыс – быдлунъя удж.
Ме абу кӧ прав, либӧ веськӧд,
Мед мӧвптуйӧс вывті эг вудж.

06.09.22

* * *

Ог тӧд, коді тэ сэтшӧмыс,
Но тэ кӧ эм,
Мем енмыс тэнӧ сетӧма.
Мем.
Сӧмын мем.

29.12.20

* * *

Ме эска – тэнад ставыс бур,
И мый ме эм, мый шойта көнкө,
Дерт, он и казтыштлы, и көмтөг
Он петав пальёдыштны юр
Зэр улө, тыртөм кильчө вылө,
Көн матыс вөрлөн шувгөм кылө,
Көн лабич помө усьөм кор
И сөмын казтылө на, кор
Ме медбөръяыс воли сэтчө.
Кор ортсө петалыштлин здук,
Сідз пуксьылин и регыд чеччин,
И мыйкө шуин меным, тшук.
Эн шу, а меным сэки чайтсис,
Мый тэсянь кыли сымдатор.
Ме дзикөдз өтдортчи нин квайтсьыс,
Шу бөръясө...

06.09.22

* * *

...И быттьө другыс помассис кино,
А олөм аслас өдөн водзө мөдис.
Ми торъялим.
Дерт, жалькодь вөли,
Но
Сэк төді нин, мый радейта дзик мөдөс.

Көть весиг нимсө сылыс эг на төд,
Но кыли – сөстөм вежөра и руа.
И югыд лола.
Стөчджыка кө – мөд.
А кызди сэсся мөд ног тайөс шуан...

14.10.2017

* * *

Со воча локтө веж юрсиа ныв,
сы вылын пырыс тыдалана платтьө.
Кор орччаасим, мыччылис мен кыв
и водзө мунис...
Господь енмөй, аттьө,
мый мөд уличө кежны мен эн сет,
и мөдыс аттьө аддзывлытөм мичыс!
Көть орччөн здук и вөли, тайө мед,
өд весиг думөн татшөмсө эг виччысь.

04.11.21

Лариса
КАЛЬМАТКИНА

Лариса Михайловна Кальматкина чужис 1972 вося апрель 20-өд лунө Сыктыв районса Гагшор сиктын. Помаліс Сыктывкарса государственной университетин история факультет. Уджалис Поёлса шөр школаын, «Маяк Сысолы» газетын, Сыктыв районса музейн. Оні зільө Визинса шөр школаын, а сідз жө веськөдлө «Шоньд рит» йёзкостса театральнөй студияөн. Гижөдъяссө йёзөдөма «Войвыв кодзув», «Ротонда», «Дальний Восток» журналъясын, «Белый бор», «Новое слово», «Питер», «Битва» альманахъясын, «Авторы XXI века», «Остров Лето», «Осенний блюз» сборникъясын. Л. М. Кальматкина – литература сөвмөдөмысь Сыктыв районса администрациялысь премия босьтысь (2011; 2022), «Эзысь борд» конкурсын «Медбур дебют» нимпасын диплом босьтысь (2021), «Славянское слово» (2022; 2023), «Алиса-2023», «Гений места» (2023) конкурсъясын вермысь. Россияса журналист котырö пырысь.

Кысыкө тай воис!

Висът

Тайö вöлі төвшöрын. Ми важ патераын на олім. Öтчид сёр рытö öдзöсö кодкө торкөдчис. Ме сійö здукас пач дорын нокси, аладдя жариті, а кык посни ныв ворсісны ылысса жыр-йын. Верöс сэк уджаліс пилорамаын да вöлі смена вылын. Сылы водз на вонысö.

Восьта öдзöс – сулалö ар ветымына мужичöй. Съод пася, еджыд гын сапöга, руд кролик шапкаа. Тыдалö, мый код юра. Юалö, көні пö татысса воддза олысьыс. Шуа: «Мöдлаö вуджис». Мужичöйыд юрнас гогнитіс да петіс.

Эг на удит бергöдны аладдясö, бара кодкө тотшкөдчö. Восьта öдзöс – бара код дядьöыс. Юалö: «Кытчö вуджис?» «Ог төд», – вочавидза. Бергöдчис дядьöыс, муніс.

Пач дорö матыстча да кыла, посöдзын* кодкө жöдзö. Петі. Бара сійö – төдтөм мужичöйыс! «Мый тиянлы нöшта колö?» – скöрмөмөн нин юала сылысь. Дядьöыс мыйкө воддза олысь йывсьыс заводитö сывны. «Да кыз ті он гөгөрвоёй, нинөм ме сы йылысь ог төд!» – тайö кывъясөн колльöда кортөм гöсьтöс ывлаөдз да игнала верандасö.

Матыстча патера öдзöс дінö, көсья восьтыны, а сійö быттьö кынмөма – оз воссьы! Мый вынысь нетшка вугсö, оз отсав, весиг оз лег öдзöсыс. Мый нö тайö? Тыдалö, кор ме петі гортысь да клотшниті öдзöснас, крукыс ачыс пеклясö самаліс.

Зымга-швачöда öдзöсас. Телевизорыс гораа сёрнитö, да челядь оз кывны. А көть и кыласны, восьтынытö найö оз сяммыны, оз судзны крукөдзыс.

Код мужичöйыд кылöма менсьым ноксьöмтö да бөр котөртö. «Мый нö лоис?!» – чуксасьö. Пета сы дінö: «Ставыс тиян понда! Кыдзи нö ме öні гортö веськала? Менам öд сәні челядь! Дай аладдяяс пач вылын!»

Ывлаас пемьд, комын градус көдзыд, а ме пальтотөм, кынма.

Босьтчим ми төдтөм мортыдкөд öдзöстö öтлаын восьтыны. Кыскам-кыскам. Оз сетчы! «Гашкө, нетшыштам дзирнас?» – юалö мездысь. Меным эмбурьд жаль: «А гашкө, видлам форточка пыр?» «Видлам!» – бодера шуö дядьöйыд да петö ывлаас.

Суседъяслөн öшиньясыс пемьдöсь. Ставныс узьöны. Ме лөзöдны нин куті көдзыдысла. Мужичöйыд пöрччис пасьсö, палгис** меным пельпом вылö. Сэсса пуктіс менам юр вылö ассьыс шапкасö. Тадзтö, дерт, шоньдджык.

Кухняса форточкаыс неуна восьса. Позьё судзодчыны да сы пыр веськавны керкаё. Мездысьыд кавшасис ошинь вылө, төрөдчис форточкаё, тушанас вуджис кухня жырйё да сибдiс. Гын сапөгъясыс форточка дорышас крукасисны, оз лэдзны водзё прөйдитны. Сiдзи и ошалө менам отсөг вайысьыд увланы юрөн. Кор аддзи тайё серпассө, сэтшөм серам босьтiс. Рушкуё кутчысьөмөн вакъяла, весиг синва доршасьё. Ог, дерт, гораа, мед мужичөйыс оз дөзмы.

Но со кызкө-мыйкө воис сылы юрас гын сапөгъсыд мынтөдчыны. Колис көмсө форточкаын ошавны, а ачыс надзөник лэччис пызан вылө. Сэсса восьтiс меным өдзөс. Ачыс зэв рад. Весиг палялөма татшөм виччысьтөмторсьыд.

Кухняс тшын ошалө, став аладдяыд сотчөма. Öдзөссө лои восьсөн видзыштны, мед сынөдыс вежсяс.

«Ме Степан Иван Озыншор грездысь», – шуө мужичөйыд да мыччө меным паськыд кисө. Ме асьым нимөс висьталi жө да кори чайютны. Сөйиг-юигөныд унатор йылысь байтiм, весиг аддзим рөдвуж. Сэсса кухняд котөрөн пырисны челядь, Степан Иваныд накөд ворсыштiс да гортланыс мөдөдчис.

Төда, мый абу нин тайё югыдладорас менам войся гөсьтыд, но кор казтыла сэкса лоөмторсө, пырысь-пыр син водзё сувтө форточкаын чуръялысь*** гын сапөг гоз. Да менө бара сэтшөм серам босьтө!

*Посөдз – диал. посводз

**Палгыны – диал. павкнитны

***Чуръялысь – диал. чурвидзысь

Месье Флакон

Висьт

Төдмасям! Ме – флакон. Но шыөдчыны ме дiнө бурджык тадз: месье Флакон! Сы вөсна, мый ме абу сөмын доз, а француз духи видзанiн. Ме мича лөсттөм стеклөысь, гөгрөс бока, новла гөрд перламутр шапка, кысянь лэччө дженьыдик чеп. Сылысь помсө мичмөдө виж көртысь вөчөм сьөлөм.

Тi гөгөрвоинныд нин, мый ме чужи ылi Францияын. Унджык флаконыс менам чужанiнын тыртөма чөскыд дука кизьөртторйөн, кодөс радейтөны исавны став му пасьта олысь йөз. Доныс татшөм духиыдлөн вель ыджыд, оз быд морт вермы ньөбны да пызйысьны.

Ме висьталi нин, мый олөмыс мян, флаконъяслөн, йитчөма уна мукөд. Меным мойвиис веськавны Россияё. А стөчджыка кө – Коми муө, Ягдор грездө, Степанида Антоновна Шаньгина ордө. Тайё мича да бур сьөлөма нывбабаыскөд ми өтлаын коймөд во. Сiйө кадсяныс, кор коми ань аддзис менө Киров карса бутикын да эз жалит ме вылө пенсия джынсө. Гусяторйыс воссис меным, кор Степанида Антоновна юксис юөръясөн Марья Петровна нывьёртыскөд телефон пыр.

Сетны пенсия джын – тайё жө кызз воштыны олөм джын! Сiйө здуксяныс ме зэв ёна кути пыдди пуктыны асьым Степанида Антоновнаөс.

Сөрджык лои гөгөрвоана, мыйла сiйө водзвыв лөсьөдчытөг таргайтөма та мында сьөм. Вөлөмкө, вит во сайын мөдарьюгыдас вуджөм Семён Семёнович верөсыс 1968 воын козьналөма Шешалы суйөр сайысь вайөм духи. А бутикын олөма нывбаба өчкиасьөма

да лыддьома менам бокысь томдырся духиыслысь нимсö. Донсö тöдмалöм бöрын абу шöйöвошöма, перйöма гуся зепсыс став сьöмсö да сетöма вузасьысьлы.

Гортас кöзьяйка сувтöдiс менö медся мичаинö – сервантö. Быд лун сийö матыстчылö ме дiнö, босьтлö киас, бергöдлö, видзöдалö, исалö. Но койсьö духинас Степанида Антоновна шоча. Видзö менö. Сöмын муртса резыштас пель саяс, кор мöдöдчас больничаö либö Марья Петровна дорö. Та понда ме, кöнкö, некор ог и бырлы.

Öтчыд Степанида Антоновна ордö пыралiс Алина нима внучкаыс. Аддзис менö, кватитiс, резыштiс духинас килутшас. Мый йылысь кö мöвпалыштiс да юалис: «Бабуш, позьö, ме босьта аслым тайö духисö?» Степанида Антоновна медводз нинöм эз шу, сэсся небыдика öткажитiс. Тайö менö чуймöдiс. Кутшöм жö ме сылы дона! Та бöрын нöшта ёнджыка кöвъяси шань да муса нывбаба дiнö, кодлөн овыс – Шаньгина. Сийö зэв ёна мунö менам чужанiнса madams вылö.

Öнi колис вöчны кывкöртöд. Кывзöй ставныд! Ме, месье Флаконт, сета кыв, мый кута овны Степанида Антоновнакöд да нимкодьмöдны сийöс француз духи дукөн öстатки несйытöдз!

Сёркни

Öти акта пьеса

Ворсысьяс:

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА – пенсионерка

ЗИНА – магазинын вузасьысь, суседка

РАФИК – ас вылö уджалысь

Асыв. Лидия Васильевна пукалö телевизор водзын, кывзö вильторьяс.

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Но мыйся олöм пуксис! Бур олöмыс мян вöлöма жö, а ми эг и тöдлöй. А öнi со мый вöчсьö! Ок-ок-ок!

Триньöбтö öдзöс звöнок, Лидия Васильевна кусöдö телевизор, мунö восьтыны.

Пырö Зина, öти киас ноутбук, мöдас сумка.

ЗИНА. Видза олан, Лидия Васильевна. Со ме вайи тэныд нянь да йöв. Ъвлаас зэрö, лавкаöдзыд тэныд сьöкыд лоас ветлыны.

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Аттьö тэныд, муса ныв! Он вунöд ме йылысь да. Кызди ми тайö керкаас вуджим, пыр отсаян.

ЗИНА. Суседъяс вед. Мöд ногыс оз позь. Кызди нин олан?

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Лючки ола, кор телевизор ог видзöд. А талун вöтаси, быттьö паренча сёя. Сэтшöм чöскыд, вомад сылö. Челядьдыр кад казтьышти да, сьöлöм вылын нор лои. Окота эськö паренчатö видлыны, да кытысь öнi сёркнитö аддзан? «Магнитö» да «Пятёрочкаö» ветлi – некөн абу. Сöмын манго да авокадо вузалöны. А ме сийöс ог сёй. Дача вылын нылöй сёркнитö оз жö вöдит. Мый пö сийöс кодзны, некод кö оз сёй? Мам йывсьыс оз и думыштлыны!

ЗИНА. Миян магазинын сёркнийд абу жö. Но шогö эн усы! Öнi сэтшöм кад, кор ставсö позьö аддзыны öтуввез пыр!

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Öтуввез пырыд öд он сей.

ЗИНА. Он, дерт! Но позьö сетны юöртöм. Кодлön сэтшöм вöлöга эм, вузалас либö дон босьттöг сетас.

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Дон босьттöг кө, ме сöглас!

Зина восьтö ноутбук, печатайтö.

ЗИНА. Всё, дась! «Приму в дар килограмм репы. Обращаться по адресу: Колхозная, 8, квартира 12. Телефон...» Олас?

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. И мый, чайтан, кодкö шыödчас?

ЗИНА. Колö веритны! Мövпъясыд материальнойöсь, он али мый тöд?

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Зина, а тэ картитö вайин?

ЗИНА. Кöсьян, мед гадайтэ тэныд?

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Окота тöдмавны, кор лючки олöмыс пуксяс.

ЗИНА. Час либö гадайтчам. (*Перйö картi, тэчö пызан вылö.*) Тэ паныдасян ыджыд тушаа мужичöйкöд. Сэсса озырман.

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. О! Оз весиг эскыссы. Мужичöй да озырлун. Тайöс и томдырйитö сьöкыд аддзынысö.

Звöнитö телефон. Лидия Васильевна босьтö сийöс, личкö кнопка.

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да, давали объявление. Да, нужна репа. Привезёте? Бур, ждём. (*Телефонсö пунктö пызан вылö.*) Кутшöмкö Рафик. Сэтшöм öдийö звöнитисны!

ЗИНА. Ме жö шуи, öтуввезйыд – тайö вын!

Триньöбтö öдзöс звöнок. Лидия Васильевна восьтö. Пырö Рафик, киас ыджыд ящик.

РАФИК. Репу заказывали?

ЗИНА. Да, заказывали, спасибо!

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. ыджыд аттьö тэныд, муса пи. Татшöм ыджыд удж вöчин. Чöсмöдыштны кöсьян пöрысь мортöс.

РАФИК. Не стоит благодарности.

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Кызди нö не стоит? Тэ гоз-мöд час мысти пырав, ме тэнö паренчаөн верда. Кывтö ньылыштан!

РАФИК. Что такое – кывтö ньылыштан?

ЗИНА. Это значит, язык проглотишь.

РАФИК. А что такое паренча?

ЗИНА. У нас такое коми блюдо есть – паренча. Из репы. Очень вкусное. Приходите через пару часов, отведаете.

РАФИК. Я бы и не против. Тут в соседнем доме живу.

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Вот и приходите!

**Рафик петö, Лидия Васильевна Зинакöд бөрйысьöны ящикас.
Лидия Васильевна босьтö кык сёркни да нуö кухняö. Сэтысянь горöдö.**

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Зина! Тэ пырав жё паренчатё сёйны!
ЗИНА. Но матыстчыла. Өтнадтё тёдтём морткөд ог жё коль.

**Зина петё. Музыкальнөй кост. Лидия Васильевна пунктё пызан вылө сёян доз.
Триньөбтё өдзёс звёнок.**

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Пырөй! Восьса!

Пырөны Зина да Рафик.

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Пуксьөй пызан саяс, дона гөсьтъяс!
РАФИК. Как вкусно пахнет! Мёдом и травами.
ЗИНА. Смотрите, язык не проглотите.

Ставныс пуксьөны пызан сайё, заводитёны сёйны.

РАФИК. Очень вкусно. Чөскыд!

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Чөскыд, дерт. Водзті өд ставныс сёркни вылын олөмны. Быдсяма сёянсө кужлөмны сыысь вөчны. Сэсса Пётр Первөйыд тшөктөма картофель вөдитны, да йөзыслөн унатор вунөма. Но паренчатё коми мортыд вөчныд кужө на. Колө босьтны мича сёркни, кульны, шөравны неыджыд торъяс вылө, пусян доз пыдөсас кисьтыны кык-ө-куим пань ва (*унджык кө пуктан, лоас пуём сёркни, а оз паренча*), неуна слыштны да суйны духовкаө час да джын кежлө. Перйөм бөрас позьё содтыштны веж лук, укроп, мөс вый, переч. Медчөскыдыс, дерт, артмө, кор чугунын ыджыд пачын пөжан.

РАФИК. У меня есть небольшой ресторан восточной кухни. Я давно хотел что-то экзотическое в меню добавить. Паренча – это самое то!

ЗИНА. Ресторанад ми эг на вөлөй.

РАФИК. Вот визитка, приходите, угощу по-царски! И рецепт с собой прихватите!

Рафик петё, Зина лыддьё визиткасө.

ЗИНА. Рафик, ресторан «Солнечный Ереван». Тайө и вөлі мужичөйыд, кодөс картыд петкөдліс!

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. А озырлуныс?

ЗИНА. Эн тэрмась! Ставыс лоө ас кадө.

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Мый нө та мында сёркнинас вөчны? Рушмас өд шоныд патераад.

ЗИНА. Эн шогсьы. Ми сійөс вузалам!

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Кыдзи вузалам? Дареное не дарят!

ЗИНА. Эн рочась. Некөн абу шуөма, мый дареное не продают.

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. А кыдзи нө вузалам?

ЗИНА. Өтувез пыр. Час сетам объявленнө. «Продаю репу. 100 рублей штука. Обращаться...».

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Менсьым адрессө оз позь! Шуасны, мошенникъяс пө ми.

ЗИНА. Ме ассьым сета. Всё, гжи!

Зиналөн звөнитө телефон.

ЗИНА. Кывза тиянөс. Сёркни? Эм! Тиянлы кымын? Сө? Ог төд, лоас оз сымдаыс. Ми тиянлы

звönитлам. Но вот и озырлун, Лидия Васильевна!
ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Картыд тай оз сөр!

Джинн

Öти акта пьеса

Ворсысьяс:

Скөр Иван – ар 50-60 мужичöй

Джинн – бур вöчысь тун

Инна – лавкаын вузасьысь, ар 40

Тунлön кык отсасьысь

**Скөр Иван пырö гортас, перьялö пакетысь ньöбöмторьяс:
кык яблög, кык апельсин, лимон.**

СКÖР ИВАН. Кыдз шуасны, ЗОЖ – здоровый образ жизни! Кутам овны колана ногön.

Перйö мича вина штоп. Лыддьö этикетка вывсьыс.

СКÖР ИВАН. Джин. Важön нин ме татшöм юантортö эг видлы. Томдырсянь. (*Восьтö штопсö.*) Кöни нö кока румкаыс?

**Мунö мöд жырийö. Некымынысь куслö би. Тайö каднас кык морт нуöны сцена öтар
боксянныс мöдарас паськöдöм ковёр. Кор найö прöйдитöны, сцена вылас кольö
сулавы джинн.**

СКÖР ИВАН (*петö, киас румка*). Сöтанаясыд! Мый бара бинас ворсöдчöны? (*Аддзö джиннös.*)

СКÖР ИВАН. Тэ кодi? Кыдзи татчö веськалин?

ДЖИНН. Ме джинн. Сулеясыд петi!

СКÖР ИВАН. Кодi? Джын? Джон? Кутшöм сулея?

ДЖИНН. Ме петi эсийö мича турунвиж дозсьыс, кодi сулалö пызан вылад. Аттьö, мый тэ менö сэтысь лэдзин, бур морт Скөр Иван! Важön нин окота вöли сынöднас лолалыштны.

СКÖР ИВАН. Кытысь тэ тöдан, кыдзи менö шуöны?

ДЖИНН. Лавкаад Инна нима вузасьысь шуис нывъёртыслы: «Со видзöд, бара Скөр Иван локтö. Час кымын кутас вина гөгөр жöдзны. Ачыс оз тöд, мый сылы колö».

СКÖР ИВАН. Нинöм абусö мед оз сөр! Кор ме быдса чассö вина гөгöрыс жöдзи? Босьта дозсö дай пета!

ДЖИНН. Мый кыли, сийös и шуа. Менö тöрыт на вайисны тiян лавкаö, став нюанссö ог тöд.

СКÖР ИВАН. Он кö тöд, эн и сөр!

ДЖИНН. Ог жö сөр, а аттьöала тэнö мездöмысь, бур сёлöма морт Скөр Иван. Öни тэ верман висьтавы асьыд куим кöсийöм. Ме отсала збыльмöдны найös!

СКÖР ИВАН. Тэ вай, тöдтöм морт, полöкалö, пет татысь! Мун, кытысь воин!

ДЖИНН. Оз тай прёста тэнö Скөр Иванөн шуны!

СКӨР ИВАН. Тэныд меодз мыйся делö? Весась, кытчөдз полиция эг чукöст!

ДЖИНН. Ог, ме ог вермы весасьны аслам дозтöг!

СКӨР ИВАН. Тайö менам дозйыс! Ачым ньöби, ассьым съём сеті, ачым и юа. Со кутшöм сійö тэрыб! Халявщик!

Скөр Иван көсйö кисьтны румкаö вина, но дозйыс куш.

СКӨР ИВАН. Ак, тайö тэ куштін дозсö?! Тэ и ворсөдчин бинас? Пемыдас гынныктін, мед некод оз казав.

Скөр Иван көсйö суөдны джиннös, котралöны пызан гөгöрыс.

ДЖИНН. Сувт! Сконъясян! Усян!

Скөр Иван усьö.

СКӨР ИВАН. Кокös, тыдалö, музгыльті этійö полöкалö пондаыс...

ДЖИНН. Вай видзöдла.

СКӨР ИВАН. Эн матыстчы! Час полицияö звönита!

ДЖИНН. Телефоныд абу съöрсыйд.

СКӨР ИВАН. Тэ и телефонсö нöбалин? Тайö тэныд сідз прёста оз коль!

ДЖИНН. Шань морт Скөр Иван, вай дугды дурнытö. Висьтав куим көсйöм, и янсöдчам нэм кежлö.

СКӨР ИВАН. Вош татысь – менам медыджыд көсйöм!

ДЖИНН. А со тайöс ме вöчны ог вермы. Верми кө, важөн нин эськö пышйи татшöм лёка примитысь көзяинсьыд.

Скөр Иван пуксьö джек вылö, Джинн пуксьö жö. Пукалöны лöня.

СКӨР ИВАН. Вермас лоны, тайö менам йöйталан висьöм. Колö öвсьыны.

ДЖИНН. Лөньöдчы. Ме виччысьла.

Скөр Иван чеччыштö да кватитö Джиннös шошаöдыс. Көсйö шыбитны джек вывсьыс, но оз вермы весиг вештыштны. Бара усьö.

ДЖИНН. Скөр Иван, дугды нин сэсса тышкасьнытö, ме öд бур тун, сöмын суйöрсайса.

СКӨР ИВАН. И мыйла ме ньöби эсійö пез винасö?

ДЖИНН. Ме вöча тэнö шудаөн. Көсьян?

СКӨР ИВАН. Ог!

ДЖИНН. А озырөн?

СКӨР ИВАН. Ог!

ДЖИНН. А гашкö, тэ көсьян аддзывны Турция либö Китай?

СКӨР ИВАН. Мый ме сэні вошти?!

Олöны чöла.

ДЖИНН. Эн шогсьы, Скөр Иван. Унджык йöзыс оз тöдны, мый налы колö.

СКӨР ИВАН. Ме ог шогсьы.

ДЖИНН. Ме өд аддза.

СКӨР ИВАН. Көсья, мед менө дугдисны шуны Скөр Иванөн. Көсья, мед вөлі мир му пасьтала. И көсья гөтрасьны! Ставыс!

ДЖИНН. Тэнад зэв бур көсьйөмъяс, Иван. Сөмын миртө ме ог вермы козьнавы. Тайөс вермас вөчны куш Ен, кевмысь сылы. Нөшта өти көсьйөм тэнад кольө.

СКӨР ИВАН. Пенсияыс мед ставныслөн содас кык, куим пөв!

ДЖИНН. Ставныслы пенсиятө содтыны ог вермы. Сөмын тэныд.

СКӨР ИВАН. Кутшөмкө омөлик джинн тэ. Нинөм бурторсө он путьмы вөчны. Сулеяө сөмын пырны сямьд тырмө.

ДЖИНН. Мый, содта пенсиятө?

СКӨР ИВАН. Отнамлы кө, оз ков. Мед бурджык чаль чуньой бөр быдмас. Пилорама вылын томдырйи уджалігөн станокыс орөдліс.

ДЖИНН. О, тайөс зэв кокни. Ноко видзөдлы, местаас?

СКӨР ИВАН. О, сө дивө! Местаас! Важсьыс бур да мича! Атьө тэныд!

ДЖИНН. Немысь, бур морт Иван. Гөтрасьөм кузяыд сөмын колис көсьйөмьд.

Өдзөсас тотшкөдчөны. Джинн дзэбсьө пызан улас. Пырө Инна.

ИННА. Бур лун! Иван Семёнович, тэ магазинад телефонтө кольөмьд. Со вайи.

СКӨР ИВАН. Атьө, Инна. Прөйдит, шойччөдышт кокъястө. Көсьян кө, чайөн юктала.

ИННА. Ог, чайтө ог ю. А тайө джиныс нө чөскыд?

СКӨР ИВАН. Лавкаын уджалан да эн али мый видлы?

ИННА. Ставсө кө кута видлавны, дырсө ог ов.

СКӨР ИВАН. Ме чайта, татшөм бур аньлы дыр на колө овны.

ИННА. Пасибө бур кывъясьыд, Ваня.

Пукалөны лөня.

ИННА. Но ме либө мөдөдча. Эн нин телефонтө коль, кытчө оз ков.

СКӨР ИВАН. Эн тэрмась, Инна. Кыдзи тэ видзөдлан сы вылө, ме кө эськө бытьтө кора-ла тэнө?

ИННА. Мый?

СКӨР ИВАН. Пет ме сайө!

ИННА. Ме ог и төд.

СКӨР ИВАН. А мый он төд? Тэ өтка, ме өтка жө. Питө отлаын быдтам, кок йылас сувтөдам. А?

ИННА. Меным колө мөвпалыштны.

СКӨР ИВАН. Мөвпалышт! Сөмын эн дыр. Вит минут! Ме дырджыксө виччысьны ог вермы, сы понда мый...

ИННА. Мый?

СКӨР ИВАН. Ме тэнө радейта!

ИННА. Ваня, тэ меным кажитчан жө. Но мый йөзыс шуасны?

СКӨР ИВАН. Йөзлы веськодь. Ставныс асьыныс олөмсө келөны.

ИННА. Ме пола.

СКӨР ИВАН. Эн пов. Ставыс лоас бур. Ог сет тэнө некодлы өбөдитны.

ИННА. Бур, Ваня. Ме час удж вылө котөрта, а рытнас тэ мянө пырав.

СКӨР ИВАН. Локыла. Виччысь.

Инна мунö. Джинн петö пызан улысь.

ДЖИНН. Дона, пыдди пуктана Иван, ме чайта, мый воис кад меным пырны суляё.

СКÖР ИВАН. Кызди нö тэ сэтчö тöрдчан?

ДЖИНН. Битö кусöд!

**Скөр Иван кусöдö би. Тайö каднас джиннлөн отсасьысьяс нуоны сцена вывті
паськөдöм ковёр. Биыс ломзьö. Джинн да суляя вошöмаось.**

СКÖР ИВАН. Мый и вöлі тайö? Öти лунөн став олём вежсис!

Некогда из пьезы эскыны!

Öти акта пьеса

Ворсысьяс:

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ – мужичöй, ар 40 сайö.

КÖДЗЫД ПÖЛЬ

ЛЫМНЫВ

**Керкаын жыр. Пырö Антон Васильевич, матыстчö этажерка дорас, босьтö небöг,
лыддьысьö. Öдзöсас торкөдчöны.**

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Да-да, пырöй! Восьса!

Пырöны Көдзыд пöль да Лымныв.

КÖДЗЫД ПÖЛЬ. Видза оланныд!

ЛЫМНЫВ. Чолём!

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Кодöс ме аддза?! Кутшöм йöз!

КÖДЗЫД ПÖЛЬ. Зэв бур, мый тэ мянöс тöдмалін.

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Тянöс сьöкыд не тöдмавны.

ЛЫМНЫВ. Ми воим, медем сетны козин Антон нима детинкалы. Сийö тані олö?

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Оз. Миян некутшöм детинка абу. Ме тані ола. Канькөд.

КÖДЗЫД ПÖЛЬ. А каньтö оз Антонөн нимтыны?

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Мый ме, йöй, мед каньлы морт ним сетны?

КÖДЗЫД ПÖЛЬ (*Лымнывлы*). Ноко видзöдлы, оланінпасыс кутшöм.

ЛЫМНЫВ. Тайö Сьöd пипудзур улича?

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Да.

ЛЫМНЫВ. Витöd керка?

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Дзик сідз!

ЛЫМНЫВ (*Көдзыд пöльлы*). Сорсьöм оз вермы лоны!

КÖДЗЫД ПÖЛЬ. А тэнö кызди шуöны?

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Антон Васильевич Майбуров.

ЛЫМНЫВ. Да-да, тані сідзи и пасйōма! (Петкōдлō гижōд.)

КōДЗЫД ПōЛЬ. А мыйла тэ шуин, мый Антоныс тані оз ов?

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ті юалінныд детинка йылысь.

КōДЗЫД ПōЛЬ. Но тэ өд абу нывка!

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Абу эськō да. Но ме некутшōм козин ог виччысь.

ЛЫМНЫВ. Виччысянныд кōть он, а ми вайим. И талун жō тiянлы сетам.

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Мынтысьнытō оз ковмы?

КōДЗЫД ПōЛЬ. Оз, дерт! Ставсьыс мынтысьōма. Но дзик пыр козинсō огō сетō. Колō ставсō вōчны программа серти.

ЛЫМНЫВ. Медводз ті висьталанныд Кōдзыд пōльлы кывбур, сэссия тōдмаланныд нōдкывъяс, сьыланныд коз йылысь сьыланкыв. Та бōрын козиныс вуджас тiян киō.

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Тайō жō детсад!

КōДЗЫД ПōЛЬ. Тэ менō эн бōбйōдлы! Медводз пōрйōдлiн, мый тэ абу Антон, öнi он кōсйи овны традиция серти.

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Кōсья, кōсья... А кутшōм козин?

ЛЫМНЫВ. Тайōс ті тōдмаланныд помланьыс. Мōд ногон гажтōм лоас.

Антон Васильевич ышловзō.

КōДЗЫД ПōЛЬ. Заводитам?

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ме дась!

КōДЗЫД ПōЛЬ. Ме локтi тэ дорō, Антон, ылі муысь, кывлі, мый тэ зэв шаня олōмыд во чōж. Некодōс абу дōзмōдōмыд, абу öбōдитōмыд. Отсасьōмыд верстьōяслы, посни челядь-лы. Кань со босьтōмыд ывла вылысь.

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. А кань йывсьыс кысь тōданныд?!

ЛЫМНЫВ. Кōдзыд Пōльыд ставсō тōдō. Кывбуртō лыддьōй!

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Кутшōмōс?

ЛЫМНЫВ. Кутшōм кажитчō.

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ме сōмын Михаил Лебедевлысь тōда.

ЛЫМНЫВ. Скодитас! Колō сувтны джек вылō.

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. А татōг оз позь?

ЛЫМНЫВ. Эн вензōй! Миянōс уналаын на виччысьōны!

Антон Васильевич сувтō джек вылō.

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ.

Велōдчōй, челядь,

Югдōдōй юр!

Велōдчōм вайō

Тiянлы бур.

Понданныд тōдны

Быдсяматор:

Шондiыс, муыс

Лоōма кор;

Гожōмын мыйла

Гымалō гым;

Ар бōрын кытысь

Локталё лым...

КӨДЗЫД ПӨЛЬ. Ми зэв бура төдам, кытысь локталё лым. Лымнылыд сы йылысь унатор вермас висьтавны.

ЛЫМНЫВ. Зэв бур кывбур! Аттё, Антон Васильевич! А öнi лэччöй джоджас. Кутам төдмавны нөдкывъяс. Дасьöсь?

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Пыр дась!

ЛЫМНЫВ. Кывзöй!

Лыддьö нөдкывъяс*. Быд төдмалөм нөдкывйысь Көдзыд пөль сетö Антон Васильевичлы кампет.

1. Төвнас гидын сийö олö,
Гожөмнас пö жарысь полö.
Няйт гөптысь тэ сийöс корсь.
Кодi тайö? Тайö... *(Порсь)*.

2. Луннас сийö векджык узьö,
Садьмас мыйöн – мысьсьö-нювсьö.
Шыръяс кутавны зэв шань.
Тайö миян кысук... *(Кань)*.

3. Төвнас кыдзи муыс эжсьö,
Сидз жö куыс сылөн вежсьö.
Лоö лым кодь еджыд стöч.
Тайö кодi? Тайö... *(Кöч)*.

КӨДЗЫД ПӨЛЬ. Зэв төлка тэ, Антон...

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Васильевич!

ЛЫМНЫВ. А öнi колö сьывны!

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ог, сьывнытö ме ог куж! Да и козийд менам абу.

ЛЫМНЫВ. А ми со тайö быдмөгсö пуктам джек вылад. *(Босьтö пызан вывсьыс дзоридз кашник.)* Тайö лоас миян коз!

КӨДЗЫД ПӨЛЬ. Но кутчысям киясөн.

Көдзыд пөль, Лымныв да Антон Васильевич кытшлалöны джек гөгөр сьылигмоз.

Сэн вöрын чужис козпиыс

Да быдмис вояс чöж.

И төв, и гожөм сулалiс

Зэв статя, мича, веж.

Сэн турöб сьылис сьыланкыв:

«Тэ, козийöй, узь, бай-бай».

Да небыд лымнас шебрöдiс:

«Тэ эн жö кынмы вай!»

КӨДЗЫД ПӨЛЬ. Воис кад сетны козин!

ЛЫМНЫВ. Ура!

Көдзыд Пөль перйө мешөксыйс рамкаа сертификат, сетө Антон Васильевичлы.

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Тайө мый?

КӨДЗЫД ПӨЛЬ. Путёвка Таиландө!

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Сы ылна!

КӨДЗЫД ПӨЛЬ. Эн полөй. Ті лоанныд кыкөн.

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Кытысь ме аддза мөд мортсө?

ЛЫМНЫВ. Корсьны оз ков. Со гижөма: «Путёвка сетсьө Цыпанова Венера Венедиктовналы да Майбуров Антон Васильевичлы».

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Венера? Коді тайө? Ме сійөс ог төд! Төдтөм нывбабакөд ме некытчө ог мун!

КӨДЗЫД ПӨЛЬ. Аски сизим час асылын локтас автобус. Сэні лоасны Таиландө мунысьяс. На пиын и Венера Венедиктовна. Ті төдмасынныд и лоанныд төдсаөсь! Оз ков повны!

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Но менам весиг загранпаспорт абу!

ЛЫМНЫВ. Төрытсьянь Таиландад загранпаспортыд оз ков.

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Меным колө выль костюм!

ЛЫМНЫВ. Тіян шортыд эм? Сыысь кындзи сэн нинөм оз ковмы. Вывті жар Таиландад.

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. А кытчө ме коля Яшкаөс?

ЛЫМНЫВ да КӨДЗЫД ПӨЛЬ. Коді сійө?!

ЛЫМНЫВ. Ті жө шуинныд, мый оланныд өтнаныд?

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Кань!

ЛЫМНЫВ. Коді тай посводзад узьө? Ми сійөс босьтам сьөрысь. Кык вежонсө вердам, эн шогсьөй!

КӨДЗЫД ПӨЛЬ. Но ми сэссия мунам! Миянөс виччысьөны.

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Аттьө тіянлы. Бара волөй!

ЛЫМНЫВ. Волам, дерт! Бура асьтө петкөдлөй сөмын. Аддзысьлытөдз!

Көдзыд пөль да Лымныв петөны. Антон Васильевич кыскө чемодан.

Заводитө шыблавны сэтчө мый сурас ки улас, сэссия сувтө, мыйкө мөвпалө.

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Кыдзи нө тайө?! Мый нө тайө?! Аски Таиландө! А кутшөм нө аски лун?

Матыстчө нетшкан календар дорө, листыштө.

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ. Аски апрель мөд лун! А талун нө либө кутшөм лун? Да талун жө... Пөръясян лун! Лөсьыда жө менө көмөдісны! Часлы ме найөс суөда. Петкөдла налы Таиланд! Некодлы оз позь эскыны!

Котөртө өдзөслань.

*Нөдкывъясыйс да «В лесу родилась ёлочка» сьыланкыв комиөдөмыс Александр Уляшевлөн.

Бинго!

Пасьталі ыджыд воротника руд пальто да котөрөн петі ывлаө. Турөбө. Пемыдө. Сувті дзирья водзө да гораа чукөсті: «Би-и-инго! Би-и-инго!» Кывзышти. Кыліс сөмын төв шутьлялөмыс. Некутшөм мукөд шы эз өшйы көдзыд сынөдас. Эз кыв муса понлөн увтчөмыс. Коймөд лун нин сійө эз волы гортө. Вошис.

Лысытысьны петігөн мамө сідзи и шуис:

– Вошис миян Бингоыд. Көинъяс, пөди, сөйисны...

Көинъяс збыль чорыдалісны, жалиттөг кыскалісны сиктъясысь понъяссө. Вөлі шуоны, мый весиг и каньяс вошөны. Но ме эски, мый Бинго ловья, мый немтор лөкыс сукөд эз ло. Луннас некымынысь петалі ывлаө да корси сійөс.

Рытъя автобусөн локтіс кебраса бабуш. Вайис козинъяс, кампет да мандаринъяс: матыстчис Виль во. Ме висьталі бабушлы аслам шог йылысь. Пөч довкйөдлыштис юрас. Меститіс холодильникө сөян-юансө да шуис:

– Енмыс кө сетас, сюрас тэнад Бингоыд.

Асывнас, кор мамө эз на во скөтнөй дворысь, пырис сусед – Мишө дядь. Пөрччис шапкасө да радпырысь шуис:

– Чолөм, көзьякаяс! Талун аддзылі тіянлысь понтө. Джуджыс туйысь. Кык верст тасянь лоас. Тыдалө, машина таялөма. Куйлө канаваас да никсө, чеччынысө оз вермы. Гашкө, эськө и босьтчи кыскыны татчөдз, да эбөс абу... Неважөн на больничаясь лэдзисны.

Бабуш аттьөаліс Мишө дядьөс бур юөрысь да тшөктіс меным пасьтасыны. Ми перйим карта вылысь пу дадь. Бабуш шыбитіс дадь вылө важ шебрас. Мөдөдчим. Ылісянь нин ад-дзим ассыным еджыд поннымөс. Көні сійө куйлөма, лымйыс сылышөма да рудөдөма.

Бинголөн вөлі доймөмаөсь бөрья лапаясыс. Ме отсалі бабушлы лэптыны понйөс дадьө. Сэсся өтвылысь кутчысим гезйө...

Куим лун кежлө турөб дзебліс став матігөгөр мусө. Талун енежыс югдіс. Шонді югөрьяс улын дзирдалісны лымйөн тырөм видзьяс, вөр, чоййывса грездыс. Көдзыд сынөдсыс збо-дерман. Лов вылын лои кокни да долыд.

Гортын Бингоөс водтөдім пач дорө. Лунбыд эг и вешйыв аслам ёрт дінысь. Верді, малалі, юкталі ваөн. Кад коли да, Бинго кутіс чеччыны, а сэсся коркө воис и кад, кор ми сукөд котралім нин уличын.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
ГАЛЕРЕЯ
РЕСПУБЛИКИ КОМИ**

Надежда
БЕЛЯЕВА

Надежда Георгиевна Беляева – заместитель директора Национальной галереи Республики Коми. Окончила исторический факультет Сыктывкарского государственного университета. Сфера интересов – история коми изобразительного искусства.

«Парк культуры и отдыха, вход со стороны катка...»

Республиканский художественный музей и Коми отделение Союза советских художников изначально имели тесные связи. Оба были организованы во время войны, в 1943 году: в январе – Союз, а в декабре – музей (с 1994 года – Национальная галерея Республики Коми). Музей предполагался именно как хранилище и место показа произведений коми художников. Художники участвовали в выставках, руководили музеем и входили в комиссию по отбору работ для музея. Думается, причиной такого положения дел была малочисленность творческой интеллигенции в тот период: эвакуированные возвращались в освобождённые города, многие представители национальной элиты погибли на фронтах Великой Отечественной войны, кто-то подвергся репрессиям и находился в тюрьмах и лагерях.

Отношения музея и Союза художников в первое десятилетие их существования можно образно назвать «медовым месяцем», где Союз был ведущим, а музей – ведомым. Во многом такое положение дел сложилось благодаря человеку, который безмерно много сделал для становления коми изобразительного искусства – Валентину Викторовичу Полякову (1905–1974), художнику и культуртрегеру. Выдающийся организатор, он создавал изокружки, изостудии, руководил ими или преподавал. Проводил выставки. Инициировал оформление книг Коми книжного издательства, выпуск агитплакатов и агитокон. Объединил вокруг себя местных, эвакуированных и даже репрессированных художников, организовал Коми отделение Союза советских художников (и возглавлял его почти 20 лет), художественный музей, Товарищество художников. Консолидировал местные художественные силы, пестовал молодых и самодеятельных художников, вёл с ними тесную переписку, способствовал их обучению и продвижению. Благодаря В. В. Полякову художественные выставки в Сыктывкаре стали регулярными, с каждым годом включающими в себя всё большее количество мастеров со всех уголков республики.

Однако вряд ли он справился со всем этим без помощи и поддержки Серафимы Михайловны Поповой (1906–

1973), первого начальника Управления по делам искусств при Совнаркоме Коми АССР. Управление образовано в 1938 году, в 1953-м переименовано в Министерство культуры. До 1962 года С. М. Попова отдавала свои силы развитию культуры в республике. Благодаря её усилиям были созданы музыкальная школа, музыкальное училище, коми филармония, музыкальный театр, ансамбль песни и танца.

В. В. Поляков и С. М. Попова были ровесниками и земляками (оба жили в селе Серёгово), начинали активную общественную деятельность ещё у себя на малой родине и продолжили сотрудничество в Сыктывкаре. Во время войны В. В. Поляков являлся сперва инспектором Управления по делам искусств, а потом и заместителем Серафимы Михайловны.

Поддержал идею создания республиканского художественного музея и председатель Совнаркома Коми АССР Сергей Дмитриевич Турышев (1906–1974), продвигавший её в Москве. Для создания музея имелись две предпосылки: в краеведческом музее хранилось более 200 произведений искусства русского и зарубежного искусства (так называемая коллекция Д. Т. Яновича), а в Сыктывкаре в сороковые годы уже работал ряд профессиональных художников. Коллекция Д. Т. Яновича ютилась в небольшой комнате, не могла нормально экспонироваться. К тому же её передача будущему художественному музею освободила бы экспозиционное пространство для краеведческого музея.

Общими усилиями вопрос был решён: 4 декабря 1943 года вышло постановление местного Совнаркома № 947 за подписью Турышева «Об открытии в городе Сыктывкаре Государственной картинной галереи Коми АССР». В нём краеведческому музею предложено передать в галерею к февралю 1944 года коллекцию Д. Т. Яновича, за исключением предметов, размещённых в постоянной экспозиции, а Коми пединституту – предоставить

С. М. Попова. 1930-е гг.

В. В. Поляков. 1930-е гг.

соответствующее помещение. Однако ни то ни другое не было выполнено. Краеведческий музей относился к Наркомату просвещения, а художественный – к Управлению по делам искусств, и поэтому передачу коллекции отсрочили почти на 10 лет. Однако основной причиной стало отсутствие собственного помещения. И это было главной головной болью первых директоров художественного музея.

Штатное расписание предполагало всего две ставки – директора и счетовода-кассира. Первым директором стал Виктор Гаврилович Постников (1897–1957), приехавший в Сыктывкар в начале войны. Уроженец Архангельска, друг детства Бориса Шергина, он получил художественное образование в Строгановском училище, учился у В. Д. Фалилеева, работал в архангелогородских изданиях, организовывал областной Союз художников и был несколько лет его председателем, занимался графикой и живописью.

Считалось, что В. Г. Постников являлся директором художественного музея до 1946 года, однако недавно обнаружилось, что в 1945-м было как минимум ещё два руководителя, правда, на совсем уж короткий срок. Сохранился акт, по которому в сентябре 1945-го директор музея Иван Иванович Потолицын (1913–1978) – писатель, актёр, фронтовик – передавал работы художников Коми АССР, купленные для КРХМ, новому директору – Валентину Викторовичу Полякову.

Благодаря этому акту мы знаем, сколько было экспонатов в художественном музее спустя полтора года после его образования, ведь ранних документов не сохранилось. Осенью 1944 года в музей поступили произведения с выставок Союза художников, при этом две трети экспонатов составляла графика.

В. Г. Постников, большой любитель старины, запечатлевал уютные уголки деревянного Сыктывкара и его окрестностей. В собрание музея приобрели его графические листы, выполненные в 1942–1944 годах сангиной, гуашью, тушью: «Летний вечер», «Март», «Иней. У книжного киоска», «Улица Орджоникидзе», «Вечер на Береговой улице», «Вечер за городом», «Сороки», «Деревенский пейзаж», «Усть-Кулом».

Творчество В. В. Полякова было представлено титульным листом к «Калевале» и альманаху «Север» (1920-е годы), иллюстрацией «Дьякон-провокактор» к книге Константина Коничева «Полицейское подполье» о событиях в Нювчиме в годы первой русской революции (1935), эскизами обложек к книгам, выпущенным в Коми Госиздате во время войны: «Би» («Огонь») Анри Барбюса и «Еджыд во» («Белый год») Ильи Пыстина, а также листом «Строятся шахты в тундре» из воркутинской серии 1944 года.

У Михаила Павловича Безносова (1910–1988) закупили пятнадцать произведений графики: обложки к книгам «Басни» Ивана Крылова, «Андрей Кожухов» Сергея Степняка-Кравчинского, иллюстрации к книге Василия Юхнина «Алая лента», зарисовки «Лесозавод», «Учащиеся на субботнике», «Русанов-лесоруб» и пр.

Скульптуры и декоративно-прикладного искусства в первых поступлениях в музей не было вовсе, как, впрочем, и мастеров этих видов изобразительного искусства в Сыктывкаре того периода. Живопись представлена четырнадцатью произведениями Николая Лукьяновича Жилина (1913–2000). В эти годы Н. Л. Жилин создал целую портретную галерею знатных людей республики. Все персонажи были орденоносцами, героями войны или труда; их список утверждался наверху («Портрет лесоруба П. Пархачевой», «Портрет первого бурового мастера И. И. Косолапкина», «Портрет Ф. А. Торопова»). За персонажами стоят судьбы людей, так или иначе связанных с военным временем, с фронтом или тылом. Так, «Портрет Ф. А. Торопова» показывает нам известного учёного: радиохимик, выпускник Бернского университета Фёдор Александрович Торопов попал в Коми край в 1930 году в составе Ухтинской экспедиции ОГПУ. В 1932-м его освободили досроч-

но, назначили начальником центральной химической лаборатории и одновременно главным технологом радиевого завода. С его именем связано развитие водного промысла в Ухте. В 1943 году, когда был написан портрет, Ф. А. Торопову вручили орден Ленина. А в 1947-м он стал лауреатом Сталинской премии за разработку нового метода извлечения радия из минеральных вод.

Н. Л. Жилину также принадлежали этюды, выполненные маслом в Самарканде во время эвакуации Суриковского института, где он учился, а также этюды, созданные во время поездки в Воркуту в 1944 году («Шахта», «Плотина на реке Воркуте», «Терриконик», «Тучи над тундрой»). Особняком стоит портрет «Девушки на пленэре», выполненный в светлых, лёгких тонах свободными мазками – за подобную склонность к импрессионизму Н. Л. Жилина во времена ждановской кампании не один раз высекут, обвиняя в формализме и идолопоклонстве перед Западом.

Закупали у художников отнюдь не каждую работу: надо было пройти достаточно строгий отбор. Известно два источника поступления: комиссия по отбору работ для РХМ при Управлении по делам искусств Коми АССР и художественный совет при Бюро Союза советских художников. Но наполовину они состояли из одних и тех же людей. В первые годы существования музея в комиссию по отбору работ входили: начальник Управления по делам искусств республики С. М. Попова, председатель ССХ В. В. Поляков, театральный художник В. А. Баусов, директор музея В. Г. Постников, представители Союза художников М. П. Безносков и Н. Л. Жилин. А в художественный совет ССХ – представитель обкома партии, уполномоченный органа цензуры – Главрепеткома и уже знакомые нам В. В. Поляков, В. Г. Постников и Н. Л. Жилин.

Персональная выставка Н. Л. Жилина. 1948. Слева направо: П. М. Митюшев, В. В. Поляков, В. Г. Постников, М. П. Безносков, Н. Л. Жилин.

В 1946 году в фонды музея закупили на 15 тысяч рублей произведений В. В. Полякова, В. Г. Постникова, Н. Л. Жилина, П. М. Митюшёва, а также репрессированных художников из Абези и Воркуты, которые при содействии В. В. Полякова смогли участвовать на республиканских выставках первых послевоенных лет, – В. И. Прокошева, А. М. Комарова, Л. Н. Рыминского, К. К. Пантелеева, А. С. Кузнецова. Благодаря этому сейчас мы можем увидеть окрестности лагерей ГУЛАГа глазами бывших его узников.

В первые годы существования музея было только одно поступление произведений искусства из центра. Осенью 1944 года В. Г. Постников привёз из Москвы 8 экспонатов из закупочного фонда Управления по делам искусств при Совнарком РСФСР – произведения «На Волге. Баржи» и «Старик» Иллариона Прянишникова, «Пейзаж» Владимира Маковского, «Старуха» Андрея Рябушкина, этюд к картине «В лесу. Памяти Стефана Пермского и других просветителей инородцев» Сергея Иванова, акварель «Конюшня на постоялом дворе» Николая Сверчкова, «Кавказский пейзаж» Евгения Лансере, а также «Натюрморт с сельдью» неизвестного голландского мастера XVII века. Всего по состоянию на сентябрь 1945 года в фондах музея числилось всего 59 экспонатов: 51 произведение коми искусства, 7 – русского и 1 – западноевропейского. Центр был готов передавать следующие партии картин, но из-за отсутствия помещения этого не произошло. Более того, подумывали отобрать и передать другим музеям уже присланные работы.

Документация в музее вначале толком не велась (не хватало компетентности, знаний по музейному делу, опыта, а также помощи и контроля вышестоящих органов), поэтому книга поступлений появилась только в 1948 году. Под первым номером в ней записана работа А. П. Рябушкина «Старуха», далее – оставшиеся семь работ, привезённых из Москвы, а первым экспонатом местного автора была картина самого В. Г. Постникова – «Подвиг Василия Кислякова», уроженца коми земли, первого Героя Советского Союза на Северном флоте. Это одна из самых ранних живописных работ (1942), созданных во время войны и показанных на первых художественных выставках Союза художников Коми Республики.

Чем занимался музей, у которого не было своего здания? Передвижными выставками на основе имевшихся произведений. Первые выставки прошли как в самом Сыктывкаре, в помещении драмтеатра, в шахматном павильоне в Парке культуры и отдыха им. С. М. Кирова, так и в окрестностях столицы. Осенью 1946 года жители Тентюкова, Вильгорта и деревни Чит увидели выставку, организованную музеем и Союзом художников, представлявшую 40 работ живописи и графики коми мастеров карандаша и кисти, а также репрессированных художников из Абези и Воркуты, участвовавших в республиканских выставках 1945, 1946 годов. Выставка вызвала большой интерес, зрителям «ужасно нравились» большие картины: «Подвиг В. Лобанова» В. В. Полякова, «Зверства немцев» П. М. Митюшёва, «Станция Котельная» В. И. Прокошева. Один из посетителей написал в книге отзывов: «Музей очень мича [красивый – прим. авт.], но картин этша [мало – прим. авт.]». Нововведение публике пришлось по душе, и она просила и впредь привозить подобные выставки почаще.

В мае 1948 года передвижная выставка проплыла на агитпароходе «Пролетарий» по Вычегде – от Усть-Кулома до Усть-Выми. А в ноябре того же года проехала по Северо-Печорской магистрали, побывав в Княжпогосте, в Ижме (ныне Сосногорск), Абези, Инте. Посетителям была предоставлена возможность посмотреть в лагерях работы репрессированных художников, незадолго до этого отбывавших наказание в этих местах заключения. На выставке побывали более трёх тысяч человек.

Начиная с 1949 года, передвижные выставки стал проводить только художественный музей. Это были уже другие, более суровые времена: работы репрессированных ху-

дожников убрали подальше в запасники. Выставки прошли в Корткеросе, Усть-Куломе, Помоздине, Сторожевске, Княжпогосте, Микуни, Ношуле, Читаеве, Черныше. Наравне с оригинальными работами коми художников показывали и репродукции с картин известных русских художников из Третьяковки, Русского музея – многие видели эти картины впервые. Передвижные выставки проводились и после того, как у музея появилось своё здание, став первостепенной формой знакомства жителей республики с изобразительным искусством, а потом и средством идеологического просвещения масс.

В первые годы директора часто сменялись: редко кто занимал руководящее место более полутора лет, чаще всего несколько месяцев. Большинство директоров были художниками, при первом удобном случае избавлявшимися от бюрократической обузы. До 1953 года в этой ипостаси побывали Василий Георгиевич Игнатов (1922–1998), Павел Степанович Юркин (1923–?), Пётр Данилович Ямаев (1922–?). Помимо того, что они являлись художниками, их объединяло и участие в войне. Ещё один интересный факт: в первые годы существования музея руководили им в основном мужчины, а с 1953 по 1990 год – исключительно женщины.

С января 1946 по ноябрь 1947 года директором художественного музея работал Николай Егорович Латкин, который решил проблему с помещением, проявив при этом недюжинное упорство. Он бомбардировал письмами Сыктывкарский городской совет депутатов трудящихся, Совет Министров Коми АССР и обком ВКП(б), депутатов Верховного Совета СССР, местную прессу и газету «Правда». Н. Е. Латкин писал во все инстанции, сетовал, что картины раскиданы по разным местам – в Управлении по делам искусств, драмтеатре, музыкальном училище, краеведческом музее и даже дома у художников. Угрожал, что музей расформируют и картины изымут. Начальство, в свою очередь, перебирало варианты. Предлагалось несколько помещений (бывшего архива на ул. Интернациональной, Осоавиахима на ул. Куратова, Северного геологического управления на ул. Бабушкина), но всякий раз по разным причинам переезд срывался.

Н. Е. Латкин решил: раз не получается найти готовое помещение, то надо построить специализированное здание с нуля. Сохранился набросок чертежа будущего «храма искусства». Характерно, что в двухэтажном каменном здании задумывалось соединить художественный музей и Союз художников, у которого также на тот момент не было своего помещения. На первом этаже вокруг фондохранилищ шли анфиладные залы с экспозициями: осмотр начинался с народного искусства, потом шли коми графика и живопись, а заканчивалось всё русским и западным искусством (порядок, диаметрально противоположный современным экспозициям). На втором этаже Н. Е. Латкин предполагал разместить мастерские и выставочный зал Союза художников, изостудию и реставрационную мастерскую.

Усилия Н. Е. Латкина и С. М. Поповой не прошли даром. В июне 1947 года Совет Министров Коми АССР распорядился передать художественному музею в аренду жилой двухквартирный дом, принадлежащий Уполсоюзгосплана в парке им. С. М. Кирова. Дом привезли в 1946 году в разобранном виде из Княжпогостского района для масштабной выставки, приуроченной к 30-летию республики. Он был создан на одном из производств Северо-Печорского железнодорожного лагеря и собран в парке за два дня как пример достижений местного строительства. Находился он на спуске к перевозу по ул. Орджоникидзе. Спустя год после выставки дом так и стоял недостроенным. Городские власти выделили 15 тысяч рублей, и после небольшого ремонта художественный музей наконец обрёл крышу над головой. Здесь он просуществовал до 1962 года, до того времени, когда музей переехал на Коммунистическую, 6, в здание Обкома ВЛКСМ, а деревянный домик в парке снесли.

Старое здание мы можем увидеть на этюде Н. Л. Жилина «Домик» (1948). С виду это был обычный леспромхозовский дом на две семьи, с двумя крыльцами. Общая площадь составляла 113 квадратных метров, выставочное пространство, в разные годы – от 64 до 80 квадратных метров. В одной комнатухе площадью всего 7,5 квадратов располагалась канцелярия; здесь же проживала уборщица, по совместительству сторож.

Музей отапливался четырьмя печками. В сметах того времени любопытно читать про статью расходов на отопление: закупку дров, их перевозку, выкатку, раскряжовку, разделку на швырок и заточку пил. Как, впрочем, и про канцелярские принадлежности – перья и чернильный порошок, давно ушедшие в небытие.

Определились с ценами на входные билеты: рабочим и служащим – 1 рубль, студентам – 50 копеек, школьникам – 30 копеек, стоимость экскурсионного обслуживания – 12 рублей. Эти цены продержатся долго – до денежной реформы 1961 года.

В музее существовало 6 залов – маленьких комнаток с низким потолком. Смотреть большие работы было проблематично – приходилось искать точку, чтобы охватить взглядом всё полотно. При экскурсии с количеством участников до 25–30 человек буквально шагу некуда было ступить. В таких условиях 7 ноября 1947 года состоялось публичное открытие художественного музея – выставкой, посвящённой 30-летию Октябрьской революции.

На выставке представили живопись и графику – более 100 работ. Выпустили каталог, составленный В. Г. Игнатовым, впоследствии известным художником и мультипликатором. Среди участников выставки были как сыктывкарские художники М. П. Безносков, Н. Л. Жилин, В. Г. Игнатов, П. М. Митюшёв, В. В. Поляков, В. Г. Постников, так и репрессированные А. М. Комаров, К. К. Пантелеев, В. И. Прокошев, Л. Н. Рыминский. Выставлялись в основном работы, созданные в военные и первые послевоенные годы и уже закупленные в фонды музея. Так, многие репрессированные художники к этому времени уже отбыли свои лагерные сроки и уехали из республики. Среди экспонатов преобладали этюдные пейзажи, портреты передовиков Коми края, но были и новые большие полотна с актуальной тематикой: композиции Н. Л. Жилина «Жатва», В. Г. Постникова «На лесозаготовках», живописный пейзаж В. В. Полякова «На Севере», работа П. М. Митюшёва «Заполярная кочегарка», созданная им по итогам поездки в Воркуту.

Именно в это время перед художниками республики стояла конкретная задача – наполнить фонды музея произведениями актуальной тематики. Сохранился любопытный документ с темами картин, «приобретение которых желательно в 1946–1947 годах художественным музеем:

На лесозаготовках: а) должна быть отражена наиболее передовая техника... б) новый быт на лесозаготовках.

На сплаве: а) в пейзажном варианте желательно отражение своеобразной красоты пейзажа наших рек с плывущими по ним плотами (белая ночь).

Колхозное: а) работа в колхозе, уборка урожая или молотба в дни войны или теперь... должны быть отражены применения... сельскохозяйственных машин. б) праздник в коми колхозе... Надо показать радость лучшей колхозной жизни. Различные типы наших колхозников (молодёжь, бывшие фронтовики, женщины, старики, ребята), их характеры. Если действие развёрнуто на улице, то надо показать красоту северного коми пейзажа. Если же в избе – то особенности архитектуры и быта коми.

Новый север: а) северная нефть. Тема, связанная с бурением или отправкой эшелона нефти. Пейзаж с нефтяными вышками в лесу. б) Заполярная Воркута. Отражает эпизод из создания заполярного угольного бассейна. в) новый пейзаж коми... в который вошло но-

вое: нефтяные вышки, железные дороги или новые индустриальные города, посёлки, МТС [машинно-тракторные станции – прим. авт.], колхозы.

Новая жизнь. Весна, молодёжь. Радость новой расцветающей жизни.

Отечественная война. Эпизоды из подвигов героев Коми».

Художники распределяли эти темы между собой, чтоб не было повторений. Государственный заказ проплачивался авансом. По мере готовности художники выносили картины на суд Художественного совета, выслушивали критику, вносили правки. Зачастую критика касалась не колорита или композиции, а тематики и идеологически неверных деталей. К примеру, Н. Л. Жилину ставили на вид засилье ручного труда в композиции «Жатва». Живописец добавил небольшое изображение комбайна вдалеке. Худсовет был этим не вполне удовлетворён, но всё же картину принял. Бывало, что картину вовсе отвергали, и художнику приходилось давать вместо неё другую или возвращать аванс.

Лёгкая послевоенная анархия в музее сохранялась: местные художники чувствовали себя здесь как дома, могли без разрешения зайти в зал и забрать свою работу. Некоторые произведения были разбросаны по городу, ютились в Управлении, драмтеатре, музыкальном училище, краеведческом музее или у художников дома. Неудивительно, что несколько первых экспонатов утрачены и заменены художниками на аналогичные или авторские повторения.

Книгу приказов в музее завели только в 1947 году, через 4 года после организации. Книга поступлений появилась в 1948-м, тогда же стали составлять годовые отчёты. Нововведения были связаны с именем Марии Степановны Белых (1921–1995), супруги актёра, режиссёра и драматурга Н. М. Дьяконова. Она руководила художественным музеем дважды: в 1948–1950-е и 1958–1959-е годы.

Несмотря на появившееся собственное здание, музей продолжал делать упор на передвижные выставки. Например, в 1949 году, к 70-летию «вождя всех времён и народов» провели выставку «Жизнь и деятельность товарища Сталина» в фойе драмтеатра. На ней были представлены 16 произведений живописи и графики трёх художников – Н. Л. Жилина, В. Г. Постникова и П. М. Митюшёва. Пантелеймон Михайлович Митюшёв написал большое полотно «Сталин и Ленин в Разливе», запечатлев встречу, которой на самом деле не было.

В. В. Поляков на выставке, посвящённой 70-летию И. В. Сталина. 1949

В. Г. Постников и Н. Л. Жилин предвременно побывали в командировке в Сольвычегодске – месте ссылки Сталина в 1908–1910 годах. Н. Л. Жилин привёз несколько этюдов с видами провинциального городка, об исторической значимости которого говорили длинные, трескучие названия, например, вид водоёма назывался «Солёное озеро в Сольвычегодске, где политические ссыльные устраивали демонстрации».

В. Г. Постников создал целую серию из шести графических работ: «Дом Кузаковой, где жил в ссылке товарищ Сталин» (сейчас она называется более обтекаемо: «Дом в Сольвычегодске»), «Комната Сталина в Сольвычегодске», «Двор и вход в музей Сталина в Сольвычегодске», «Служка полицейских за квартирой товарища Сталина в Сольвычегодске», «Сталин пишет письмо Ленину из сольвычегодской ссылки» и «Сталин на берегу реки Вычегды беседует с рыбаками». За эту серию В. Г. Постников на Всесоюзном конкурсе Художественного фонда СССР получил третью премию. Работы сразу же закупил художественный музей, а графический лист «Сталин пишет письмо Ленину» широким жестом был преподнесён Иосифу Виссарионовичу в день его 70-летия вместе с другими подарками от трудящихся Коми АССР. Пришлось В. Г. Постникову делать авторское повторение этой работы для музея.

Передвижными были и первые персональные выставки коми художников – Н. Л. Жилина в 1948-м в шахматном павильоне парка и В. В. Полякова в 1950-м в фойе драмтеатра. Рост числа передвижных выставок (а их иногда было более 20 в год) подтолкнул к тому, что художников стали нанимать в качестве их директоров: они занимались оформлением работ, перевозкой, развеской, продажей билетов и политико-просветительской работой (вели экскурсии, устраивали беседы, просто общались с посетителями). В пятидесятые годы сохранялась практика «литовать» передвижные выставки: списки работ проходили цензурный контроль в Главлите. Но это не помешало им завоёвывать новые локации города и республики: они размещались в театре, пединституте, педучилище, сельхозтехникуме, школах, клубах, правлениях колхозов, на избирательных участках и заводах. Основными темами таких выставок были соцреализм, творчество советских художников и особенно – Лениниана.

Второй главной задачей музея являлась лекционная работа. Читать лекции в музее было невозможно из-за тесноты, и лекторы шли в народ. Занимались этим и сотрудники музея, и художники. Большим спросом пользовались выступления В. В. Полякова.

В самом музее с работой справлялись три человека: директор, счетовод-кассир и сторож-уборщица. Иногда кассир или уборщица выполняли роль хранителя залов. А директор сочетал в себе и завхоза, и подсобного рабочего, и экскурсовода, и научного сотрудника, и лектора, и экспозиционера.

В 1952 году произошла долгожданная передача коллекции русского и западноевропейского искусства из Республиканского краеведческого музея. Это были предметы Государственного музейного фонда в Москве, переданные в 1926-м и 1928-м годах областному музею при содействии Даниила Тимофеевича Яновича (1879–1940). Поступило 261 произведение живописи, графики, прикладного искусства. Среди них – царские портреты, работы И. К. Айвазовского, В. А. Тропинина, А. И. Куинджи, А. К. Саврасова, С. В. Иванова,

Персональная выставка Н. Л. Жилина.
Шахматный павильон. Сыктывкар. 1948

П. В. Кузнецова, А. Бирштадта, А. Калама и многих других. Однако музей не мог вместить эти работы из-за отсутствия фондохранилища, и коллекция Д. Т. Яновича продолжала храниться в краеведческом музее или, позднее, на одном из этажей недавно построенного здания Ленинской библиотеки. Работы из этой коллекции выставлялись на сменных экспозициях в художественном музее и на других площадках города.

Но был один раздел коллекции, который мало кто видел до самого начала перестройки, – русский авангард. Ещё помнился случай с директором краеведческого музея Георгием Афанасьевичем Старцевым в 1936 году. Коллекция Д. Т. Яновича экспонировалась тогда в бывшем Сухановском доме, в том числе и «работы футуристов». Одна из них показалась члену комиссии крайкома особо антихудожественной. Г. А. Старцев картину снял, но всё равно получил выговор, а потом как «двурушник, троцкист и буржуазный националист» был исключён из партии и репрессирован.

После этого авангард прятали в запасниках, не показывали на выставках, не указывали в каталогах, но его сохранили в полном объёме. К чести сыктывкарских музейщиков надо сказать, что во многих музеях страны от подобных произведений избавились. А Национальная галерея обладает замечательными и редкими полотнами русского авангарда, такими, как «Голова» Василия Чекрыгина, «Натюрморт» Алексея Моргунова, «Беспредметность» Михаила Матюшина, «Праздник» Константина Медунецкого, «Ленинский натюрморт» Александра Куприна.

До 1953 года в собрании музея не было произведений скульптуры. Просто потому, что не было скульпторов. Пробовали себя в этом виде искусства и Сергей Добряков, и Пантелеймон Митюшёв, и Пётр Ямаев. Но по-настоящему коми скульптура началась с приездом молодых специалистов, выпускников художественных заведений – Тамары Краевой, Юрия Борисова и Владислава Мамченко. Появляются первые скульптуры на художественных выставках, в городе, в фондах художественного музея.

С середины пятидесятых годов за счёт централизованных передач из Министерства культуры РСФСР, Управления «Росизопропаганды» стала формироваться коллекция советского искусства. Художественный музей обрёл произведения классиков отечественной живописи и графики: Кукрыниксов, К. М. Максимова, М. А. Бирштейна, В. Н. Горяева, Е. Е. Моисеенко, Б. В. Иогансона, А. Ф. Пахомова, Е. А. Кибрика и многих других.

Собрание республиканского художественного музея увеличивалось, а помещение оставалось прежним. Пришлось закрыть два зала под фондохранилище. Постоянной экспозиции и отдельного выставочного зала не существовало: экспозиция менялась полностью, иногда 4–5 раз в год. В залах было тесно и темно, давили низкие потолки. Печи топить стало небезопасно – крошились кирпичи, трескалась штукатурка. Здание стояло в стороне от людских потоков, имело невзрачный вид. Трудно было заподозрить в нём культурное учреждение. На афишах приходилось писать, как его найти: «Парк культуры и отдыха, вход со стороны катка».

Стационарные экспозиции музея посещались зрителями не очень охотно. Интерес вызывали, пожалуй, только привозные выставки: в 1949-м и 1955-м – из Государственного Русского музея, в 1956-м – из Государственного музея палехского искусства и Научно-исследовательского института художественной промышленности. В 1959-м сначала в музее, а потом в клубах и на предприятиях города и окраин Сыктывкара показали выставку репродукций картин из личной коллекции президента Индонезии доктора Сукарно. Экзотические картины пользовались большим успехом.

Коллекция художественного музея увеличилась в разы, возник вопрос о ставке научного сотрудника: Министерство культуры РСФСР требовало отчётов об инвентаризации

музейных коллекций, их каталогизации, пропаганде изобразительного искусства. Первым научным сотрудником художественного музея стала в 1957 году Тамара Павловна Зайцева (Шуктомова), параллельно она исполняла обязанности главного хранителя. К сожалению, кроме того, что Т. П. Зайцева была выпускницей Коми пединститута, пока ничего не известно. В это же время появился и хранитель залов, мы знаем только её фамилию – Королёва. Однако обе ставки убрали «из списочного состава» в 1961 году «в связи с изменением масштаба цен».

Во второй половине пятидесятых годов фонды музея были пересмотрены. Возможно, это связано с XX съездом КПСС, хотя нельзя исключать и насущную потребность разгрузить запасники. В документе этой ревизии сказано: «В фондах музея хранится ряд произведений местных художников, сохранение которых желательно в основном музейном фонде, но вместе с тем имеется определённое количество работ, не имеющих музейного значения и приобретённых в музей вследствие того, что разные приёмочные комиссии, просматривая работы местных художников... не всегда достаточно требовательно подходили к их отбору (в особенности в первые годы существования художественного музея)». Просмотрев имеющееся собрание коми искусства, комиссия разделила все экспонаты на три группы: лучшие оставила в основном фонде, остальные – перевела в передвижной фонд для передачи сельским музеям, а часть работ и вовсе рекомендовала к списанию. И опять же, благодаря музейщикам, вопреки всему большинство работ сохранились. Многие произведения, рекомендованные к переводу в передвижной фонд, ныне экспонируются в постоянной экспозиции галереи и широко используются во временных выставках и публикациях галереи. А работы, которые предлагалось списать, вызывают неизменный интерес исследователей как исторический документ эпохи.

Так начинал свою деятельность Художественный музей Коми АССР. В 1945 году у него не было своего здания, в коллекции числилось всего полсотни произведений. Сейчас Национальная галерея Республики Коми насчитывает более 10 тысяч экспонатов и располагается в одном из самых красивейших зданий Сыктывкара – здании бывшего духовного училища, построенного в позапрошлом веке, оставаясь единственным художественным музеем региона.

Айвазовский И. К.
Закат на море. 1856
Холст, масло. Из коллекции НГРК

Иванов С. В.
Обратные переселенцы. 1888
Холст, масло. Из коллекции НГРК

Рокштуль А. Г.
Портрет Александра II. 1865
Бумага, акварель. Из коллекции НГРК

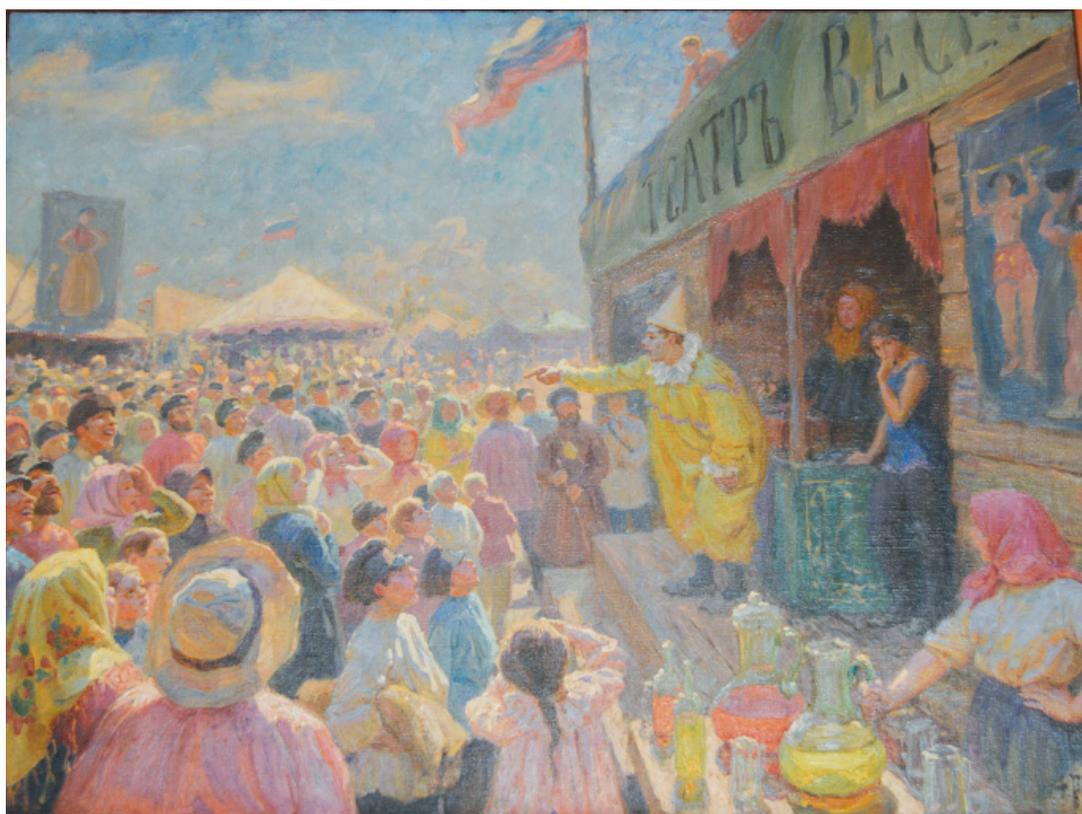
Заболотский П. Е.
Девушка с папироской. Сер. XIX в.
Холст, масло. Из коллекции НГРК

Неизвестный художник
первой половины XIX в.
Портрет Павла I.
Холст, масло. Из коллекции НГРК

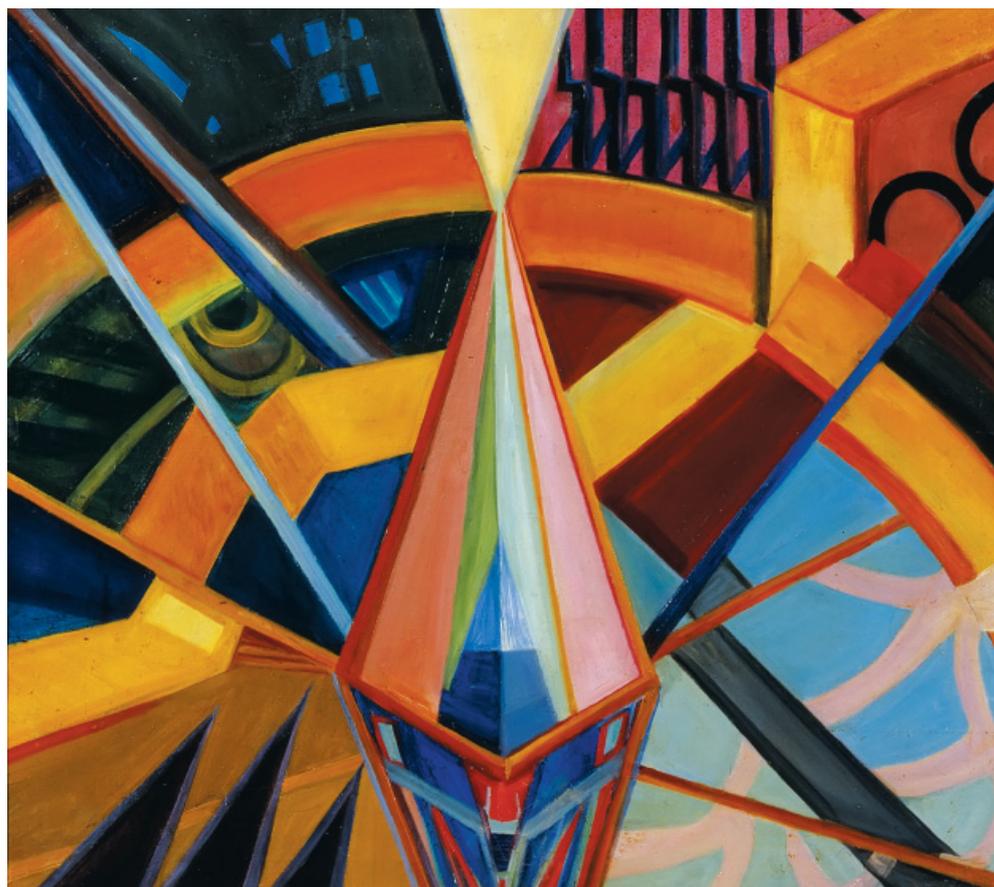
Неизвестный художник.
Натюрморт с селёдкой.
Холст, масло. Из коллекции НГРК

Рерберг Ф. И.
Ярмарка. 1903
Холст, масло. Из коллекции НГРК

Саврасов А. К.
Лето. Пейзаж с группой деревьев. Вторая половина XIX в.
Холст, масло. Из коллекции НГРК

Матюшин М. В.
Беспредметность. 1915–1917
Холст, масло. Из коллекции НГРК

Медунецкий К. К.
Праздник. Ок. 1921
Холст, масло. Из коллекции НГРК

Куприн А.В.
Ленинский натюрморт. 1927
Холст, масло. Из коллекции НГРК

Пантелеев-Киреев К. К.
Полубункер. 1945
Холст, масло. Из коллекции НГРК

Митюшѳв П. М.
Сталин и Ленин в Разливе. 1949
Холст, масло. Из коллекции НГРК

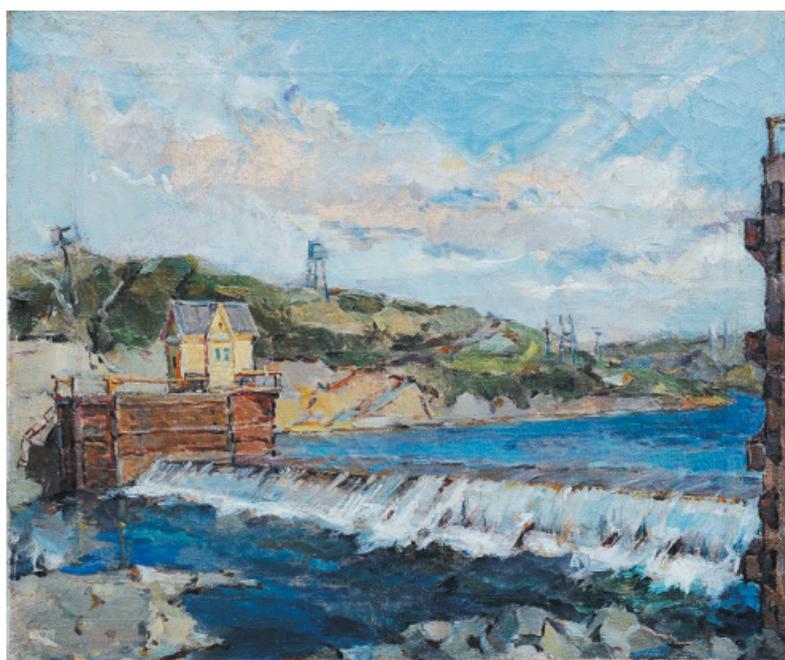
Иогансон Б. В., Бренайзен М. И.
Выступление В. И. Ленина на III съезде комсомола. 1951–1952
Автолитография. Из коллекции НГРК

Постников В. Г.
И. В. Сталин на берегу Вычегды беседует с рыбаками. 1949
Бумага, гуашь, сангина. Из коллекции НГРК

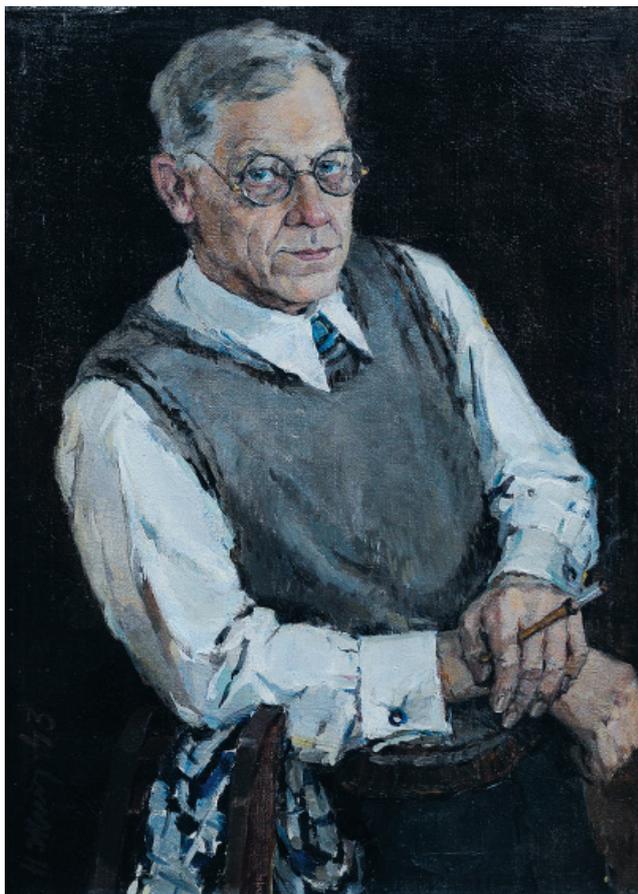

Постников В. Г.
Сталин пишет письмо Ленину из Сольвычегодской ссылки. 1949
Бумага, уголь, сангина. Из коллекции НГРК

Жилин Н. Л.
Плотина на Воркуте. 1944
Картон, масло. Из коллекции НГРК

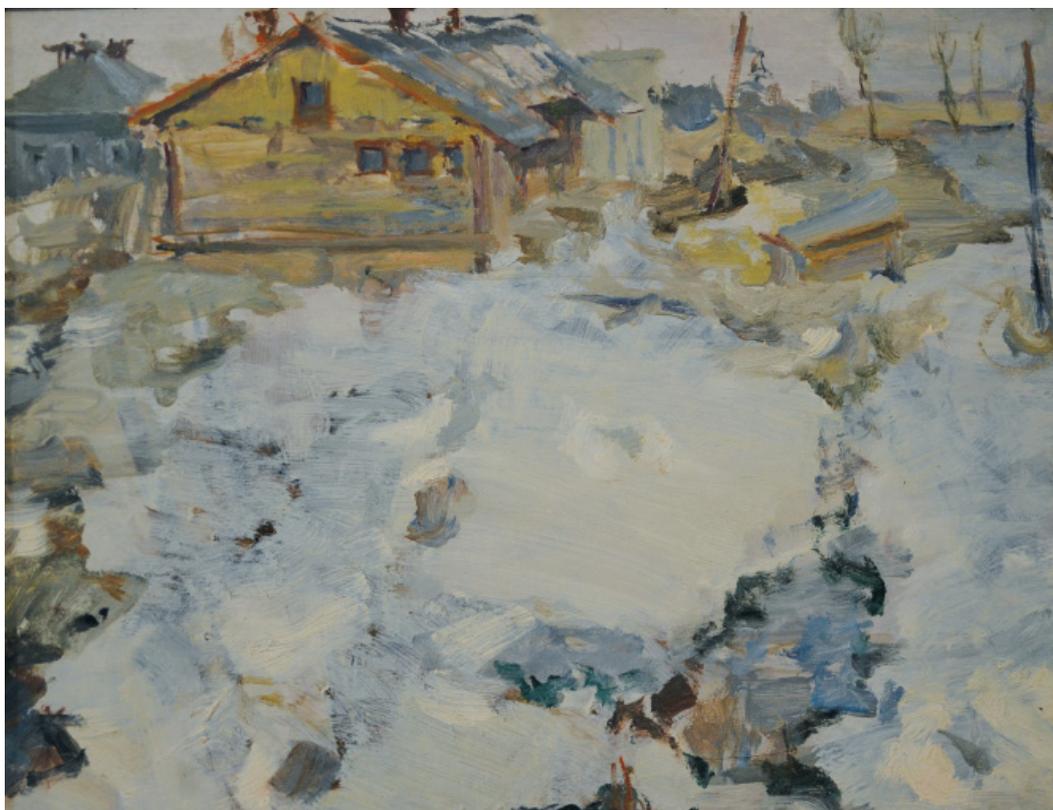
Игнатов В. Г.
Портрет художника В. В. Полякова. 1948
Холст, масло. Из коллекции НГРК

Жилин Н. Л.
Портрет заслуженного деятеля науки и техники Фёдора
Александровича Торопова. 1943
Холст, масло. Из коллекции НГРК

Постников В. Г.
Бабушкинский избирательный участок. 1946
Бумага, карандаш, сангина. Из коллекции НГРК

Жилин Н. Л.
Домик (художественный музей). 1948
Картон, масло. Из коллекции НГРК

Рыбачук И. В.
Чукотские девушки. 1954–1956
Холст, масло. Из коллекции НГРК

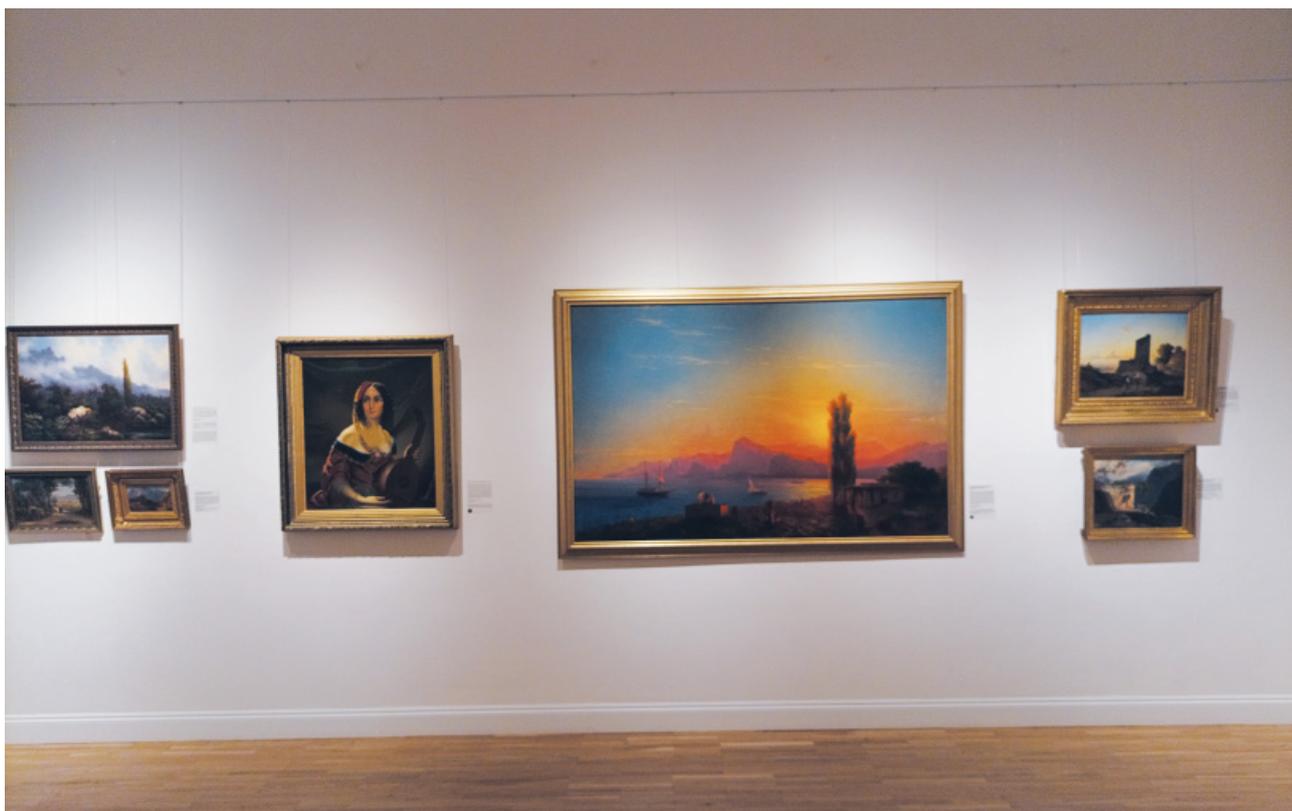
Постников В. Г.
Улица Орджоникидзе
в Сыктывкаре. 1942
Бумага, тушь, перо. Из коллекции НГРК

Поляков В. В.
Лесозавод. 1954
Бумага, гуашь. Из коллекции НГРК

Хотимова Н. Г.
Розы. 1953
Холст, масло. Из коллекции НГРК

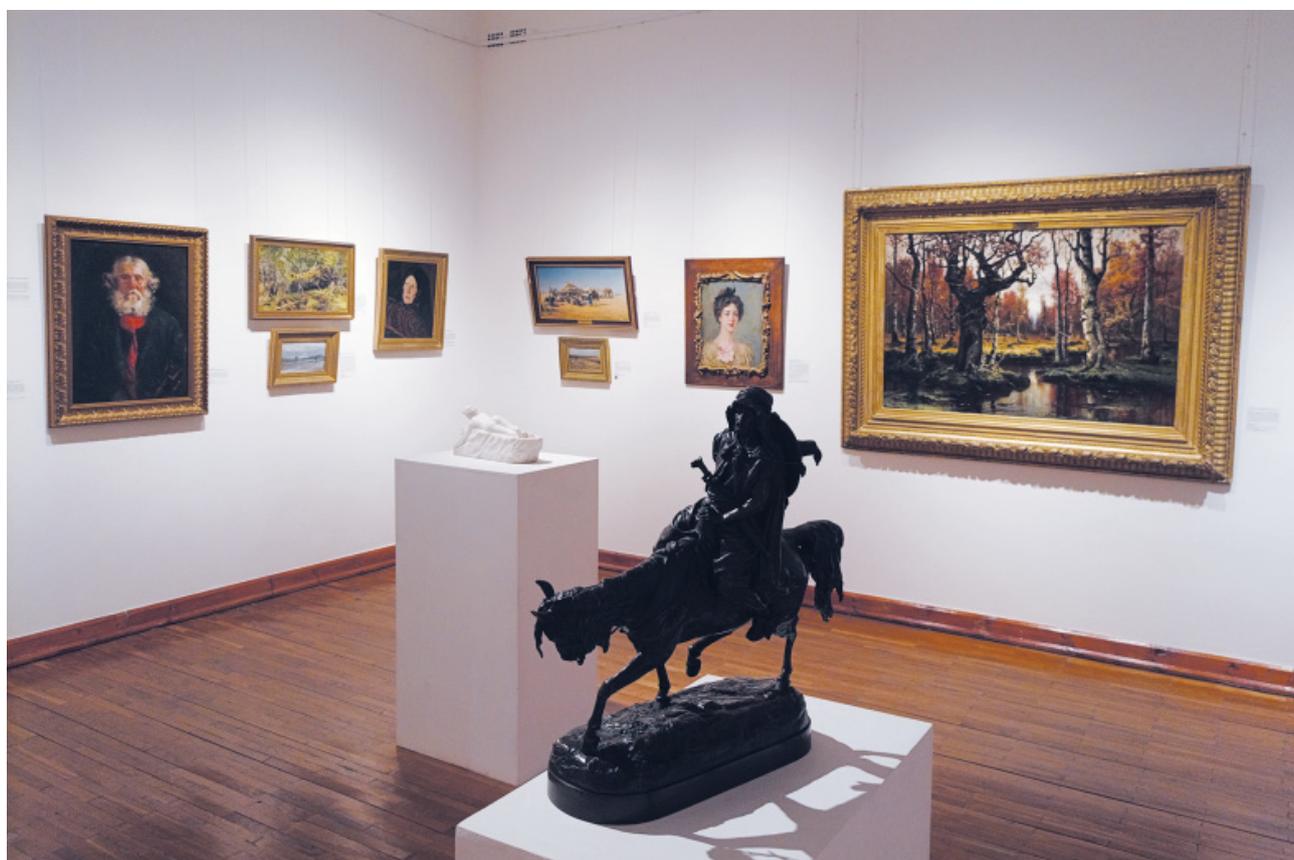
Зал русского искусства XVIII – первой половины XIX вв.

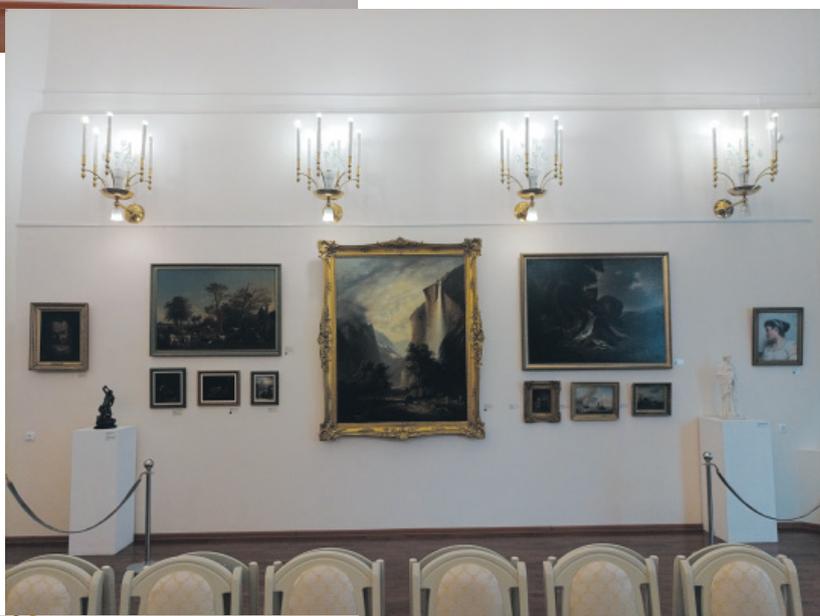
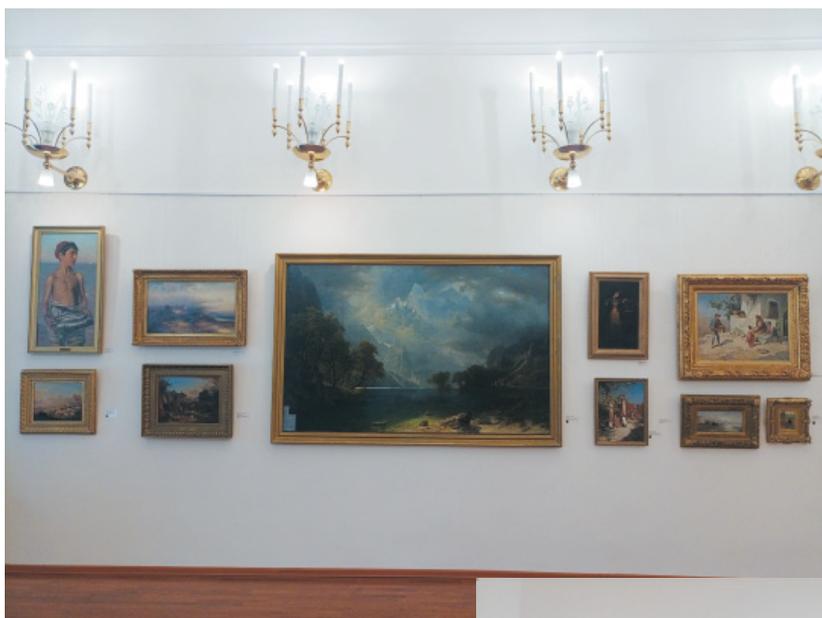
Зал русского искусства второй половины XIX – начала XX вв.

Зал русского искусства второй половины XIX – начала XX вв.

Зал русского искусства второй половины XIX – начала XX вв.

Зал зарубежного искусства XVII – начала XX вв.

Краева Т. П.
Первая рыбка. 1958
Глина, тонировка. Из коллекции НГРК

Кристина
Овсянкина

**Кристина Игоревна
Овсянкина,**

г. Сыктывкар – график,
коллажист. Участник
республиканских, все-
российских выставок,
фестивалей, зарубеж-
ных арт-резиденций
(Швеция). Степендиат
Министерства культуры
РФ. С 2017 член Союза ху-
дожников России.
Образование –
Сыктывкарский государ-
ственный университет
им. Питирима Сорокина,
факультет искусств.

Ветер и музыка

светлый день
грустно смотрит
холодными глазами
скорей бы стемнело

и тогда
неоновые вывески
и светодиодные огни
светофоров
упадут в бездну
времени

и тогда
можно гулять
бесконечно
по этому
цветному небу

потому что
я тебе безмерно верю

з и м а

маленький пришелец
уверенно держит мой палец
своими пятью
воздух мерцает
пожалуйста
расскажи мне
всё, о чём мы уже не знаем

гладь нежная
травы
страшной отравы
зачем бежать
когда
ничтожен великан
а слабость велика
да и куда

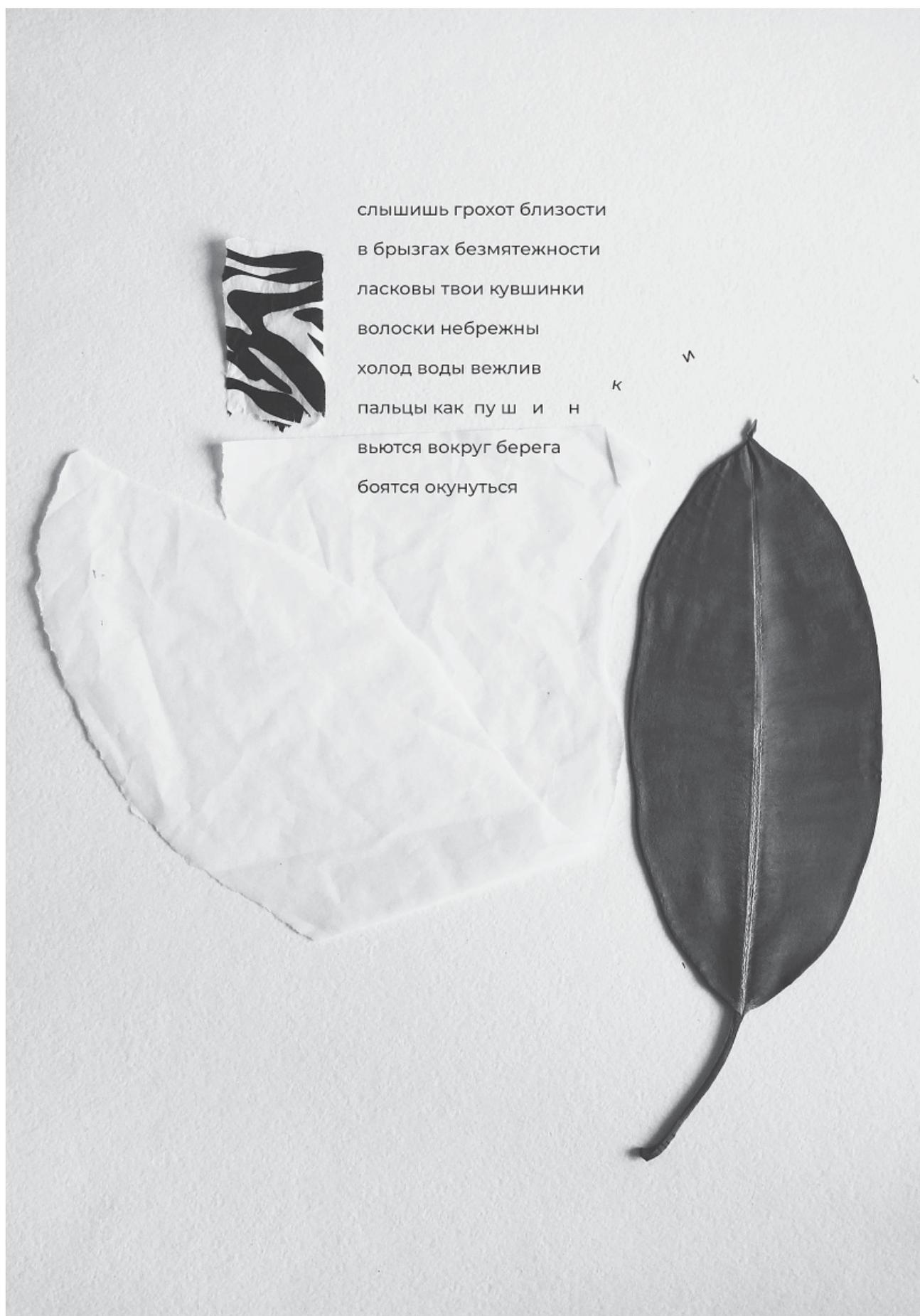
мне остаётся быть
быть обнажённой
и потом
услышать
вспомнить
коснуться дна
нутром
и стать искомым

мы нашли
осиное гнездо
светло-серого цвета
но ос
в нём не было
лишь несколько
маленьких личинок
готовых
к новой жизни

ветер с севера
тёплый для этого вечера
он скользит по моему лицу
обнимает бархатом черёмухи
дождём стекает по моим ладоням
отражается в асфальте зелёными огнями
и, если прислушаться,
можно уловить музыку
с самой далёкой космической станции

это ты сегодня со мной

невесомая моя
радость
ладить и лелеять я
самошь
буду нашу нежную
свѣтом
буду я твоим
самоцветом
буду я твоею
песчинкой
во Вселенной
бирюзовых видений
лепесточком
тычинкой
на ладони горячей
твоей

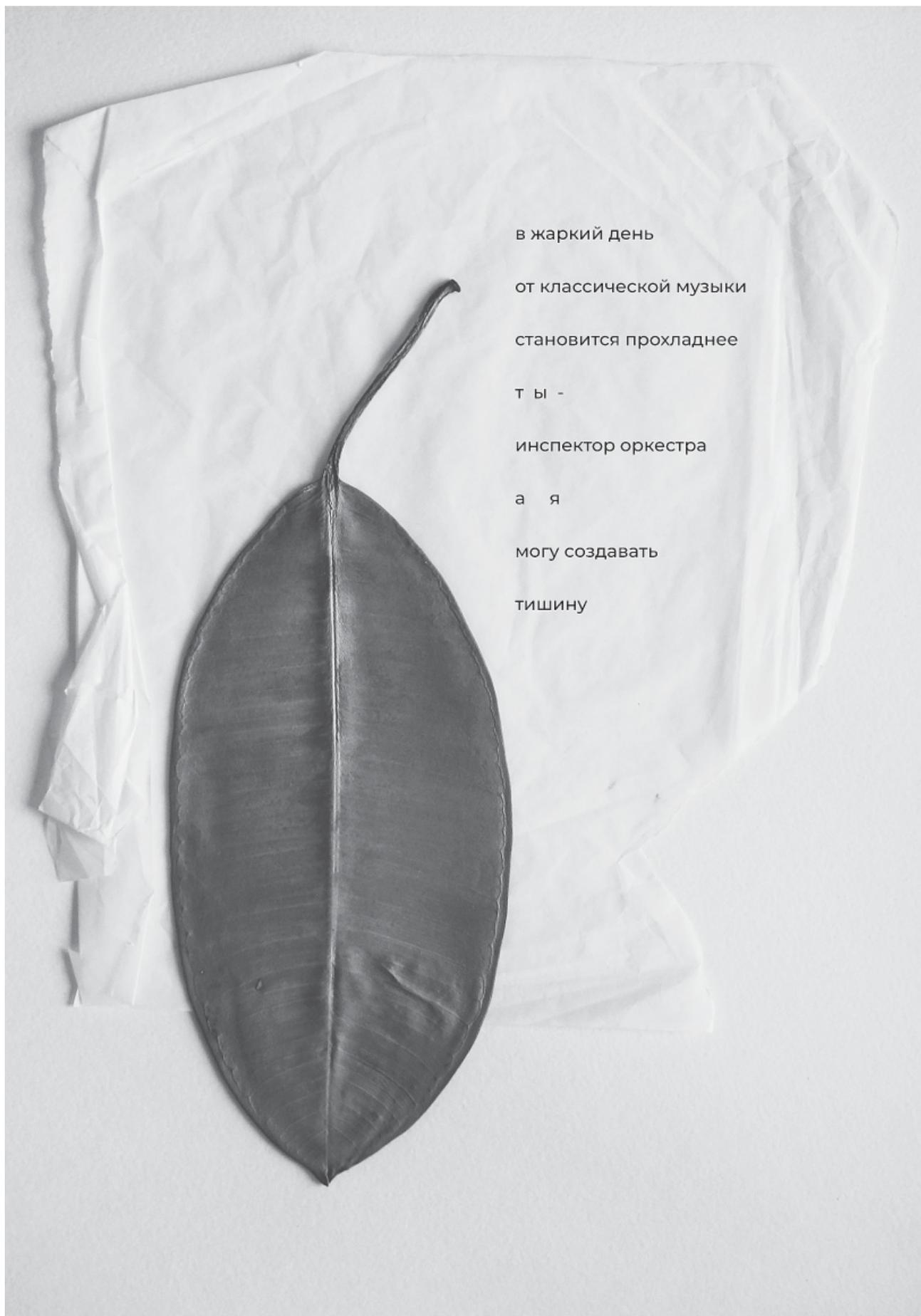

ветер и музыка

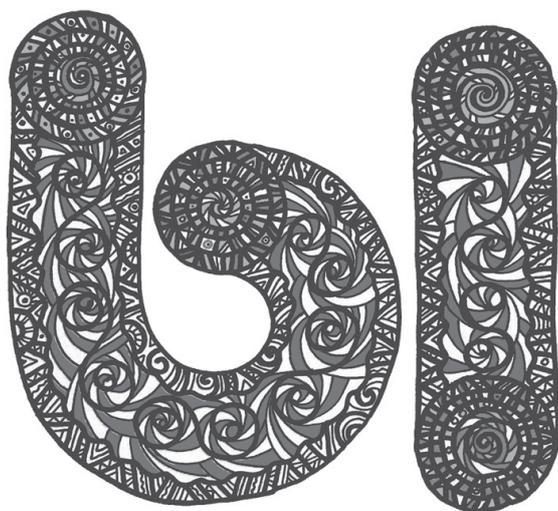
полёт соловья

платье из твоих поцелуев

в жаркий день
от классической музыки
становится прохладнее
Т ы -
инспектор оркестра
а я
могу создавать
тишину

**ТОМ ГИЖЫСЬЯСЛӨН
ЛИТЕРАТУРНОЎ ЖУРНАЛ**

Александра Карабут:

«Быд мортлөн кабалаыс аслыспөлөс. . .»

Ёрта сёрни

2022 воын Коми Республикаса Национальной архив пасйис 100 во тырём. Дыр кад чөж, ХХ нэмся 30-өд вояс пансытөдз, Усть-Сысоьльскын вөлі сөмын Обласьтса архив. Сійөс лөсьөдісны Коми облысполкомлөн шуом серти 1922 вося октябр 23 лунө. Медводдза веськөдлысьнас пунктисны чужан му туялысь Андрей Андреевич Цемберөс.

Коми Республикаса Национальной архивөн веськөдлысь пыдди удж вөчысь **Алексей Иванович Макаров** юксис «Арт» журнал редакциякөд аслас мөвпьясөн: «Талун кежлө Коми Республикаса Национальной архив – миян регионын культурной, научной учрежденияс пөвстысь өти, кодлөн фондун эм 1,3 миллион сайө кабала уна пөлөс носитель вылын йөзлөн уджалан нырвизьяс серти. Архивлөн удж – тайө Россия Федерацияса Архивной фондлысь кабалаяс видзөм, учётө босьтөм, чукөртөм, наён вөдитчөм, а сідзжө йөзлөн корөм серти социальной услугаыс сетөм.

Коми Республикаса Национальной архивын видзөны революцияводзвывса учреждениеаслысь, котыръяслысь кабалаяс, кодьяс висьталөны Коми мулысь XVII–XX нэмьясы историясө. Архивө быд во содөны государственной учреждениеаслөн кабалаяс. Найө восьтөны республикалысь общественно-политической, социально-экономической да культурной оломсө.

Официальной кындзи, архивө вооны и государственной, общественной, культурной, научной оломын төдчана уджалысьяслөн, Коми Республикаса поэтыаслөн да гижысьяслөн кабалаяс. Архив уджын тайө зэв колана нырвизь, и сійө ёна озырмөдө Россия Федерацияса Архивной фондсө татшөмсяма аслыспөлөс кабалаясөн».

Республикаса төдчана йөзлысь кабалаяс чукөртөмөн Национальной архивын ноксьө том специалист, комплектование, ведомственной архивьяс да делопроизводство юкөнын ведущей архивист **Александра Андреевна Карабут**. Сетам сылы кыв.

– **Александра, мыйөн кыскө тиянөс тайө уджыс и кутшөм шөр могъяс пөртанныд оломө? Кутшөм кабалаясөн тиянлы медся ёна кажитчө вөдитчыны?**

– Менам эм позянлун төдмасыны республикаса төдчана йөзлөн оломөн да вөчөмторьясөн, инмөдчыны налөн творческой да профессиональной удж петкөдлан кабалаясө. Тайө вермасыны лоны йөзөдлытөм гижөдьяс, выступайтан текстьяслөн пелькөдтөм пасйөдьяс, скульптура, афиша да спектакльдорса декорация эскизьяс, гортса архивысь либө уджывывса снимокьяс, странаын да республикаын лоөмторьяс йылысь пасйөдьяс.

Быд мортлөн кабалаыс аслыспөлөс, и фондсө видлалігөн гөгөрвоан, кутшөма жө торьялө йөзлөн творческой да профессиональной оломыс.

– **Республикаса кутшөм төдчана йөзлөн фондьяс эмөсь архивын?**

– Босьтны кө кадколастсө 2023 вося январ 1 лунөдз, Коми Республикаса Национальной

архивлөн дөзьөр улын эм 112 личной фонд (туялысьяс, гижысьяс, поэтъяс, ворсысьяс, режиссёръяс, серпасалысьяс, скульпторъяс, политикаын да общественной котыръясын водзмөстчысьяс), а сідзжө 2 коллекция: культураын зильысьяслөн да чужан му туялысьяслөн.

На пөвстысь колö пасйыны сикасъяс да пытшкөс серти торъялана кабалаяс музейной да архивной удж котыртысь Андрей Андреевич Цемберлысь (фонд Р-963), коми литературалы подув пуктысь Иван Алексеевич Куратовлысь (фонд Р-288), биология туялысь, Печораса видз-му овмөс станция лөсьодысь Андрей Владимирович Журавскийлысь (фонд Р-340), челядьлы коми гижысь, вуджөдчысь Агния Андреевна Сухановалысь (фонд Р-962), Коми АССР-са народной овмөсын заслуженной уджалысь, государственной деятель Зосима Васильевич Паневлысь (фонд Р-2431), СССР-са художник котырлөн Коми юкөнын удж котыртысь, серпасасысь Валентин Викторович Поляковлысь (фонд Р-1536), РСФСР-са заслуженной ворсысь Степан Иванович Ермолинлысь (фонд Р-1324), гижысь да драматург Рафаил Соломонович Клейнлысь (фонд Р-2400), КПСС-са Коми обкомын медводдза секретар Иван Павлович Морозовлысь (фонд П-3808), Коми Республикаса народной поэт, Россияса гижысь котырö пырысь Надежда Александровна Мирошниченколысь (фонд Р-2518) и мукөдлысь.

– Мыйöн торъялöны тöдчана йöзлөн кабалаясыс?

– Россия Федерацияса Архивной фондлөн кызвын юкөныс петкөдлö организацияслысь официальной уджсö. Но сэтöн оз тырвийö воссыны странаса да республикаса общественной да научной олöмысь лöмторъяс, кодъясöс позьö видлавны история боксянь. Организацияслөн архивной кабалаяслысь татшöм тырмытöмторсö отсалöны бырöдны тöдчана йöзлөн фондъяс, кодъясын тырвийöджык тыдовтчö йöзлөн мөвпсямыс да быдлунъя олöмыс, донъявсьöны лöмторъясыс.

– Александра, а кызди позьö вуджөдны Национальной архивö Коми Республикаса тöдчана йöзлысь кабалаяссö?

– Татшöм кабалаяс примитигөн донъявсьö общественной олöмö тайö мортыслөн пай пуктöмыс, республика олöмын сылөн тöдчанлуныс, рöдвужкөд, ёртъяскөд, уджёртъяскөд йитöдъясыс, уджалан местаыс, штат серти чиныс. Сідзжө видзөдсьö, ёна-ö лөсялöны каддыслы сылөн кабалаясыс.

Национальнӧй архивӧ кабалаяс сеттӧдз колӧ видлавны найӧс, киритны косясьлӧмсӧ, абу тӧдчанасӧ либӧ ӧткодьсӧ, сӧсся тӧчны сьӧрсьӧн-бӧрсьӧн. Ӧд гортса архивын кабалаясыс пырджык дзугсьӧмӧн куйлӧны. А рукописьяслысь торъя лист бокъяс, кызди авторлӧн пасйӧдӧн, сӧдзи и пасйӧдтӧг, государство дӧзьӧр улӧ оз босьтны. Архивӧ вӧзъян став кабалаӧ колӧ пасйыны кадпас, а нӧшта и гижны снимокъяслысь сюрӧссӧ.

Кабала донъялӧм вылӧ тӧдчӧ автографичносът, вӧчӧм пасйӧдъяс, серпасъяс, тӧчасног, кышӧд. Татшӧм аслыспӧлӧслуныс петкӧдлӧ гижӧд вылын уджаланногсӧ и вермӧ сетны содтӧд юӧр литератураын и искусствоын тӧдчана йӧзлӧн олӧм да творчество туялӧгӧн. А збыльнӧй кабала пыдди кӧ лоӧ копия, тайӧ нин чинтӧ фондлысь донсӧ да тӧдчанлунсӧ.

Архивӧ примитӧгӧн кутӧны тӧд вылын оз сӧмын кабалалысь ортсы признакъяссӧ, но и сюрӧссӧ. Кабалаяс вермас и не висътавны кутшӧмкӧ лоӧмторъяс йылысь, но, гашкӧ, сӧйӧ восьтас торъя общественнӧй котырлысь мӧвпъяссӧ, ловрусӧ и татшӧм ногӧн пуктас пай история озырмӧдӧмӧ.

– Висъталӧй, пӧжалуйста, кутшӧм кабалаяс вермасны нуны архивӧ миян гижысьяс. Мыйла колӧ вӧчны тайӧс олан туй помасътӧдз на?

– Национальнӧй архивӧ видзӧм вылӧ позьӧ сетны татшӧм кабалаяс:

- ки помысь гижӧм да машинкаӧн печатайтӧм текстъяс (автобиография, докладъяс, статьяяс, дневникъяс, записнӧй книжкаяс, лоӧмторъяс да республикаса тӧдчана йӧз йылысь казътылӧмъяс, небӧг рукописьяс);

- служебнӧй да общественнӧй уджкӧд йитчӧм уна во чӧжся письмӧасьӧм;

- служебнӧй да общественнӧй удж серти кабалаяс (съездъяс, собраннӧяяс, коллегияяс дырйи дасътӧм кабалаяс, помшумъяс, резолюцияяс, выступайтысьяслӧн докладъяс, текстъяс);

- фонд лӧсьӧдысьлӧн радейтана нырвизь серти чукӧртӧм кабалаяс (шуам, газет-журналысь статьяяс и с. в.);

- личнӧй кабалаяс либӧ налӧн копияяс (свидетельствояс, удостоверениеяс, орденскӧй книжкаяс, почӧт ним сетӧм йылысь дипломъяс, анкетаяс, справкаяс, грамотаяс);

- фонд лӧсьӧдысь йылысь кабалаяс, мукӧд авторлӧн статьяяс;

- пасйӧм сюрӧса снимокъяс (личнӧй, профессиональнӧй уджкӧд либӧ нималана йӧзкӧд йитчӧм снимокъяс и с. в.);

- видеоматерьял (документальнӧй фильмъяс, вильторъяс, фонд лӧсьӧдыськӧд йитчӧм съёмкаяс);

- петасъяс (газет-журнал, небӧгъяс) авторъяссянь козыналан пасйӧдӧн.

Архивӧ кабалаяс дасътӧм – тайӧ зӧв сьӧкыд удж и босьтӧ уна кад. Но позьӧ ӧд и творческӧй удж вӧчигмоз лӧсьӧдны татшӧм кабалаяссӧ, тӧчны сьӧрсьӧн-бӧрсьӧн да пасйыны сюрӧссӧ.

Сюрӧса, бура дасътӧм кабалаяс сетӧм бӧрын архивист вӧчас донъялана экспертиза да примитас найӧс архивӧ.

Варовитӧс Алӧна Шомысова.

Снимокъясыс

Коми Республикаса Национальнӧй архивысь.

